В этом номере

ISSN № 0130-7045

Академик А. ЛОГУНОВ

К ИСТОКАМ МАТЕРИИ

1 июня — ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Статья, очерк, заметка о детях и их воспитании

В. ТРУБИЦЫН

РЯДОМ С ДОМОМ

Рассказ о пропагандистской работе по месту жительства

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Член-корреспондент АН СССР А. БАБАЕВ

ЧЕЛОВЕК И ПУСТЫНЯ

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

Найо МАРШ

МЕРТВАЯ ВОДА

Начало романа

6 • 1980

Кузнец Айнар вскармливает легендарного коня Араша расплавленной сталью.

Кузница Айнара.

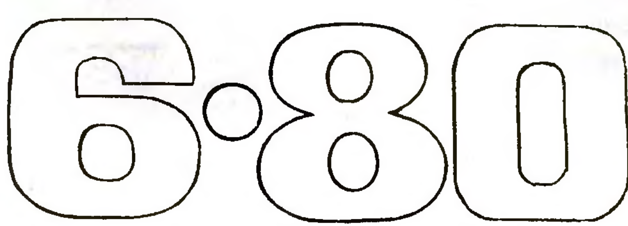
Ажавейпша — покровитель белых птиц и зверей, старейший своего рода.

Смерть Абрскила.

Фото В. Полуниной

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

НАША ОБЛОЖКА

Ежегодно 1 июня весь мир отмечает День защиты детей. Мирное и счастливое будущее подрастающего поколения — главная цель всех наших усилий и свершений, едва ли не самая важная забота всего прогрессивного человечества.

В Советской стране после победы Великой Октябрьской социалистической революции забота о детях стала поистине общегосударственным делом — впервые в истории. Наши дети растут, не зная нужды и лишений, получая все для гармоничного физического и духовного развития.

Велика ответственность тех, кто направляет и определяет это развитие: ведь от того, что придет нам на смену, зависит завтрашний день планеты. Родители и наставники открывают пытливому ребячьему взору огромный многообразный мир. Они учат любить природу, бережно относиться ко всему живому, быть добрыми и справедливыми, видеть и понимать прекрасное. Маленький человек должен вырасти Человеком с большой буквы, хозяином своей судьбы, достойным продолжателем наших дел.

И ничто не должно воспрепятствовать благородному делу воспитания нового человека. Ни религиозные догмы, ни предрассудки не должны притуплять живого интереса детей к реальному миру, к знаниям, искажать их представления о жизни, омрачать их радость. Ведь дети — реальный залог бессмертия здесь, на земле.

На **второй** странице нашей обложки — рисунки маленького художника Даура из Абхазии (см. в номере очерк В. Полуниной «Колыбель Даура»).

Третья страница обложки рассказывает о народном самодеятельном коллективе села Бобравы Беловского района Курской области (см.: Ю. Холопов. «Тимоня»).

Фото А. Железняка.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

ИЗ ЛЕНИНСКОГО ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ

2 **А. Логунов.** К истокам всего сущего

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

1 июня — День защиты детей
6 **Ю. Рюриков.** Педагогика доброго терпения
14 **А. Рабинович.** Светлый след Чабахан
16 **В. Попунина.** Колыбель Даура

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

17 **В. Трубицын.** Рядом с домом
20 **О. Черчесова.** После работы
20 **Н. Адрианова.** Когда и где вести беседу атеисту?

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

24 **В. Шевелев.** В нескольких часах езды от Оренбурга...

ПРИРОДА И РАЗУМ

27 **А. Бабаев.** Человек в пустыне

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

31 **Л. Минько.** Что помогает: магия или опыт?
32 **Г. Медынский.** Позиция, требующая мужества
33 Обсуждаем очерк «Шаг через катастрофу»

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» РАСТЕНИЯ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

34 **М. Касперавичюс.** Тайны «священных» грибов

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

36 **А. Вещиков.** Не в ладах с фактами

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

38 **Б. Марьянов.** Вековечный памятник
42 **Ю. Холопов.** «Тимоня»
43 **Н. Марш.** Мертвая вода

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

54 **А. Белецкая.** Формирование нового человека

ЗА РУБЕЖОМ

57 **И. Аничас.** В одной упряжке
60 **И. Григулевич.** Будущее даст ответ

БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ

63 **Ю. Ионов.** Поездка в Бамиан

К ИСТОКАМ ВСЕГО СУЩЕГО

ИСТОРИЯ познания мира показывает: в любой отрасли науки время от времени происходит смена представлений, когда привычное, казалось бы, незыблемое положение уступает место новому, непривычному, даже на первый взгляд парадоксальному. Особенно убедительно это видно на примере физики. По существу, вся сравнительно короткая история атомной физики и физики элементарных частиц — сплошная цепь таких удивительных открытий и сменяющихся представлений.

В конце прошлого века некоторые ученые-естествоиспытатели и философы высказывали мысль, что физическая картина строения материи завершается и что остались невыясненными лишь отдельные моменты, которые уже не изменят существа дела. Однако оказалось, что эти «отдельные моменты» в корне изменили не только старые представления, но открыли совершенно новый мир физических явлений. Физики сумели проникнуть «дальше» — за непроницаемую, казалось, завесу новых тайн природы, и оказалось, что атомы делимы, а время и пространство неразрывно связаны между собой. Расстояние и время являются понятиями относительными, так же как и скорость. Вспомним, что все это, по существу, началось с открытия радиоактивности и изучения электромагнитных явлений — новых проявлений бесконечно многообразных свойств материи. Однако в то время ученым было трудно принять непривычное, отказаться от столь удобного и понятного представления о материи как субстанции, изученной почти до конца. Поэтому новые открытия многие из них приняли за доказательство того, что материя исчезает и все здание науки рушится.

С глубокой критикой подобных взглядов выступил В. И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в мае 1909 года. В ней он провел глубочайший анализ новейших для того времени естественнонаучных открытий и убедительно показал, что общие причины толкования вновь открытых процессов как «кризиса физики» находятся вне физики и естествознания вообще, что эта дискуссия имеет своим содержанием старую борьбу между материализмом и идеализмом, которая ведется в новых условиях. Иначе говоря, существо данного «кризиса» состояло в еще одной попытке доказательно отвергнуть существование материи как «объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им»[1].

В. И. Ленин показал, что исчезает не материя, а тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, процесс познания идет дальше, глубже, устаревают наши представления о таких свойствах материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, изначальными. Некоторые свойства материи теперь обнаруживаются лишь как относительные, присущие только некоторому ее состоянию, ибо единственное ее свойство, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания. Таким образом, Ленин в этой работе показал, что с материей как с философской категорией на самом деле ничего не произошло, просто были открыты новые физические формы ее существования.

За семь десятилетий, прошедших с тех пор, в познании материи произошли значительные события: в 20—30-х годах была создана квантовая механика, которая помогла открыть и изучить еще более глубинный ее слой — мир микрочастиц. А это повлекло за собой создание целого ряда новых философских толкований со стороны естествоиспытателей. В какой-то период они столь расходились с физической теорией, что стали возникать мнения: квантовая механика не имеет никакого отношения к физической реальности.

Дебаты на эту важную тему продолжались вплоть до 50-х годов. Тем не менее реальные эксперименты и практика доказали правомерность квантовой теории, она прочно вошла в науку, а идеалистические концепции потерпели крах. Более того, можно сказать, что сегодня уже квантовая механика становится даже инженерной наукой, так как служит теоретической базой научно-технической революции, совершающейся на наших глазах.

После создания теории атома стало ясно, что он не является неделимым, как думали древние, а имеет составное строение. Была создана его довольно простая модель: в центре атома находится ядро, которое в свою очередь состоит из неделимых далее частиц — положительно заряженных протонов и равных им по массе, но не имеющих заряда нейтронов. А вокруг ядра кружится «облако» отрицательно заряженных легких частиц — электронов. Их число соответствует числу протонов в ядре. Все стало, казалось бы, несомненным, тем более что эта теория объясняла и замечательное открытие — периодический закон Д. И. Менделеева, предвосхитивший квантовую механику. Однако с 50-х годов было проведено много новых экспериментальных исследований и теоретических изысканий, которые со всей убедительностью свидетельствуют, что и сами элементарные частицы также оказались отнюдь не элементарными, а имеющими составное строение. Как это выяснилось?

Считалось, что протон живет бесконечно долго, а нейтрон — частица распадающаяся — живет только внутри ядра. В этом смысле электрон, как и протон, тоже существует бесконечно долго. Иначе говоря, окружающий нас материальный мир состоит из весьма устойчивых частиц.

Теперь обратимся к ядру атома. Оно, как уже говорилось, состоит из имеющих много общего протонов и нейтронов. В силу этого их стали называть одним словом — нуклоны. Они накрепко скреплены в ядре, и, чтобы его расщепить, потребовалось разгонять частицы до очень высоких энергий, порой превосходящих миллионы электроновольт. Когда же были созданы более мощные ускорители частиц, то оказалось, что протоны и нейтроны при

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 271.

Рассказывает
Герой
Социалистического Труда,
академик
Анатолий Алексеевич
ЛОГУНОВ,
вице-президент АН СССР,
ректор
Московского
государственного
университета
имени М. В. Ломоносова.

столкновении с мишенью стали давать жизнь буквально десяткам новых частиц со своими весьма сложными взаимодействиями. При этом столкновении одни частицы превращались в другие и т. д. Со времени открытия нуклонов и до настоящего момента было открыто свыше 200 элементарных частиц.

Как это объяснить, как объединить и систематизировать их? Вопрос, и так достаточно сложный, осложнялся еще и тем, что современная наука пока недостаточно изучила природу сил взаимодействия этих частиц. Но об этом мы скажем позже. Сейчас же обратимся к ответу на вопрос: может быть, многие из вновь открытых частиц схожи между собой и их можно объединить в меньшее число? Этот вопрос возник вот в какой связи.

Открытие большого числа частиц вызвало необходимость их классифицировать. Здесь физиков предвосхитили математики, создавшие в прошлом веке теорию групп. Она описывала для некоторой определенной группы представления, состоящие как бы из трех, шести, восьми, 10 элементов. Оказалось, подобная закономерность наблюдается и в мире элементарных частиц. Протон и нейтрон при этом объединяются не только общим названием — нуклон, но и одинаковым собственным моментом движения — спином $^{1}/_{2}$. Они в свою очередь входят в своеобразную восьмерку частиц — октет барионов. Причем физические свойства этих частиц увязываются как раз в такую восьмерку...

Данная классификация открыла новые физические закономерности. Так, по мере «раздевания» частиц, то есть при отключении некоторых физических сил (например, электромагнитных взаимодействий), выяснилось, что массы всех этих частиц примерно одинаковы. Иначе говоря, симметрия частиц, их одинаковость возникают по мере выключения некоторых сил природы. В действительности мы, конечно, выключить силы природы не можем, это лишь пример научной идеализации, позволяющей увидеть новые свойства симметрии среди многообразия казалось бы совершенно различных частиц.

Самым удивительным среди открытых таким образом закономерностей оказалось то, что группы, как бы состоящие из восьми и 10 элементов, были заполнены, а группы из трех и шести остались свободными, так как еще не были найдены в экспериментах частицы, которые вошли бы в них. Это натолкнуло ученых на мысль, что частицы, входящие в тройку, которые еще не наблюдались в эксперименте, на самом деле реально существуют в природе, даже обладают такими свойствами, которые резко отличаются от всего того, что известно об элементарных частицах, и могут иметь фундаментальное значение. Отсюда сразу стало очевидным, почему в природе наблюдаются восьмерки и десятки частиц и нет шестерок.

Так была выдвинута идея, что есть в природе частицы, входящие в состав уже известных, — кварки. Это произошло в 60-е годы, тогда же начался их поиск, но получить их опытным путем пока не удалось. Одни исследователи считают, что кварки обладают очень большой по сравнению с другими элементарными частицами массой и их поэтому невозможно наблюдать, так как не хватает энергии частиц, получаемых на ускорителях. Другие высказывают мысль, что кварки вообще находятся внутри нуклонов в своеобразном «заключении» и вне их просто не встречаются. Тем не менее с помощью кварков удивительным образом объясняется вся огромная совокупность экспериментальных данных, полученных в опытах на ускорителях частиц.

Сначала предположили существование трех кварков — У, Д, С, потом, что первые два лежат в основе всего окружающего нас вещества: они — в атомах, нуклонах, из их пар или троек, тесно связанных друг с другом, состоят все «тяжелые» частицы. Третий кварк объясняет существование «странных» частиц. Затем был предложен четвертый кварк — по аналогии с четырьмя лептонами, к которым, как известно, относятся электрон и электронное нейтрино, мю-мезон и мю-мезонное нейтрино. Если поверить в симметрию между лептонами и кварками, то раз лептонов четыре, значит, и кварков должно быть четыре. Четвертый кварк позволил объяснить существование так называемых «очарованных» частиц.

Итак, хотя идея кварков пока гипотетична, потому что их еще никто не наблюдал, она тем не менее дала нам возможность объяснить закономерности мира элементарных частиц, более того — предсказать много новых частиц, которые затем были экспериментально открыты. Наряду с частицами, существующими в окружающем нас мире, возник мир «странных» и «очарованных» частиц, искусственно полученных на ускорителях.

Как видим, развитие теории элементарных частиц еще раз убедительно свидетельствует о бесконечном характере процесса познания, показывает, что знание ведет нас в глубины «все более странного мира», к открытию все более диковинных его явлений. Вспомним, что В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» подчеркивал: открытие диковинных явлений — «это только лишнее подтверждение диалектического материализма» [2]. А ведь и в наши дни имеются ученые, которые десяток лет назад считали, что в физике элементарных частиц наступил кризис. Проникновение в глубины вещества, однако, убедительно подтверждает ленинскую мысль о материальном единстве мира, о его неисчерпаемости.

В этой связи необходимо добавить: в процессе становления современной физики еще раз подтвердилось, что использование физических понятий за границами их естественной, закономерной применяемости неизбежно ведет к неполному и даже неверному описанию реальной действительности. То, что мы сегодня знаем о глубинном строении вещества, отнюдь не дает оснований утверждать, что все о нем уже известно до конца. В природе всегда существует некоторый круг явлений, описание которых остается за пределами возможностей современной науки.

Именно поиск явлений, не объяснимых с точки зрения современных представлений, является ключевым моментом для дальнейшего проникновения в тайны природы. Гипотеза кварков объясняет не только составное строение элементарных частиц, она совершенно неожиданным образом трактует и характер взаимодействия частиц при их столкновениях.

Проведем эксперимент: столкнем два нуклона, состоящие, как говорилось, из трех кварков. На ускорителе один нуклон будет находиться в мишени, другой мы разгоним до очень больших энергий, чтобы столкнуть его с первым. Если внутри нуклонов находятся кварки и взаимодействие идет между ними, то должно иметь место девять пар вза-

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 276.

имодействий — ведь каждый кварк взаимодействует с каждым.

Возьмем другой случай: мезон сталкивается с нуклоном. Мезон состоит из двух кварков, в нуклоне — три кварка. Здесь должно произойти шесть пар взаимодействий. Таким образом, отношение взаимодействий между второй и первой реакциями равно 6:9 или 2:3. Это теоретический расчет. Эксперименты, проведенные на ускорителях, эту формулу взаимодействий подтвердили, наука накопила и другие подобные факты. Значит, кварки входят в физику на весьма серьезных основаниях и, хотя и косвенно пока, уже дают о себе знать во многих экспериментах. Примеров их можно было бы привести здесь немало. Все они еще и еще раз свидетельствуют: идея составного строения элементарных частиц уже не вызывает сомнения, хотя характер сил и взаимодействий кварков внутри элементарных частиц пока далеко не изучен и потребуется еще экспериментальный материал и теоретические идеи.

Как известно, одно из основных положений материалистической диалектики — признание всеобщей взаимосвязи явлений в природе. И когда мы говорим об изучении сущности элементарных частиц, то ее нельзя осмыслить без достаточного понимания основных сил взаимодействия, которые определяют все естественные процессы. Сегодня известны четыре вида таких взаимодействий. Из них два — электромагнитные и гравитационные силы — наука знает давно. А два других появились недавно — с рождением атомной физики. Так называемое «сильное взаимодействие» — это сила, удерживающая частицы в ядре; «слабое взаимодействие» определяет радиоактивный распад некоторых атомов и время жизни многих элементарных частиц.

Единство сил в природе — проблема, которая особенно остро встала лет 25—30 назад, хотя наука интересовалась ею всегда — еще древние стремились объединить все силы природы. Объединить электрические и магнитные силы удалось Фарадею и Максвеллу. Именно на этом единстве родились электромагнитная теория и представления об электромагнитном происхождении света, иначе говоря, те идеи, которые сегодня служат основой всей техники.

А. Эйнштейн, с именем которого связана специальная и общая теории относительности, посвятил около 40 лет попыткам объединить силы природы (тогда были известны электромагнитные и гравитационные), причем сделать это на классической основе, не используя квантовой механики. Он считал, что протонов, нейтронов и электронов для установления такого единства достаточно.

Создать единую теорию электромагнитных и гравитационных сил Эйнштейну не удалось. Объединение, как оказалось, надо было искать на совершенно другом пути. И действительно, в наше время оно происходит на другой теоретической и экспериментальной основе современной науки. Наиболее последовательно удается объединить электромагнитные и слабые силы. Построено немало моделей и принципов объединения четырех известных сил природы. Что значит такое объединение? Оно означает, что и те и другие силы — проявление одной сущности — единого материального мира. Причем эта идея объединения не только широко развивается в теории, но и косвенно подтверждается экспериментами. Единство сил природы открывает возможность с помощью одних сил управлять другими.

Описывать рассуждения теоретиков и эти эксперименты было бы чересчур длинно и сложно для читателей журнала. Я думаю, мне поверят на слово, если я скажу: эти опыты привели физиков к тем же кваркам, а в частности к тому, что есть их различные виды, которые условно можно отличать по «цветам». Тут следует подчеркнуть, что под этими понятиями подразумеваются совершенно определенные, специфические свойства этих частиц, а не тот обычный смысл данных слов, с которым мы имеем дело в повседневной жизни. Такую гипотезу о существовании «цветных» кварков предложила группа академика Н. Н. Боголюбова.

Они предположили, что имеются кварки с разным квантовым числом — цветом трех видов — по аналогии с тремя основными красками, из которых, как известно, составляются все остальные. Значит, если рассматривать три типа «цветных» кварков и соответственно их антикварки, то с их помощью можно устранить некоторые существующие в экспериментах противоречия с теорией. Существование кварков разного «цвета» было косвенно подтверждено и в экспериментах. Тем не менее физики из теоретических соображений предполагают, что должно быть не три «цветных» кварка, а шесть, поскольку к перечисленным ранее четырем лептонам прибавились еще два — тау-лептон и его нейтрино. Таким образом, после того как была выдвинута эта идея, недавно обнаружено, что в ньютонии как бы косвенно содержится пятый «цветной» кварк.

Какие же силы удерживают кварки в частицах? Это один из самых трудных вопросов в современной физике. Практически его сегодня пока решить нельзя — нет еще ускорителей столь высоких энергий. Если действительно сильные взаимодействия объединяются с электромагнитными и слабыми, то и кварки в свою очередь тоже должны обмениваться какими-то частицами, масса которых 0, а спин равен 1. Теоретики назвали эти частицы глюонами — от слова «клейкий». Предполагается, что они как бы склеивают кварки в элементарных частицах.

Считается, что глюоны фактически зарегистрировать невозможно. Дело в том, что они так связывают группы кварков, что при их делении получается кварк и другая частица (примерно, как в магните, где невозможно отделить один полюс от другого). Кварки в хроматических группах нельзя оторвать друг от друга. Силы, действующие между ними, совершенно отличаются от известных нам сил. Если гравитационные силы, в соответствии с законом Ньютона, с увеличением расстояния убывают, то силы взаимодействия между кварками с увеличением расстояния растут, именно поэтому разорвать эти силы нельзя, что и породило идею о «заключении» кварков. Однако косвенными опытами глюоны уже обнаруживаются...

Если все это так, то глюоны заполняют недостающее звено и перед наукой открываются вполне реальные пути объединения сил природы. Так, сильные взаимодействия уже можно объединить с электромагнитными и слабыми. Электромагнитные взаимодействия — это обмен фотонами, слабые — промежуточными базонами, а значит, сильные — глюонами, гравитационные — гравитонами. Фотоны, промежуточные базоны и глюоны — это все векторные частицы; они имеют спин 1. Однако гравитоны имеют спин 2, а поэтому, понятно, в это объединение не входят. В настоящее время такое объединение сил природы очень широко обсуждается, построены разные варианты теорий, которые получают некоторые косвенные экспериментальные доказательства. Надо бы просто реально открыть все частицы — «носители» взаимодействий, но пока, как уже сказано, не хватает энергий. Очевидно, это вопрос нескольких ближайших лет.

Гипотеза объединения сильных, электромагнитных и слабых сил, или, как говорят, Великий синтез, приводит к одному удивительному явлению — распаду протона. Опыт по определению времени жизни протона во многом бы прояснил правильность идеи Великого синтеза. При этом вполне возможно, что кварки существуют и в свободном состоянии и могут быть получены, а масса их может в сотни раз превышать массу протонов. Но тогда многое может изме-

ниться в наших представлениях. Опыт, как и всегда, здесь величайший судья...

Итак, я рассказал о двух взаимосвязанных важнейших стратегических задачах, решаемых современной наукой, — составном строении элементарных частиц и объединении сил природы. Они с особой остротой стоят уже примерно три десятилетия и сегодня активно разрабатываются теоретически и экспериментально. Каждая из этих больших задач складывается из более частных, конкретных, но не менее трудных и сложных. Исследование их идет сейчас в различных странах мира; многое при этом, возможно, изменится, немало проблем, может быть, просто отпадет, зато возникнут другие — таков уж путь развития человеческого познания. Но на сегодня — это самые последние фундаментальные представления о строении глубин вещества, хотя они еще и не совсем сложились.

Думаю, данные идеи будут проверены и доказаны в ближайшее десятилетие и это еще раз убедительно подтвердит высказанные В. И. Лениным мысли о материальном единстве мира и неисчерпаемости материи.

Беседу записал Г. БУХВАЛОВ

ЛЕНИН и НАРОД

Бесчисленное количество раз обращались советские художники к образу Ленина, создав богатую и разнообразную Лениниану. Но особенно ценны для нас те изображения великого вождя, которые были созданы художниками, лично видевшими Владимира Ильича. В Центральном музее В. И. Ленина впервые за многие годы выставлена картина известного советского живописца и графика, заслуженного деятеля искусств РСФСР И. И. Бродского «В. И. Ленин и манифестация». И. И. Бродский много работал над созданием образа Ленина. В Центральном музее В. И. Ленина хранятся несколько знаменитых его картин, среди которых «Ленин на фоне Кремля», «Ленин в Смольном» и др. Но картина «В. И. Ленин и манифестация» примечательна тем, что это первое в живописи изображение вождя революции.

К майским торжествам 1919 года в Рафаэлевском зале бывшей императорской Академии художеств экспонировались 62 произведения, представленных 60 авторами на конкурс изобразительного искусства под девизом «Великая русская революция». Среди работ, отмеченных на конкурсе премиями, была и картина И. И. Бродского.

Свой первый рисунок художник сделал, когда Ильич выступал в Народном доме на многотысячном митинге. Художник оказался вблизи В. И. Ленина и имел возможность внимательно всмотреться в его лицо, уловить характерные черты ленинского облика.

По свежим впечатлениям и была написана картина «В. И. Ленин и манифестация». Художник изобразил Ильича на фоне темно-красной драпировки, напоминающей колеблемые ветром революционные стяги. В левой части полотна, как будто из раскрытого окна, видна многочисленная демонстрация трудящихся. «В. И. Ленин и народ — вот два героя моей картины», — писал художник.

1 июня -
День защиты
детей

ПЕДАГОГИКА ДОБРОГО ТЕРПЕНИЯ

Юрий РЮРИКОВ
Фото Н. Свиридовой.

«Почему детей в семье сейчас меньше, а растить их стало гораздо труднее? Почему детей меньше, а хулиганов больше? Я думаю так. До войны и раньше к детям относились проще: пеленки не кипятили, еду на терке не терли, а давали, что есть. Не кутали в сорок одежек и не цацкались — ах, Мусенька, ах, Пусенька. Жили по правилу: сечь надо, когда поперек лавки лежит, а когда вдоль — сечь поздно.

Держали в строгости, не давали лень праздновать, по диванам валяться. Заставляли работать, учиться, не носились с ними, как с пупом земли. Магнитофонов не покупали, в модные костюмы не наряжали, по вечеринкам не очень давали шляться. В общем, не было этого лозунга, от которого все баловство пошло и все трудности: «Дети — цветы жизни». Как он появился, как вокруг детей засуетились, так из них стали сорняки вырастать».

Антон Игнатьевич В.

г. Кострома

«Многие возмущаются тем, что дети частенько вырастают бездельниками, а то и хулиганами. Работать не любят, по дому родителям не помогают, шатаются по улицам с транзисторами и в подъезде стоят. Пытаются отвлечь их кружками разными да спортом, но, думаю, помогает это мало. Вот если бы родители думали о духовном воспитании детей, о боге бы им напоминали, тогда дело было бы другое. А без истинной веры человека не вырастишь...»

М. Крюкова

Тамбовская область

Дети — наше будущее. Какими они вырастут, таким будет и завтрашний день народа. Как помочь формированию духовно зрелой человеческой личности? Как воспитать ребенка настоящим человеком? Эти вопросы задают себе все родители. Но далеко не все, к сожалению, умеют избегать ошибок в собственной практике.

В прошлом в России нравственное воспитание детей велось целиком и полностью в русле религии и ее установлений. Некоторые верующие и сегодня считают, что только с помощью «слова божьего» можно выработать у ребенка иммунитет против безнравственности и аморализма, — письмо читательницы М. Крюковой одно из свидетельств такой точки зрения. На страницах журнала такая педагогика разбиралась неоднократно. Однако редакционная почта показывает: разговор о детском воспитании этим не завершается, проблема по-прежнему для многих читателей представляет большой интерес. Сегодня на страницах журнала эту тему продолжает писатель и социолог Юрий Рюриков. Частично он уже затрагивал эти вопросы в своей предыдущей публикации «Браки совершаются на земле» (1979, № 9).

СОРНЯКИ ИЗ ЦВЕТОВ

В письмах, приведенных в начале, сплетены, по-моему, и верные и неверные вещи. Верно, что детей меньше, а сорняков из них вырастает больше; верно, что мы изнеживаем ребятишек с пеленок, часто растим их белоручками, которые чураются работы, а родительская суета вокруг них куда сильнее вредит, чем помогает. Но в том ли дело, что раньше секли и заставляли, а сейчас наряжают и покупают магнитофоны? По-моему, думать так — значит, распрямлять сложности, резко упрощать суть дела.

В последние десятилетия произошли крутые перемены во всем укладе повседневной жизни, в корне изменилась почва, на которой растут дети. А воспитание их осталось, в общем-то, старым, каким оно было до НТР и нынешней урбанизации. С каждым годом ножницы между укладом жизни и воспитанием расходятся все дальше и от этого режут все больнее.

«Сидячая цивилизация», на сваях которой все прочнее укореняется наша жизнь, замыкает эту жизнь между двумя новыми полюсами — нехваткой физических нагрузок и избытком нагрузок нервных, умственных. Физические недогрузки и нервные перегрузки — новые фундаменты всей нашей повседневности. Они все больше грозят здоровью людей, действуют на их нравственность, на все их отношение к жизни. Это новое, невиданное социально-биологическое противоречие, и от него надо искать новые — подстать ему лекарства.

Хрупкий детский организм, слабую детскую психику это новое резкое неравновесие подтачивает куда сильнее, чем взрослых. Поэтому-то и вопиют сейчас коренные, кардинальные вопросы семейного воспитания. Каким оно должно быть в новых условиях? Как именно опираться в воспитании на новые плюсы жизни и умерять влияние ее новых минусов? Что надо пересмотреть в самих основах воспитания?

ДЕТИ — ТВОРЦЫ ЛЮДЕЙ

Вордсворт, английский поэт XIX века, сказал неожиданные слова: «Ребенок — Отец Мужчины». Именно дети делают мужчину мужчиной — смысл этого блестящего парадокса, и то же, наверно, можно сказать о женщине: только ребенок делает ее до конца женщиной. Мы всю жизнь творим себя сами — даже когда не осознаем этого; мы строим в своей душе хорошие или плохие ячейки, лепим добрые или злые свойства. Работа помогает нам растить в себе одни черты характера, семья — другие, которые может дать только она. Чем лучше мы используем для построения себя те «строительные кирпичики», которые дает жизнь, тем глубже мы делаемся и тем интереснее нам жить.

Мы рождаем детей, а они рождают в нас те человеческие свойства, которые только они и могут пробудить. В нас делается стержнем, врастает в самую сердцевину души забота о другом человеке. Ребенок дает нам ощутить, прочувствовать саму суть истинного человеческого отношения к другим людям: отношение к ним, как к самому себе, к их чувствам и интересам, как к своим собственным. Став родителями, мы впервые испытываем — всем своим существом, всеми недрами души, — каким должен быть высший идеал человеческого отношения к другому человеку. Теперь забота о другом человеке — не просто внешняя необходимость, понятая головой; это внутренняя потребность, которая стала как бы ядром всего подсознания и сознания.

Наше внутреннее зрение резко меняется, глаза души делаются зорче. Гораздо острее,— как бы за малыша и за себя сразу,— мы начинаем видеть и красоту жизни, и ее изъяны. И сильнее, чем раньше,— тоже за двоих — хотим воевать против этих изъянов.

В нашей подсознательной жизни, в подспудном опыте души — это огромный переворот. Наша психика впервые заряжается до дна токами самых высоких человеческих побуждений, в ней возникает — в потенции — самое человечное из всех человеческих свойств. Жаль только, что оно часто остается именно в потенции, не выходит из-под сознания в сознание и не делается двигателем поведения.

Дети — один из главных пластов человеческого смысла жизни, одна из богатейших в мире россыпей счастья. Но при двух условиях: если они здоровы и если мы верно относимся к ним. Без этого счастья от них мало, а горя много.

Малыш изо дня в день меняется, и следить за его спотыкающимися переменами — наслаждение. Его каждодневная новизна — постоянный источник новизны в нашей домашней жизни, одно из главных противоядий против семейной рутины и однообразия. Когда лучи супружеской любви начинают угасать или делаются привычными, ребенок — то новое солнце, которое зажигается в доме и освещает его новым светом. Для душевно умных супругов — это новый фундамент душевной близости, новый цемент, который может скрепить их слабеющие связи. Это постоянный излучатель радостных чувств, положительных эмоций, как их называют психологи. А сегодня, когда перегрузки городской жизни рождают половодье отрицательных эмоций, положительные эмоции — главное спасение от них.

ОБМЕН ЧАСТИЦАМИ ЛИЧНОСТИ

Большинство людей думают, что воспитание — поток, который течет в одну сторону, переливание душевного опыта из одного сосуда — родителей в другой — детей. Это тысячелетний обман зрения, сильнейшая искажающая призма на наших глазах, и она очень мешает нам черпать радости от детей полной горстью.

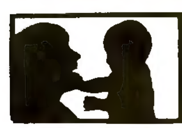
Настоящее воспитание — это всегда и самовоспитание, и мы, наверно, получаем от детей не меньше, чем они от нас. Дети — наши стихийные, скрытые воспитатели. Одним своим появлением на свет они рождают в нас новые диапазоны души — свойства попечителя, радетеля за других — родителя. Они надстраивают новые этажи в нашей психике, открывают нам новый материк чувств — родительскую любовь.

Они и прямо влияют на нас — всем своим обликом, всем поведением. Как говорили в древности, подобное вызывает подобное, а детская радужная чистота, нежная застенчивость, доверчивая открытость, светлое прямодушие — все это будит в нас (или помогает сохранить) взрослые варианты этих душевных свойств. Общение близких — это обмен частицами личности, и, вкладывая в детей частицы себя, мы вбираем в себя и частицы их самих.

Малыши для нас — постоянный возбудитель душевных сил и творческих способностей. Они все время ставят нас в трудное положение, все время озадачивают неожиданными вопросами — то и дело заставляют напрягать до предела наши умственные силы. Инстинкт искателя, познавателя, который мы зовем любопытством, — одна из главных страстей детской психики, и их несмолкаемые «почему?» воспитывают в нас воспитателя, пробуждают — в тех, кто на это способен,— способности душевного скульптора, творца психики — детской и своей.

Уча ребенка, мы можем учиться вместе с ним; развивая его наблюдательность, можем развивать свою; внедряя в него доброту и заботливость, мы можем сами делаться добрее и заботливее. Пользуясь попутным ветром детского роста, мы можем направлять этот ветер и в свои паруса — и набирать вместе с детьми нужную скорость самоулучшения.

Впрочем, тут есть одно «но». Чехов однажды сказал: университет развивает все способности, в том числе глупость. Похожее бывает и в родительских университетах: дети развивают в нас все способности, в том числе способности антивоспитателя. Виноваты в этом бываем чаще всего мы, — если только дети и мы сами здоровы.

ВОСПИТАТЕЛИ И ПРОПИТАТЕЛИ

Родительский труд — очень тяжелый труд; это, пожалуй, самая сложная на свете душевная работа. Она требует от нас сверхтерпения, самообуздания, требует смирения своих раздражений, пересиливания усталостей, одоления неумений. Она требует постоянного самоусовершенствования, потому что без него настоящее воспитание попросту невозможно. Одни из нас способны на это, другие — нет; кто из-за эгоизма и потребительской психологии, для которой дети — помеха; кто из-за душевной глухоты; кто из-за перегрузок, которые не оставляют на это нужных сил, нервов, времени; кто из-за неписаной традиции, по которой родительство частенько сводится к одной своей части — уходу за детьми.

Атеистов, материалистов обвиняют в бездуховности, приземленности, в заботе только о бренном и тленном. Да, у вульгарных материалистов часто так и бывает. Но настоящие материалисты — диалектические — стоят за сплав духа и тела, за главенство духа в этом сплаве. И это прямо относится к воспитанию.

Наверно, настоящее материнство и отцовство — прежде всего труд души, а не труд рук, умственная, а не физическая работа; об этом хорошо говорит Л. А. Никитина, мать из знаменитой семьи Никитиных, создателей новой системы воспитания. К сожалению, многие из нас сужают родительство до одного труда рук — кормления, обстирывания, обслуживания малыша. Воспитанием такие родители не занимаются — перекладывают его на ясли, сад, школу. И этим лишают себя самого интересного пласта родительства, самого трудного, но и самого богатого отдачей. Они превращают родительство в серую и тяжкую обязанность, а себя — в кухарок при детях, в прислугу.

Медики выяснили, что родители ясельных малышей тратят всего лишь час в неделю на сказки, чтение, разговоры с ребятишками. Час в неделю, меньше 10 минут в день! Отвечая на вопрос анкеты, как играли дети в выходные дни, большинство родителей написали — в куклы, с машиной. Никто не упомянул, что сам играл с детьми, учил их видеть природу, слушал с ними пластинки, музыку... Минимум воспитательных влияний — и это в годы, когда детям нужен максимум таких влияний и когда они усваиваются тоже максимально!

Многие, наверно, хотели бы выбиться из этой тесной клетки нижних этажей родительства, но у них нет для этого сил, умения. Правда, кое для кого это, пожалуй, удобно: занимая руки, такое родительство оставляет в покое душу...

ТРУДНОСТЬ РОДИТЕЛЬСТВА

Труднее ли сейчас растить и воспитывать детей, чем раньше? Всем, наверно, понятно, что труднее. Раньше выращивание ребенка — в трудовых слоях — состояло в основном из физического ухода за ним. Духовное воспитание шло как бы попутно, в самом ходе жизни; специально, особо им почти не занимались, оно было вплетено в жизнь, как струйка в ее потоке, как частица ее течения. Пожалуй, только в русле религиозного воспитания — да и то в образованных слоях — оно было отдельным, особым. Но в большинстве семей главным, что лепило детские души, была повседневная жизнь. Ребятишки вместе со взрослыми были заняты семейным трудом, помогали прокармливать себя, выращивать младших. Они росли в той трудовой атмосфере человеческих отношений, которая была у них в семье, и эта атмосфера растила, лепила их по своему образу.

В нынешней городской семье, которая давно уже стала не производственной, а потребительской ячейкой, почти нет трудовой атмосферы и трудового воспитания — и это явно ухудшило все нравственное развитие ребятишек. Многие из нас отстраняют детей от домашних работ — и растят их иждивенцами, а не тружениками.

Нужда в духовном и умственном воспитании выросла сейчас резко, скачком — и это невероятно усложнило все воспитание. С развертыванием НТР такая нужда будет расти все круче — и от этого домашнее воспитание будет делаться все труднее. Большинство родителей к такому воспитанию не готовы — и это резко уменьшает радости, которые они получают от детей, и так же резко усиливает тяготы. Это, видимо, одна из причин (хотя и не главная), почему в нынешней семье становится все меньше детей. В подавляющем числе городских семей — один-два ребенка, причем семей с одним ребенком больше, чем с двумя. Растут целые поколения единственных детей, а их, кстати, труднее растить — именно из-за их единственности, из-за ощущения «пупа семьи», которое в них внедряет само их положение в семье, само повышенное внимание к ним.

Причин такого уменьшения детей в семье много, и все они ведут к одному: чересчур большой стала морально-психологическая «цена ребенка». Становясь матерью, женщина часто теряет и равенство в семье, и свободное время — теряет саму возможность углублять себя, духовно обогащаться, использовать современные виды отдыха, жить так, как это нужно человеку-личности. Вместе с двойным счастьем — любви и материнства — она приобретает двойную нагрузку — рабочую и домашнюю.

И женщина уравновешивает эту двойную нагрузку половинным числом детей. Это ее стихийный ответ на усложнение жизни, поиск новых лекарств против новых болезней времени, стремление сохранить сдвоенную жизнь — домашнюю и внедомашнюю. Для современного человека это нормально, естественно, и поэтому выход тут, наверно, один — круто понизить перегрузки женщины, резко облегчить ее материнскую роль.

Иногда говорят: сейчас немало женщин-кукушек, которым не до детей и у которых на первом месте стоят или творческие интересы, или потребительски-прожигательские наклонности. К сожалению, у многих женщин как бы перевернутая шкала ценностей: тяга к вещам или к рабочим успехам живет у них в ущерб материнским занятиям, нередко оттирает их на запятки. Глубинные, первородные, самые главные слои души от этого хиреют, делаются малокровными, а то и совсем иссыхают. Впрочем, по сведениям демографов, не хочет иметь детей только один процент семейных. Открытых кукушек, как видим, не так уж много — больше, на-

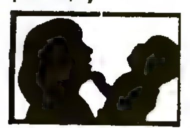
верно, скрытых, таких, которые мало и плохо занимаются детьми.

Но у многих «половинных» матерей материнские чувства остаются полуголодными. Как выяснили демографы, большинство мам, у которых один или два ребенка, хотели бы родить еще одного, но им не позволяют условия (нехватка садов, яслей, жилищные трудности, материальные недостатки, рабочие перегрузки — беды многих молодых семей). Значит, надо так улучшить эти условия, чтобы многие миллионы молодых женщин захотели насытить свои не насыщенные материнские чувства.

Дети невероятно много дают нам, они насыщают многие наши центральные потребности. Но они — в нынешних условиях — и мешают нам насыщать другие важные потребности. Они и прибавляют нам, и отнимают у нас, дают новую свободу и сковывают новой зависимостью.

Что надо изменить, чтобы они больше давали и меньше отнимали? Как сделать, чтобы то лучшее, что они несут с собой, все больше перекрывало то худшее, что тоже приходит с ними, — перегрузки, нервные срывы?

Наверно, кроме материальных улучшений, которые здесь нужны, очень важно понять то, что многие, к сожалению, понимать разучились: дети — одно из лучших слагаемых смысла нашей жизни. Дети, в идеале, — это родители наших лучших свойств, творцы людей, созидатели в нас человека. Если мы будем лучше помогать им в этой их роли, это может заметно улучшить всю нашу повседневную жизнь — убавит ее серость, усилит многоцветность.

РОДИТЕЛИ — ТВОРЦЫ ДЕТЕЙ

Мать и отец играют для малыша гигантскую, ни с чем не сравнимую роль. В первые детские годы от них почти на сто процентов зависит все его развитие, все стороны его жизни. Дети, у которых нет родителей, отстают в росте — физическом, умственном, эмоциональном. В Домах младенца многие из них значительно позже начинают говорить, многие растут с комплексом неполноценности, у них куда больше замкнутость, тяга к неправде, к драке.

От нехватки родительского внимания страдают не только сироты. Эта нехватка вредит (хотя и меньше) и малышам, которых водят в ясли-пятидневку. Врачи, психологи, социологи выяснили, что жизнь в пятидневках и интернатах тоже ведет в задержкам в развитии детей — физическом, психологическом, нравственном, умственном.

В первые годы жизни родители — особенно мать — нужны младенцу в максимальных дозах. Материнская ласка и родительский индивидуальный подход — два главных рычага, которые растят в человечке человека.

ГЛАВНЫЙ ГОЛОД РЕБЕНКА

Уже через месяц-два после рождения главной жизненной потребностью малыша становится тяга к эмоциональным впечатлениям — потребность духовная, психологическая. У большинства из нас — перевернутое представление об этом. Масса людей считает: все, что нужно младенцу,— это чтобы он хорошо ел и спал, был ухожен и не болел. Но главный голод человеческого детеныша — не физический, а психологический и главная пища, которая делает его человеком, — пища эмоциональная.

Известный детский врач Н. М. Щелованов вывел из своих наблюдений, что первые человеческие радости и улыбки появляются у младенца, когда с ним ласково разговаривают, поют, «тетешкают», то есть во время психологического общения. Психолог М. Ю. Кистяковская, которая изучала первые месяцы младенческой жизни, выяснила: утоление голода, жажды, то есть биологических нужд, только снимает у малыша отрицательные эмоции, только готовит базу для радостей, положительных эмоций. Сами эти радости возникают от ласкового голоса, яркой игрушки, погремушки — от эмоциональных, психологических впечатлений.

Если у сытого, здорового, сухого малыша нет психологических впечатлений, возникает «сенсорный голод» (от латинского «сенсус» — чувство) — голод по этим впечатлениям, и он кричит, плачет, испытывает горестные чувства. Психологический голод причиняет не меньше тягостных ощущений, чем физический. Постоянный психологический голод — при самом хорошем уходе, при самом вкусном кормлении — угнетает весь организм ребенка; мало того, он увеличивает детскую смертность — об этом хорошо знают педиатры и психологи.

Американские психологи П. Массен, Дж. Конджер и Дж. Кэген рассказывают в своей книге «Развитие и личность ребенка» (Нью-Йорк, 1964), как император Фридрих II решил выяснить, на каком языке заговорят дети, если их не учить языку. В одном приюте, отведенном для этого опыта, всем кормилицам строго-настрого запретили говорить с детьми. Спустя некоторое время малыши — один за другим — стали чахнуть, болеть, умирать.

Главная потребность ребенка — эмоциональная, и ему — самой природе его человеческой психики — как воздух нужно общение со взрослыми. Взрослый не меньше нужен ему как воспитатель, чем как кормилец.

ДУХОВНОЕ МОЛОКО МАТЕРИ

И прежде всего малышу нужна именно мать. В женской природе эмоциональность звучит куда громче, чем в мужской, и потому эмоциональный склад матери ближе всего эмоциональному складу ребенка.

Есть у них и еще одна связь, пока не очень ясная, малоизученная. Много месяцев ребенок жил внутри матери, в лоне ее биотоков, в энергетическом поле ее чувств. Он смеялся, когда она смеялась, плакал, когда она плакала, жил в лад с ее чувствами — это точно установили французские физиологи. (Кстати, это очень важно для культуры беременности: чтобы ребенок рос нормально в теле матери, ей надо бы испытывать поменьше тягот и горестей и побольше радостей.)

И покинув материнский организм, младенец сохраняет с ним (по крайней мере первые годы) незримые нервные связи. Все, наверно, знают, как чутко малыш впитывает токи материнских настроений: если она нервна — тут же пронизывается ее нервозностью, если радостна — сразу откликается на ее радость. Невидимые волны ощущений все время как бы перетекают между матерью и ребенком. Оба они — пока ребенок не вырос — как два полюса одного эмоционального поля, как две струны, настроенные на один лад.

Мало того: это невидимое родство их душ помножено еще на силу материнской любви, и от всего этого у матери куда больше ключей к младенческой психике, чем у кого бы то ни было. Именно поэтому мать — здоровая, любящая — может дать младенцу максимум той духовной пищи, которая легче всего усваивается детской психикой.

Мать рожает не только тело ребенка, она рождает и его душу, вкладывает в него основы человеческих чувств, основы мироощущения — те фундаменты психики, на которых потом будет расти все здание этой психики. Как материнское молоко несет для тела младенца больше всего питательных веществ, так и материнское духовное молоко несет больше всего питательных веществ для души младенца.

СТАРТОВЫЕ ПЛАСТЫ ЛИЧНОСТИ

В мозгу новорожденного есть скрытые наследственные предрасположения, есть рефлексы, которые возникли во время его лонной жизни. В остальном он чист, свеж — готов к жадному всасыванию впечатлений. Эти впечатления и создают психику ребенка, которая до них почти не существует.

Первые впечатления — самые, наверно, фундаментальные, самые стержневые для всей жизни человека. Они внедряются в изначальные пласты психики, создают ее первичные основы и поэтому сильнее всего формируют ее. Все впечатления, которые получает младенец, идут на построение его души, ни одно, видимо, не пропадает впустую. Чем больше приток хороших впечатлений, положительных эмоций, — конечно, в определенных границах, — тем здоровее, раскованнее, нормальнее тонкое строение детской психики. Чем больше — сверх неизбежной меры — плохих впечатлений, отрицательных эмоций, тем больше строится больных ячеек в душе младенца.

Самые ранние впечатления как бы переплавляются в краеугольные фундаменты детской личности. Именно из этих ранних детских впечатлений (вернее из их слияния с врожденными нервными свойствами) складывается сердцевина характера, первичное ядро личности младенца, стартовые основы его эмоционального и нравственного отношения к жизни.

Именно поэтому первые месяцы и годы детства — возраст, когда создаются самые долгодействующие свойства психики. Они будут пронизывать эту психику всю ее жизнь, на них будут наслаиваться остальные психологические напластования, но судьба всех этих более поздних напластований будет во многом зависеть от первых, донных пластов психики.

В первые месяцы жизни в малыше рождается инстинкт подражания — основной психологический механизм, с помощью которого малыш растит в себе человека. Бессознательное и непрестанное подражание — главный способ, которым младенцы строят свой характер. Все освоение языка построено на подражании, все детские игры и все общение растут из него. Впитывание человеческой морали, усвоение человеческих отношений — все это усваивает малыш через механизмы подражания, легче всего он впитывает то, что громче звучит в поведении родителей, или поражает его какой-то необычностью.

У воспитывающих влияний жизни есть как бы два вида: сознательное воспитание и воспитание стихийное, неосознанное, всем повседневным укладом жизни, всем домашним поведением родителей. Наш личный пример, личный образ жизни — один из главнейших строительных материалов, из которого дети создают себя. Наша манера речи, поведения, наши взгляды, поступки, мораль — все это через каналы подражания переходит к детям, все это они используют как кирпичики, строя себя. Именно через инстинктивное подражание частицы наших личностей вселяются в них, причем всякие — и хорошие и плохие.

Поэтому-то так важно ни на секунду не забывать: малыш всасывает нас жадно, как губка, и всасывает все в нас — наши силы и слабости, наши достоинства и пороки... И от того, какие мы в своем часто не осознаваемом обыденном поведении, во многом зависит, какими будут они.

Родители — скульпторы человеческих душ, хорошие или плохие; они создают в малыше человека, лепят его характер — одни лучше, другие хуже. Религиозная педагогика как бы отнимает у них эту величайшую роль творцов и отдает ее богу. Родителям она оставляет пассивную и подсобную роль — просто раздувать «божью искру», которую вложили в ребенка «высшие силы», просто поддерживать в нем пламя, которое «зажгли небеса».

Родителей лишают здесь главных пластов родительства — творческих, оставляют им только «исполнительские» пласты. Это наносит непоправимый ущерб всем родительским занятиям, всему воспитанию детей. Никакие силы не сделают за родителей то, что могут сделать только они, и раз это не делает никто, то и души детей растут с изъянами.

ЛАСКА И ТАСКА

Главный способ воспитания младенца — ласка, поощрение, пример, показ. Порицание, неодобрение — способ подсобный. Показ и поощрение создают главное русло, по которому развивается характер. Порицание подправляет отклонения от этого русла, уходы от правильного пути. Спокойное научение, мягкое или жесткое порицание, радостное поощрение, твердое «нельзя» (за которым сразу же идет «а вот это можно» [1]) — основная тактика воспитания. Пользуясь ею, можно растить малыша без всяких наказаний.

Многие, пожалуй, не поверят этому: как это так, без наказаний? Не распустит ли это детей, не повредит ли им, нужен ли такой замах на один из вековых устоев воспитания?.. Есть много семей (часть их я знаю), в которых детей не шлепают, не ставят в угол, не лишают сладостей. Так же — прошу прощения за личный пример — выросла моя старшая дочь и растет младшая. Воспитывать малышей — и мальчиков тоже — без наказаний гораздо легче, чем с наказаниями, и КПД такого воспитания куда больше.

Дети лучше слушаются, больше верят родителям, глубже любят их, а от всего этого в домашней атмосфере куда больше тепла, радостей, куда меньше горестей — и для детей, и для родителей. А такое душевное тепло — главная основа воспитательного климата, и оно так же нужно для нормального роста детей, как теплый воздух для нормального развития растений.

В атмосфере терпеливого внимания малыши растут без чувства неполноценности, без духа противоречия, без взрывов тупого непослушания, именно потому с ними проще и легче. Любое естественное взбрыкивание — а они будут всегда — нетрудно унять сочетанием недовольства, строгого тона и — тут же — спокойного уговора, ласкового внушения: «Ты хороший, это у тебя нечаянно, ты и делай хорошо, а так не надо...» Почти всегда конфликт рассасывается, не оставляя осадка ни у малыша, ни у родителей.

Очень вредно решать конфликт криком. Крик убивает все лучшее в ребенке, рождает тяжелые вывихи в его душе. «От крика, кроме беды, ничего не получается, — пишет известный педагог Ю. П. Азаров... — Если вы хотите потерять ребенка, вы можете на него систематически кричать... Крик как наркотик. Он создает видимость облегчения. Иллюзорность решения проблемы» [2].

Крик — это отравление души ребенка, расшатывание его нервной системы. Он вселяет в детей страх и недоверие к родителям, боязливую подозрительность, замкнутость, он рождает в

---

[1] Уравновешивание каждого «нельзя» каким-нибудь «можно» — этот педагогический прием изобрели Никитины. У него двойная сила: он создает систему запретов, но при этом не оставляет обиды в малыше, переключает его энергию в русло радостных занятий.

[2] Ю. П. Азаров. Педагогика семейных отношений. М., 1976, стр. 37.

Фото В. Опалина. Фото З. Голубчина.

Чтобы убыстрить рост хороших свойств в малыше, их приходится — в раннем детстве — преувеличивать. Какое-то свойство, скажем, еще на ступени почки, а мы говорим ему, что оно расцветает: так оно скорее достигнет расцвета. А его неумения, недостатки, слабые стороны лучше преуменьшать— так малышу будет легче справляться с ними.

Тут приходится действовать в духе двойной оптики любви, которая преувеличивает плюсы и уменьшает минусы близкого человека. Это мудрый механизм подсознания, он отвечает самой природе детской психики.

Именно так мы и даем больше всего малышам: поощряя их успехи (сначала преувеличивая их), подбадривая в неудачах (в первые годы тоже преуменьшая их), внедряя в них чувство уверенности в себе, радость доброты, удачи, радость заботы о других. Именно так мы закладываем в них самые лучшие фундаменты характера и получаем в ответ самые яркие радости.

Педагогика доброго терпения меняет всю атмосферу воспитания, всю его психологию и философию. Нервные и дерганные люди чаще всего растят нервных и дерганных детей; добрые и спокойные — по закону подобия — растят спокойных и добрых.

них ответное зло и незаметно выращивает злобность, агрессивность или забитость, безволие.

Есть старая русская пословица: конь везет не кнутом, а овсом. Ее стоило бы сделать эпиграфом ко всему воспитанию, камертоном, по которому мы настраиваем все наше отношение к малышу. Овес, а не кнут, ласка, а не крик; если при этом есть твердая система запретов, которая обязательно уравновешивается разрешениями («это нельзя, зато это можно»), то не будет никакой избалованности, никакой капризности. Дерганье и заругивание — главные методы антивоспитания, они уродуют детей, и они, к сожалению, в большом ходу у родителей. «Неслух», «трусиха», «врун» — мы забрасываем малышей горстями таких поношений. Они вселяют в них больное чувство неполноценности, заставляют их верить, что они трусы и неслухи, — и они становятся ими.

Малыши невероятно внушаемы, они верят всему, что мы им говорим, поэтому и растут такими, какими видят себя в зеркале наших слов.

Когда малыш трусит, ему лучше говорить: «Ничего, ты смелый»,— и он завтра сделает то, что испугался сделать сегодня. Ему надо внушать, что он смелый, и он будет смелый, и вместо горького сознания, что он трус, в нем будет расти поднимающее чувство своей силы, смелости, достоинства.

Религиозное воспитание куда больше построено на страхе, чем на радости. Главное в нем — искоренение изъянов, а не выращивание достоинства. А раз так, то и главное орудие воспитания — кнут, а не овес. Религиозная педагогика то и дело запугивает недреманным оком бога, внушает глубинное чувство греховности, неполноценности, внедряет покорность, смирение.

А ведь главное в воспитании — именно выращивание хороших сторон, а не просто выкорчевывание плохих. Да и лучший способ искоренять недостатки — это не выругивание их из человека, а выращивание противоположных достоинств. Ленивого лучше не ругать за лень, а хвалить за крупицы трудолюбия, тогда эти крупицы будут разрастаться. Неумеху лучше не корить за безрукость, а хвалить за старание.

Воспитывающая сила у похвалы во много раз больше, чем у хулы. Похвала — мотор, который движет вперед; порицания, хула — тормоз, который останавливает на месте. Конечно, без тормоза можно попасть в катастрофу, но все-таки главный в их союзе — мотор, а тормоз — слуга мотора.

В КЛЮЧЕ РОЗОВОЙ ОПТИКИ

Любое ощущение неполноценности — опасный омут в сознании и подсознании ребенка. Даже самые хорошие и светлые свойства, проходя через крутящуюся воронку этой неполноценности, могут хиреть и слабнуть. Малышу для нормального роста нужна полная, абсолютная уверенность в себе: это самый надежный фундамент и самый мощный ускоритель нормального развития.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ!

И еще один краеугольный камень воспитательной культуры: детям нужно как можно больше самостоятельности, свободы действий, меньше мелкой опеки, запретов. Всем, наверно, знакома такая картинка. «Куда лезешь? — кричит мать или бабушка. — Платье изгваздаешь! Тебе для этого покупали?!» Многих детей выводят гулять разодетыми в пух и прах и не дают шагу шагнуть без одергиваний. Энергия малышей угнетается, их лишают свободы движений (самое вредное из наказаний).

Умная мать говорит о малыше: «Плохо гулял — раз пришел чистый». Пусть ребенок пачкает чулки, ботинки, пальто, пусть он приходит изгвазданный и замурзанный: это значит, он ощутил счастье мышечных напряжений, бурный поток двигательных радостей, — а во времена физических недогрузок это исключительно важно. Он получил нужную долю свободы — прибавил и в своем здоровье, и в душевном развитии. А грязные чулки он постирает сам и пальто с ботинками тоже почистит сам — с нашей помощью. И когда мы похвалим его: «Молодец, помощник, работаешь, как большой», — это чуточку продвинет его и в уважении к себе, и в нравственном росте.

Поощрение самостоятельности, стремление, чтобы ее было у детей все больше и больше — причем во всех областях жизни, — очень убыстряет развитие в детях хороших свойств. Пожалуй, это один из главнейших рычагов, которые помогают малышу вырастать хорошим и уверенным в себе человеком — не иждивенцем, не маменькиным сынком и не папенькиной дочкой. Такое воспитание закладывает в человека смелую психологию будущего творца и хозяина жизни, а не смиренную покорность, не пассивность ведомого — раба высших сил.

1 июня — День защиты детей.
Ему посвящены публикуемые здесь фотоснимки. Фотокорреспонденты запечатлели счастливое детство, показали богатый духовный мир наших детей.

Фотографии А. Геринаса, А. Казимирова, А. Карзанова, В. Опалина и Фотохроники ТАСС.

Чабахан Басиева.

СВЕТЛЫЙ СЛЕД ЧАБАХАН

«Мы прочитали в № 5 вашего журнала за 1978 год статью Майи Мерденовой «Я стану тобой для живых», в которой рассказывалось о жизни и подвиге осетинской девушки учительницы алагирской школы № 1 Чабахан Басиевой, зверски замученной фашистами в декабре 1942 года. Ее героическая судьба взволновала нас, и мы решили узнать как можно больше об этом прекрасном человеке», — такое письмо написали нам девятиклассники московской школы № 288 вскоре после выхода журнала с очерком о Чабахан Басиевой. Сейчас эти ребята уже заканчивают десятый класс. Два года вели они свой поиск — разыскивали ее родственников и друзей, встречались с ними, слушали и записывали их рассказы, читали газеты времен Великой Отечественной и книги, которые любила осетинская девушка, учившая детей русской литературе, вели переписку с учениками алагирской школы, где работала Чабахан...

Поиск оказался одним из самых интересных дел, которыми занимались ребята в течение двух учебных лет. Что же дал он им? Как отозвалась в их душах и умах короткая жизнь, закончившаяся высоким нравственным поступком почти четыре десятилетия назад? Вот что об этом рассказала нашему корреспонденту классный руководитель ребят Анна Абрамовна РАБИНОВИЧ.

Когда я предложила своим девятиклассникам прочитать на классном часе очерк М. Мерденовой «Я стану тобой для живых», то не знала, что этот час станет началом нашего поиска, который обогатит моих воспитанников духовно, много даст им в нравственном отношении. Но получилось, что судьба осетинской девушки нашла отклик в сердцах ребят. Аня Алексеева, Лена Молдаванова, Наташа Нечаева, Таня Иващенкова, Володя Сомов, Олег Бурымов, Гена Зайцев сразу сказали, что хотят узнать о Чабахан Басиевой и ее семье больше, чем рассказано в журнале, и разыщут тех, кто знал их. Они начали поиск, а потом в него включился весь класс.

Подвигов, подобных тому, что совершила Чабахан Басиева, было множество в страшное военное время. И каждый из них приближал победу, зажигал жаждой мщения новых бойцов, становился нравственным ориентиром для тысяч людей. Но какое удивительное чувство испытываешь, когда видишь, что чистый свет их дошел до наших дней, что они и сегодня продолжают оставаться высоким нравственным примером. Наш класс познакомился со многими людьми — с родственниками Чабахан, ее друзьями и учениками, с детьми ее друзей и учеников. И мы узнали, что они свято чтят ее память и память погибших вместе с нею ее матери Тамары и брата Тасолтана.

Ребята разыскали брата Чабахан — Тазрета Михайловича Басиева, который живет в Москве. Бывший директор школы-интерната, сейчас пенсионер, он попрежнему деятелен и энергичен. Тазрет Михайлович показал нам семейный архив Басиевых — две большие папки с документами, вырезками из газет и журналов, фотографиями. Некоторые он подарил нам для школьного музея боевой славы. В таких вот архивах — по моему убеждению, они должны быть в каждой семье — тоже хранится история нашего общества, по-своему отразившаяся в судьбах разных людей.

В горном осетинском ауле — Цей жили Михаил и Тамара Басиевы, растили пятерых детей — девочку и четырех мальчиков. Дружная, хорошая семья. Дети гордились отцом. О нем в журнале было хорошо рассказано. Но мы узнали еще многое. Михаил Николаевич Басиев был среди активных борцов за Советскую власть на Северном Кавказе. Его послали делегатом от Осетии на Первый съезд народов Терека в 1918 году и там избрали в высший тогда на Северном Кавказе орган власти — Терский народный Совет. Он слышал выступление на этом съезде С. М. Кирова: страстный, сильный человек, он произвел огромное впечатление на всех собравшихся. Дети любили рассказы отца о том славном времени... Михаил Басиев был секретарем ревкома Алагирского ущелья, а в 1927 году создал первую в ауле Цей артель, которую назвали «Единение средств к жизни». Она обеспечивала продуктами высокогорный санаторий. Басиев-старший был человеком трудолюбивым, чистым, преданным тому делу, за которое брался. Когда Чабахан отказалась работать в газете, издаваемой немцами в Алагире, хотя понимала, что для нее это означает смерть, она сказала брату Тасолтану — политруку Советской Армии, который после тяжелейшего ранения — в висок, сделавшего его инвалидом, лечился дома: «Ты знаешь, отец ответил бы им «Нет!»

Его сыновья Тазрет и Измаил Басиевы были офицерами Советской Армии, дошли до победных рубежей. Судьба Чабахан и Тасолтана стала легендой в Осетии. Вместе со своими двумя детьми приняла смерть их 70-летняя мать Тамара Темболовна.

Из кармашка папки Тазрет Михайлович осторожно достал и показал нам две записки, которые Чабахан удалось незадолго до казни передать своей подруге Мане — Марии Владимировне Рамоновой. Шершавая, грубая бумага — другой во время войны не было — уже пожелтела. Чабахан еще надеялась, что немцы пощадят старую мать, и просила Маню позаботиться о ней, когда ее с Тасолтаном уже не будет. Записку подписала: «С большой сердечной болью, Чабахан и Тасолтан».

Своему старшему сыну Тазрет Михайлович дал имя погибшего брата — Тасолтан, дочь назвал Тамарой — в память о матери. Он рассказал нам, что, когда сын был еще мальчишкой, он показывал товарищам вырезанные из газеты портреты Чабахан и Тасолтана и говорил: «Я теперь вместо него...» Тасолтан Тазретович еще очень молод, но уже успел столько, что кажется, словно он и вправду хочет сделать все то, что не суждено было его дяде. Он — кандидат физико-математических наук, лауреат премии Ленинского комсомола, коммунист.

На пути поиска всего, что связано с жизнью Чабахан, у ребят произошла прекрасная встреча — с замечательным осетинским поэтом Коста Хетагуровым. Прежде они только слышали о нем, а теперь, узнав, что стихи его любили в семье Басиевых, прочли его книги, выучили многое наизусть, читали на классных собраниях.

Когда тебя постигнет горе,
Ты вспомни лишь народ —
Среди его невзгод
Твои страданья — капля в море...

Кто-то из ребят сказал, что, может быть, эти строки, которые знала и любила Чабахан, тоже помогли ей сохранить мужество, сделать правильный выбор. Михаил Басиев не раз встречался с Коста Хетагуровым, видимо, у них были дружеские отношения. Он читал детям его стихи, Тазрет Михайлович рассказывал, что с детства запомнилось ему вот это:

Я счастия не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить...

О подвиге Чабахан написали в газетах сразу после освобождения Алагира от немецких захватчиков — мы это знали, и моим ученикам захотелось увидеть самим эти газеты военного времени. Мы отправились в газетный зал Библиотеки имени Ленина. Девушки принесли нам из хранилища подшивки «Социалистической Осетии», «Правды» за 1943, 1944, 1945 годы. Долго мы листали старые газеты, не могли от них оторваться. Сводки Совинформбюро, приказы Главнокомандующего, письма с фронта и на фронт от родных, очерки о том, как воюют солдаты, как работают те, кто в тылу... Скупые газетные материалы, но какая картина трудной, героической жизни открылась ребятам! Конечно, они много и до этого знали о Великой Отечественной, которая закончилась за 20 лет до их рождения, читали книги, видели в кино. Но тут совсем особое получилось дело — они держали в руках газеты, выходившие тогда, в те дни и годы, они будто прикоснулись к истории Родины.

В «Социалистической Осетии» за 21 ноября 1943 года мы прочли статью «Разгром немецких войск под Владикавказом», в которой рассказывалось о чудовищных злодеяниях фашистов в Северной Осетии. Было здесь рассказано и о Чабахан: «28 апреля 1943 года в полутора километрах от Алагира... была

обнаружена яма, откуда было извлечено 15 трупов — 8 женщин и 7 мужчин... С трудом удалось опознать Басиевых — мать, сына и дочь... Все убитые раздеты и разуты. Ни один не имел пулевых ран, все зверски убиты тупым оружием». «Социалистическая Осетия» сообщала, что, когда хоронили замученных алагирцев, тысячи людей пришли проводить их в последний путь. Писала о Басиевых и «Правда» 5 сентября 1944 года.

Подвиг Чабахан вдохновил поэта Д. Дарчиева, он написал о ней поэму. В нашем классе все знают это произведение, Лена Молдаванова прекрасно читает ее. Есть у нас уже и иллюстрации, сделанные к поэме ребятами. Дети поэта Дарчиева подарили классу книгу его стихов «Звенит чинара». Образ героини продолжает вдохновлять писателей: недавно мы узнали, что С. Кайтов написал на осетинском языке драму «Прерванная песнь», где есть, среди других, новелла о Чабахан, ее матери и брате. М. Мерденова прислала нам свой перевод этой новеллы.

Однажды я спросила у ребят: «Как вы думаете, Чабахан была какой-то особенной или обыкновенной девушкой?» В ответ они напомнили мне то, что рассказала нам однокурсница Чабахан учительница Валентина Степановна Хестанова: «Она была нежной и доброй, застенчивой, не могу сказать, что какие-то особые черты говорили о предстоящем подвиге. Но она была очень чистой и честной, настоящим была человеком, не способным ни на какое предательство». Да, настоящий человек — это и обычно и необычно. Это тот, кто и в трудных обстоятельствах сохранит честь и достоинство...

То же самое сказали нам о Чабахан и ее ученики — Сергей Алексеевич и Зинаида Харитоновна Куловы. Они были дружны с ее братом Тасолтаном. И актриса Земфира Цахилова, сыгравшая роль Чабахан в фильме «Последний снег», сказала, что хотела показать в обычной девушке, каких немало было в годы войны, то необычайное, святое, что дало им силу выдержать испытание.

Поиск углубил в ребятах и интернациональное чувство, которое в советской семье прививается с раннего детства. Они узнали многое об осетинском народе, мужественном, гордом. Узнали, что в прошедшей войне осетины воевали очень храбро, что есть в республике аулы и села, куда с войны вернулись двое или трое из ушедших.

Ребята заканчивают школу. Все собранные материалы передадут младшим ученикам, расскажут им, что узнали о семье Басиевых. А потом, когда станут взрослыми, расскажут об этом поиске и своим детям. И если мои ученики станут активными гражданами, честными в помыслах и поступках, — а я надеюсь, так и будет, — то, конечно, в этом сыграл свою роль и пример осетинской девушки Чабахан.

В семейном архиве Тазрета Михайловича Басиева есть запись, видимо сделанная со слов тех, с кем была откровенна Чабахан. Назначенный немцами редактор алагирской газеты приходил домой к Басиевым предупредить, что отказ от работы в газете означает для девушки смерть, и не только для нее, но и для матери и брата. И добавил: «Вы будете уничтожены без шума, и никто никогда не узнает о твоем благородстве и героизме, все будет скрыто от людей». Да, этого очень хотелось бы предателю. Но Родина и народ всегда знают своих верных детей и свято берегут благодарную о них память. И поиск наших учеников — один из тысяч таких поисков — еще раз подтверждает это.

Именем Чабахан Басиевой названа улица в Алагире, школа, где она работала. К памятнику ей в этом городе люди кладут цветы. А в нашей — московской 288-й школе — висит ее портрет, в экспозицию школьного музея боевой славы вошли собранные учениками материалы...

Чабахан среди братьев.

Выпускницы Северо-Осетинского召 пединститута, 1935 г.
Чабахан сидит рядом с профессором Б. А. Алборовым (фото вверху).

В школе № 288. Группа поиска читает поэму Дарчиева «Чабахан».

КОЛЫБЕЛЬ ДАУРА

В. ПОЛУНИНА

Точеные столбики и шарики этой колыбели напоминают своим цветом спелые каштаны. Позже я узнала, что колыбель сработана сельским мастером из дерева каштана. Такого же цвета, только бархатнее, глаза моего маленького друга Даура, мальчика из города Гудаута.

Быть может, это не совсем точно, когда я говорю «Колыбель Даура». Мальчики нескольких поколений большого абхазского рода начинали в ней свою жизнь. Всего в пяти километрах от города, в селении Куланурхва, сделана эта колыбель. Именно здесь я почувствовала, как едины и красота земли, возделанной трудом человека, и мудрая простота седого дедушки Карима и как связано все это с тем, что я уже успела узнать о моем маленьком друге Дауре, которого последним в роду качали в колыбели из каштана. Последним, потому что новая жизнь вторглась в этот дом, заменив колыбельку Даура и трех его сестренок современными кроватками, колясками, манежами. А колыбель...

Я везу ее в Москву, в Музей народного искусства, где приготовлено для нее место среди вещей, исполненных талантом народных мастеров. Рядом с ней будет другая колыбель — украшенная деревянной резьбой зыбка из далекой вологодской деревни.

Позванивают медью кумган и котел для мамалыги, как и колыбель, тоже подаренные дедушкой Каримом.

А в колыбели белеет большой бумажный сверток — рисунки Даура. Как и работы многих ребят, они составили выставку в гудаутском детском кинотеатре «Дружба», которую вот уже четвертый раз мы проводим по поручению газеты «Пионерская правда». С ребятами, победившими в первом туре, да и со всеми желающими, даже приехавшими отдыхать, мы ездим по району, ходим по городу, а главное — рисуем. Мне приходится помогать многим детям преодолевать застенчивость, неуверенность в себе, учить их видеть интересное в окружающем.

Путешествие с Дауром было особым. Мы продолжали работать по теме нашей прошлогодней серии «Древние мифы Абхазии». На 10 листах мальчик выразил свои впечатления от экскурсии в глубь веков, к самым истокам древней культуры абхазского народа, сохранившего в легендах и сказаниях нартского эпоса жизнь предков нынешних абхазцев, адыгейцев, осетин.

В семье Даура много читают. Мама его, филолог по образованию, преподает в школе, но мне все-таки кажется, что немало он взял от дедушки. В селении, где бережно сохраняются традиции, где можно руками потрогать искусную упряжь горячих скакунов и увидеть старинное оружие, одежду воинов, услышать народные песни и стать свидетелем и участником древних обрядов; в преданиях, рассказываемых дедом, можно по-настоящему почувствовать наследие предков, глубже ощутить свою принадлежность к народу.

Второй год мы с Дауром перечитываем страницы книги про подвиги абхазского Прометея — Абрскила, про его огненного коня-молнию Араша, праматерь нартов Сатаней Гуашу, ее дочь — красавицу Гунду. Героем серии рисунков мальчика стал легендарный кузнец Айнар. Позже мы так и назовем эту серию: «Айнар — кузнец нартов».

Искусство кузнеца, совершающего с помощью огня превращения металла, всегда вызывало восхищение людей, а когда-то считалось даже колдовством, это видно по эпосу многих народов. И у нартов Айнар — мастер, наделенный чудодейственной силой. У него — клещи вместо левой руки, правая — молот, а нога стала наковальней. Его огонь горит днем и ночью, молот гремит, как гром, от ударов его, как звезды, сыплются искры... Это он, Айнар, вскармливал расплавленной сталью огненного коня Араша, ковал для богатыря колыбель из металла...

Все это стало содержанием рисунков Даура. И мне не пришлось заботиться об этнографической достоверности деталей. В доме деда мальчик не раз рассматривал вещи, сработанные кузнецом их селения, видел он и кузнечные меха, огонь в горне, который завораживал его, как и других, и который так чтили древние. Посмотрите, как мальчик художник видит это, читая слова-образы древнего эпоса, как заливает свои рисунки огненным цветом полыхающего пламени.

Однажды мы прочли с Дауром в книге В. Пачулиа «По историческим местам Абхазии»: в 1955 году на берегу реки Бзыбь был обнаружен большой клад с предметами кузнечного производства (топоры, украшения для поясов, оружие и др.). Этот клад свидетельствует о том, что среди абхазцев, проживающих по берегам реки Бзыбь, были хорошие кузнецы. Здесь в XIV—XV веках по обеим сторонам дороги были расположены кузни потомственных кузнецов Кутарба. И мы отправились по этой дороге, пробитой в горах своенравной и бурливой Бзыбью, единственной рекой, вытекающей из высокогорного озера Рица.

Все ущелье, как замковым камнем, запирается развалинами Бзыбской крепости. Над ним — на паутине канатов перекинуты подвесные тонкие мостики. Водопады, каменные нагромождения... Такое ощущение, будто земля обнажила здесь свои каменные глубины. Становилось понятным преклонение предков абхазцев перед камнем. Культ его проявлялся и в сооружении древних могильников—дольменов (мы видели эту постройку из пяти каменных плит, среди которых только одна, перекрывающая камни-стены, весит свыше 12 тонн...). Здесь не только вспоминались записанные этнографами рассказы горцев о камнях грома и легенда о пещере Абрскила, но и становилось понятным стремление людей создать образы богатырей, достойных единоборства с этой дикой природой.

Мне было ясно, почему у маленького художника закипало неодолимое желание рисовать! Этот жар души мальчика принес успех его рисункам на выставке в родном городе и, я уверена, принесет успех и в Москве, куда я привезла сверток с его «горячими» листами.

Сказать с абсолютной точностью, что Даур станет художником-профессионалом, трудно. Да и не это сейчас главное. Много важнее, что мальчик, как и все его ровесники, сердцем прикоснулся к древней истории, к колыбели своего народа, почувствовал в этих сказаниях и легендах земное, реальное звучание и выразил это в своих рисунках.

Даур Айба с дедушкой Каримом.

Кузнец Айнар закаливает в огне Абрскила.

Абрскил в горах Абхазии.

РЯДОМ С ДОМОМ

В. ТРУБИЦЫН,
первый секретарь
Калининградского
горкома КПСС

В материалах XXV съезда партии, других партийных документах поставлена четкая задача — активно формировать в сознании людей марксистско-ленинское мировоззрение, воспитывать коммунистическую убежденность, патриотизм и интернационализм, квалифицированно разъяснять политику партии, доводить партийное слово до каждого человека. Эту цель мы преследуем и в работе с людьми по месту их жительства.

Трудно найти сейчас в подмосковном городе Калининграде жилой микрорайон, где не была бы оборудована типовая агитплощадка, не действовал бы опорный пункт. По вечерам открывают двери многочисленные клубы, работают народные театры, университеты и кинолектории. В городе два великолепных Дворца культуры — имени В. И. Ленина и имени М. И. Калинина, два парка культуры и отдыха, кинотеатры, массовые библиотеки, стадионы, плавательные бассейны и спортивные залы, шахматный клуб, 21 летняя агитплощадка, 25 красных уголков...

Когда у нас сегодня спрашивают, с чего, собственно, начиналась работа в микрорайонах, я вспоминаю март 1972 года, а точнее, пленум городского комитета партии, который определил и направление и содержание этой работы. Тогда, восемь лет назад, высказывались сомнения: пойдут ли люди после трудового дня, отложив домашние дела, слушать во дворе лекцию, концерт, участвовать в беседе, диспуте. И действительно, на первых порах приходили немногие. Однако спустя некоторое время произошел перелом...

Однажды во двор дома № 3 по улице Садовой пришли рабочие и стали разбирать агитплощадку. И тут жители стали возражать: «На каком основании! Не разрешим!..» Они успокоились только после того, как руководитель агитколлектива Е. А. Кряжев объяснил: на месте старой площадки решено возвести новую. Кстати, проектировал ее тоже житель микрорайона архитектор В. И. Кузьмин.

Сейчас от былых сомнений остались лишь воспоминания: аудитория в 400—500 человек на агитплощадке — явление обычное. А всего в городе и поселках работу с населением ведут около 3000 агитаторов и политинформаторов, более 200 лекторов, около 300 работников культурно-просветительных учреждений. Им помогают 63 уличных комитета, 1100 домовых советов. При исполкоме горсовета создано 16 комиссий по работе с населением. Координирует, направляет и контролирует всю эту деятельность городской совет, возглавляемый секретарем горкома партии Л. С. Щербаковой.

Нет, очевидно, нужды перечислять повестки дня пленумов и заседаний бюро горкома партии, на которых шел и поныне идет интенсивный поиск живых, интересных форм работы с людьми. Посвящаются этим вопросам и сессии городского Совета, заседания бюро горкома комсомола. Они стали обычными также для партийных организаций промышленных предприятий — шефов микрорайонов.

При всем этом следует сказать, что ничего исключительного или необычного мы, в сущности, не делали. Просто, организуя то или иное мероприятие, каждый раз спрашивали себя: «Какова его цель, какими будут проводиться средствами и для кого!» А создав при горкоме партии совет по работе с населением и 16 таких советов в микрорайонах, а также при головных партийных организациях, четко определили, кто и за что будет отвечать. Успех дела, как всегда, зависел от самых обычных вещей — продуманного планирования, точного распределения обязанностей и требовательного — партийного контроля.

Разумеется, одним планированием и контролем агитплощадок не построить и детских клубов не открыть: нужны средства. Вопрос этот, бесспорно, острый, но преувеличивать его сложность все-таки не следует. База для такой работы есть везде, просто мы еще не научились использовать свои возможности, по-хозяйски, рационально распоряжаться тем, что у нас есть. Например, у себя, в Калининграде, мы переоборудовали пустовавшие полуподвалы, непригодные для жилья помещения бывших административных учреждений в помещения для занятий кружков, в агитпункты. А большинство летних агитплощадок проектировалось на общественных началах и строилось самими жителями. Думаю, не преувеличу, если скажу: материальную основу работы по месту жительства создали те, кому она адресована.

Нашли мы и деньги на эти цели. Не все, конечно, прошло гладко, но в конце концов горкому удалось повернуть хозяйственников лицом к проблеме. Особенно после того, как вопросы развития материальной базы для работы по месту жительства были зафиксированы в комплексном плане социального развития города.

Но главное в воспитательной работе по месту жительства мы постоянно видели в одном — в поиске путей к сердцу человека. Ведь формы идеологической работы находятся в прямой зависимости от умения партийных организаций наиболее полно удовлетворить духовные запросы людей. В самом деле, доклад или беседа действенны лишь тогда, когда обращены к мыслям и чувствам конкретной группы населения.

Когда на первых порах были у нас неудачи — объявляли, к примеру, на агитплощадке лекцию, а слушать ее приходили всего несколько человек, — мы стали выяснять, в чем наш просчет. Оказалось, что и темы неинтересны, и приглашенные лекторы не пользуются авторитетом. Так мы поняли, что необходимо более серьезное изучение интересов людей, их запросов.

Первым сделал это коллектив жэка № 5 Завокзального микрорайона. 400 его агитаторов, в основном коммунисты и комсомольцы, начинали с создания социального паспорта микрорайона — с того, что они составили для себя достаточно полное представление об аудитории, с которой должен работать агитколлектив. А потом им удалось привлечь к выступлениям известных, уважаемых в городе людей из числа тех, кто здесь живет, в частности Героя Социалистического Труда слесаря-сборщика Д. М. Зернова.

Составленные после тщательных исследований социальные паспорта всех 16 микрорайонов города легли в основу комплексных планов нашей воспитательной работы, учитывающих возрастные и профессиональные особенности калининградцев. Выполнение этих планов контролирует уже упоминавшийся совет при горкоме партии, а непосредственными исполнителями являются советы микрорайонов, возглавляют которые, как правило, секретари парткомов шефствующих над микрорайонами крупных промышленных предприятий.

Знание аудитории помогло определить и формы культурно-массовой работы. Она у нас весьма разнообразна: клубы по интересам, концерты, выставки, лекции, праздники песен, улиц, походы по местам боевой и трудовой славы и многое другое. Все это, как нам представляется, дает возможность комплексно подходить к воспитанию населения. Недаром многие охотно идут на свою

агитплощадку и стремятся сами активно участвовать в делах микрорайона.

В числе энтузиастов этой работы — инженеры, педагоги, врачи, художники. Большинство из участников постоянно действующих агитколлективов — коммунисты и комсомольцы. Так, из 200 агитаторов, работающих на территории жэка № 6, их — 86 процентов, и все с высшим образованием.

Среди агитаторов и политинформаторов, работающих с населением, есть, естественно, и лекторы городской организации общества «Знание» — одной из крупнейших в области. В ней 11 научно-методических секций, в том числе атеистическая, которую возглавляет кандидат технических наук Н. Я. Дорожкин.

Научно-методическая секция по пропаганде атеизма объединяет 18 лекторов и 200 организаторов атеистического воспитания. Их можно встретить на предприятиях, в общежитиях, жэках, в агитпунктах и на агитплощадках, во дворцах культуры и клубах. Особенно часто наши пропагандисты атеизма выступают в летнем атеистическом лектории — на открытой эстраде парка при Дворце культуры имени М. И. Калинина. А в детском клубе Дворца для учащихся шестых — восьмых классов организована школа юного атеиста, где, кроме лекций, проводятся интересные встречи с людьми разных профессий. Часто лекции превращаются в беседы, причем вопросы слушателей свидетельствуют об их повышенном интересе к достижениям науки, к ее «белым пятнам», не до конца объясненным явлениям природы, загадкам истории, свойствам человеческого сознания. Наши пропагандисты любят такие аудитории, тщательно отбирают материал для своих выступлений, продумывают и названия лекций.

Массовой аудитории вряд ли нужна лекция, содержание которой ограничивается только критикой религии. Наверное, гораздо важнее, чтобы была мировоззренчески акцентирована система доказательств. Этим и объясняется, в частности, популярность таких тем, как «Философские воззрения К. Циолковского», «Таинственные явления человеческой психики», «Эволюция галактик и образование планетных систем», «Загадка египетских пирамид» и т. д.

Почти каждый из наших пропагандистов атеизма специализируется по определенным разделам тематики. Так, кандидат технических наук Л. А. Гуськов читает цикл о современном сектантстве, кандидат технических наук А. И. Войцеховский — цикл «Религия и Космос», Г. С. Ионова — «Искусство и религия», В. П. Демин рассказывает об отношении КПСС и Советского государства к религии и церкви.

Однако лекции — только часть многообразной воспитательной работы по месту жительства. Прочно, например, вошли в сегодняшнюю жизнь калининградцев вечера «А у нас во дворе...» — раздумья о проблемах морали, о новых черточках коммунистического быта. Регулярными стали вечера «Гудят Магнитки над страной» — торжественная перекличка предприятий индустриальных центров страны. Нет равнодушных и на вечерах, посвященных городам-героям.

А устный журнал для молодежи «Горизонт» дает пищу уму, предлагает развлекательную программу. В нем звучит слово пропагандиста и демонстрируются кинофильмы. За 15 лет журнал в 150 выпусках более половины своих «страниц» отдал искусству. «Страницы», посвященные науке, рассказывали об экспедиции на парусной лодке «Ра», о современных медико-биологических проблемах, о возможности контактов с внеземными цивилизациями. Интересовались слушатели журнала, конечно, и вопросами истории, философии, атеизма.

Очень популярны стали у нас праздники улиц. На одном из таких праздников, посвященных улице Калинина, выступали сотрудники Дома-музея М. И. Калинина в Москве, старейшие жители города рассказывали о своих встречах с замечательным революционером, а главный архитектор города говорил о планах дальнейшего благоустройства улицы. Завершился праздник просмотром кинофильма «Всесоюзный староста».

В Празднике улицы Гагарина участвовали космонавты. Они поделились воспоминаниями о своей работе и дружбе с Юрием Алексеевичем Гагариным, с другими покорителями Космоса, рассказывали об успехах в изучении космического пространства. Проводили мы и Праздник улицы Пионерской. Гостей встречал почетный пионерский караул. Ребята подготовили концерт, участники агитбригады привезли на праздник передвижной планетарий: когда стемнело, пригласили всех посмотреть в телескоп на звездное небо.

Есть в Калининграде одно начинание, за которым, как нам кажется, будущее. Это молодежный жилой комплекс, или, как его сокращенно называют, МЖК — коллектив с элементами нового, коммунистического быта. Молодежь осуществляла эту идею с энтузиазмом: трудилась на железобетонных заводах, выходила на субботники по сооружению зданий комплекса. И вот все три корпуса сданы, каждый — как бы полураскрытая книга в 16 этажей. Там, где соединяются страницы этой книги — «вставки», в которых расположены приемные пункты прачечной и химчистки, вечерние ясли, детские сады, залы семейных торжеств. Здесь же — помещение для работы студий, клубов, кружков, мастерских.

МЖК — не общежитие, обычные жилые дома. Но дела и заботы тут общие. В каждом корпусе избирается совет общественности, при нем комиссии

Группа гармонического развития: занятие ведет преподаватель музыки Н. А. Чутьева.

Пропагандисты Н. Я. Дорожкин (слева) и А. И. Войцеховский.

Фото Ю. Холопова.

Занятия в кружке радиотехники клуба «Дружба».

— детская, спортивная, хозяйственно-бытовая, сферы обслуживания и т. д. Они помогают наилучшим образом организовать быт, сплачивают людей.

Здесь выработана целая программа воспитания. Так, дети уже с трехлетнего возраста посещают группы гармоничного развития, где занимаются пением, ритмикой, музыкой, рисованием. Для ребят созданы кружки по интересам. Ведется и трудовое воспитание: дети активно приобщаются к домашнему хозяйству, поддерживают порядок в детских уголках и на площадках, занимаются в металлообрабатывающей, переплетной и столярной мастерских.

Родители по очереди дежурят в вечерних детских яслях и садах, занимаются с ребятами в кружках, ведут спортивные секции, выпускают стенгазеты, организуют диспуты, ходят в походы, на экскурсии и т. д. В МЖК регулярно выходит устный журнал. Раз в месяц силами живущих тут членов общества «Знание» проводятся лекции и беседы, в том числе и атеистические.

Кстати, в уставе жилищного комплекса прямо записано об обязанности члена МЖК вести атеистическую работу. Так что нет ничего удивительного, что в таких циклах лекций, как, скажем, «Земля и Вселенная», «Изобразительное искусство Древней Руси», «О неиспользованных резервах человеческого организма», «Загадки древнего мира», не забывают о материалистическом осмыслении темы. Это особенно важно потому, что первые ряды в зале комплекса заняты, как правило, детьми: ведь именно в юном возрасте закладываются основы мировоззрения.

Да и результаты социологических исследований говорят о необходимости такой работы. Хотя на вопрос анкеты «Как вы оцениваете влияние религии на человека?» абсолютное большинство школьников ответили «отрицательное», были и такие ответы: «Мнения не имею и думать не хочу», «Не знаю — полезная или вредная, мне все равно». Это свидетельствует о том, что у некоторой части наших школьников нет еще атеистической убежденности, не сформировано научно-материалистическое мировоззрение. А если учесть, что их взгляды формируются прежде всего в семье, то нетрудно сделать вывод о том, что атеистическое воспитание по месту жительства должно быть более целенаправленным.

Опыт показал, например, что из трех тысяч жителей в общественных делах участвуют далеко не все. Вне их остаются чаще всего женщины — именно те, кто, как говорят социологи, более всего в этом нуждаются. Как привлечь их к активной общественной деятельности — вопрос сложный. Информация, которую дает социальный паспорт, все-таки не раскрывает в полном объеме круг интересов человека, его устремлений. Очевидно, нам нужно искать пути для более глубокого изучения запросов людей, особенно молодежи, делать это на строго научной основе.

Своеобразной лакмусовой бумажкой действенности воспитательной работы по месту жительства служат молодежные общежития. Возраст у их жителей — сложный. Нужна совместная целенаправленная деятельность всех общественных организаций, чтобы направить кипучую энергию этих юношей и девушек в нужное русло, помочь войти в рабочий коллектив. Партийная организация, комсомол города стараются создать на предприятиях обстановку доброжелательности к ним, умного, чуткого руководства, а в общежитиях — духовно богатую атмосферу.

К сожалению, важность работы с данной категорией населения понимают не все наши хозяйственные и партийные руководители. Только этим можно объяснить тот факт, что среди молодых рабочих, в том числе комсомольцев, встречаются случаи крещения и венчания. Разумеется, религиозные обряды совершаются не только верующими. Как показывают наши социологические исследования, более 90 процентов молодых людей считают себя атеистами, а причиной, которая побудила их, к примеру, крестить детей, называют не религиозные побуждения, а давление со стороны старших родственников.

Но ведь это не что иное, как мировоззренческая беспринципность. Думается, такие слова наиболее точно определяют ситуацию, когда человек, называющий себя атеистом, участвует в религиозных праздниках и обрядах. И очевидно, правильно на состоявшейся в свое время у нас научно-практической конференции «Задачи атеистической пропаганды в свете решений XXV съезда КПСС» пропагандистам рекомендовано разграничивать понятия «религиозность» и «обрядность», поскольку анализ показывает, что в большинстве случаев обрядность — проявление не религиозности, а мировоззренческой беспринципности.

В связи с этим хочу высказать такое соображение: анализируя случаи совершения религиозных обрядов, мы обычно ищем причины только в недостатках системы атеистического воспитания. Между тем это следствие общей аморфности убеждений, что, полагаю, имеет куда более сложную природу. Тут нельзя забывать, что атеистическая работа по месту жительства — лишь одно из звеньев в общем комплексе воспитательных мер по формированию нового человека. На это, кстати, еще раз обращено внимание

Атеистическую страничку устного молодежного журнала «Горизонт» ведет кандидат философских наук В. В. Киселев.

в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

В общем, кое-что для улучшения атеистической работы по месту жительства мы сделали: организовали семинары актива, при горкоме партии работает школа организаторов атеистического воспитания, в прошлом году в городском народном университете создан факультет научного атеизма для учителей, подведены первые итоги опыта атеистической работы в общежитиях, ведется пропаганда социалистических праздников, обрядов и традиций, регулярно проходят заседания исполкома горсовета, посвященные контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах, и т. д. Но, разумеется, мы отнюдь не удовлетворены сделанным.

Нельзя, например, сказать, что все клубы, библиотеки, дворцы и дома культуры работают на современном уровне. Требует усиления работа комиссии исполкома горсовета по соблюдению законодательства о религиозных культах. Долго не решался вопрос о расширении и улучшении условий работы загса. До сих пор не организована торжественная регистрация новорожденных. Есть у нас претензии и к подготовке кадров воспитателей для общежитий.

Конечно, работа по месту жительства — сложное звено в системе воспитания. Все, кто причастен к ней, знают, как непросто дойти до сердца и ума каждого. Между тем, несмотря на острую необходимость, до сих пор нет глубокого, всестороннего обобщения опыта воспитательной работы по месту жительства. Совершенно необходимо привлечь к ней внимание социологов, психологов, педагогов. Лишь совместными усилиями можно добиться высокой эффективности на этом важном идеологическом участке.

Записал К. СТЕПИН

Калининград
Московской области

ПОСЛЕ РАБОТЫ

О. ЧЕРЧЕСОВА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

«Строительство молодежного комплекса — решение не только жилищной проблемы... Здесь каждый — активист, болеющий за общее дело. Заботы, радости, тревоги на всех. И это прекрасно»

(из первых газетных сообщений).

«Идея отличная. Она позволила поднять на более высокий уровень воспитательную работу по месту жительства, что заметно оздоровило моральный климат живущих здесь людей...»

(из высказываний членов совета МЖК).

«Люди въехали в красивые большие дома, и началась будничная жизнь. Новое стало обычным, каждодневным...»

(из газеты «Московский комсомолец»).

Над подмосковным городом опускается вечер. Расцвечиваются разноцветными огоньками три дома-близнеца — молодежный жилой комплекс (МЖК) Калининграда. Зайдем в любой из них. В светлом просторном вестибюле тепло и уютно. На стене объявления: о работе кружков, о предстоящих лекциях, выставках, напоминания о субботнике, о родительском собрании. Все тут говорит: у живущих в этом доме много общих интересов, хотя у каждой из 900 семей немало своих дел, забот.

Руководит всем совет, избираемый жителями МЖК. Каждую среду собираются активисты в своей штаб-квартире, чтобы обсудить итоги минувшей недели, наметить планы на будущее. Вот и нынче кое-кто пришел сюда даже прямо с работы. Настрой у всех деловой, и протокол председателя МЖК Виктора Аракчеева умещается всего в двух графах: «Что нужно сделать» и «Кто ответственный». В первой — запись: «Утепление помещений»...

— Подобные будничные мелочи — основа для всей нашей работы,— говорит кандидат технических наук Николай Яковлевич Дорожкин.— Что толку от кружков и лекций, если люди будут чувствовать себя там неуютно. Не надо забывать, что они буквально выкраивают свободное время...

Николай Яковлевич — опытный пропагандист, член городской организации общества «Знание». С первых дней, как въехал в этот дом, стал налаживать здесь воспитательную работу. Это его усилиями создан клуб МЖК.

— Я занимаюсь с детьми,— вступает в разговор Виктор Митрофанов, член совета МЖК.— С первых дней существования комплекса мы создали для них «группу гармоничного развития». Сейчас сюда уже приходят около 1300 детей начиная с трехлетнего возраста. Занимаются они ритмикой, музыкой, изучают английский язык. В группе ребята не только получают знания, но и развивают свои способности. Наиболее целеустремленные могут дальше заниматься в созданных у нас кружках по интересам. Например, при группе есть изостудия. Ведут ее художники, жители МЖК, супруги Юлия и Александр Панченко.

Но, думается, самое важное в нашей работе это то, что мальчики и девочки становятся более коммуникабельными. И не только! Те, кто давно у нас, значительно более активны в общественной жизни школы, помогают дома, инициативны. Наблюдая за тем, как они слушают, спорят, можно сказать: эти дети уверенно входят в нашу жизнь. Словом, мы стремимся с раннего возраста вырабатывать активное к ней отношение.

— Нужно сказать, что формирование активной жизненной позиции — неотъемлемая часть нашей воспитательной работы,— говорит Дорожкин.— Вот мы читаем для жителей комплекса немало лекций. Спрашивается, а какова должна быть их тематика? Конкретно, с учетом, что называется, местных условий. Конечно, всегда интересны выступления по международным проблемам, с удовольствием будет выслушан и рассказ о взаимоотношении науки и религии. Но мы не вправе забывать, что многие ищут ответы на свои главные вопросы в повседневной жизни, в быту. Не случайно религиозные проповедники все чаще обращаются к проблемам взаимоотношений на работе, в семье, между соседями. Вот почему у себя, в МЖК, мы в первую очередь стремимся наладить нормальный быт, помочь людям побыстрее освободиться от домашних забот, чтобы у них было больше времени для общения друг с другом, чтобы не появлялось между ними отчуждение, не рвались связывающие их нити, чтобы не возникала душевная пустота и люди не становились безучастными к общим делам, не чувствовали себя готовыми на все махнуть рукой сторонними наблюдателями. Только когда создана нормальная обстановка на работе и дома, только тогда можно по-настоящему и браться за воспитание человека. Вот тогда он и отлично разберется в сущности религиозной морали, и ни на йоту не усомнится в том, что «человек человеку друг, товарищ и брат»...

Кто же приходит на беседы и лекции в МЖК? Как-то Дорожкин предложил присутствующим — всем, кто пожелал, — написать свои фамилии и адреса. Вышла любопытная география: на лекцию пришли, оказывается, не только жители МЖК и близлежащих домов, но и люди почти со всего района. И не только, очевидно, послушать выступления, но и прикоснуться к царящей здесь атмосфере дружбы и взаимопомощи.

Этому молодежному жилому комплексу — почти 10 лет. Утих азарт становления коллективного быта. На его место пришла вдумчивая повседневная воспитательная работа. Но за это время сделано основное — создан дружный, сплоченный и активный коллектив жильцов — такой, в котором теплая поддержка друг друга рождает жизнь интересную, значимую.

Калининград
Московской области

КОГДА И ГДЕ ВЕСТИ БЕСЕДУ АТЕИСТУ?

Н. АДРИАНОВА

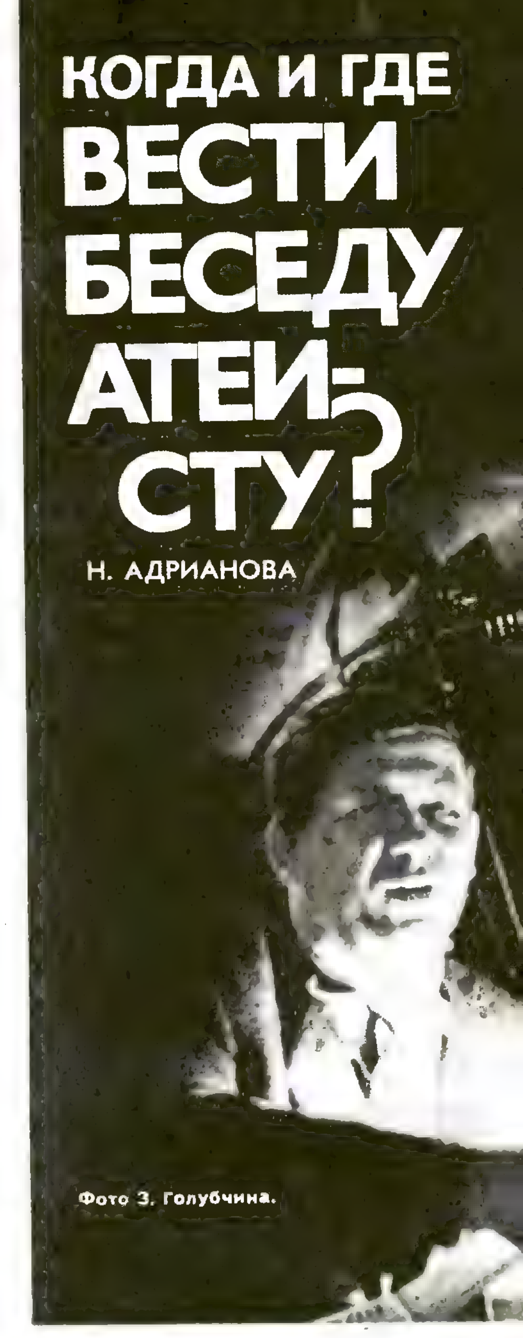

Фото З. Голубчина.

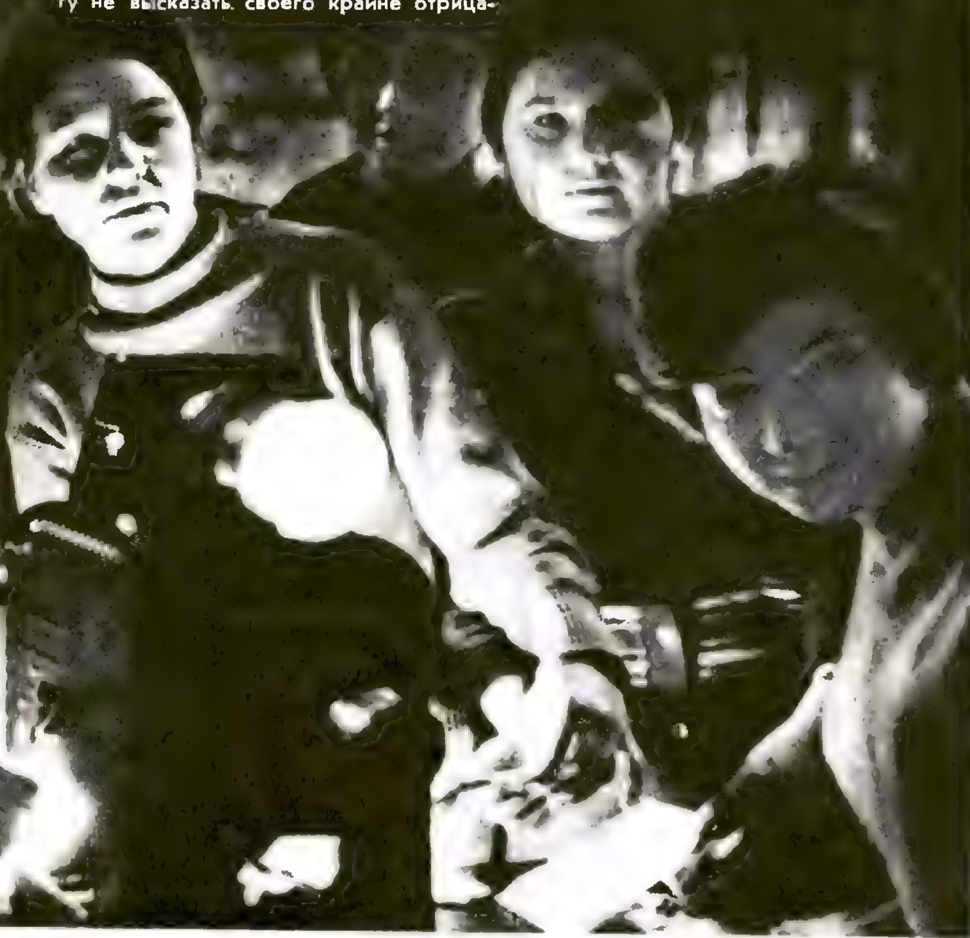
Закончилось занятие семинара лекторов-атеистов. Но еще многое хотелось бы рассказать опытному пропагандисту своим молодым коллегам. И продолжается задушевный разговор.

Итак, снова вопрос, логически связанный с первым, открывавшим предыдущую статью *. Время и место встречи с аудиторией, как мне кажется, во многом определяют и состав аудитории, и сам характер разговора с ней, и эффективность общения лектора со слушателями, то есть в конечном счете — качество всей нашей атеистической работы.

Не секрет, что пока еще добрая половина лекций в коллективах (в том числе и по атеистической тематике) читается во время обеденного перерыва. И хоть предвижу возражения, не могу не высказать своего крайне отрицательного отношения к подобной практике.

Во-первых, обеденный перерыв — время необходимого отдыха, посягая на которое мы лишаем людей этой важной естественной потребности. И шутливая присказка «Кушайте и слушайте!», которой я иногда начинаю лекции перед жующей публикой (увы — это почти повсеместная картина в торговых предприятиях и на небольших производствах, где люди обычно обедают в неприспособленных помещениях), не спасает от чувства неловкости ни меня, ни моих слушателей.

Казалось бы, нехитрая штука — световая стенгазета, а сила воздействия у нее большая. Зал непосредственно и очень эмоционально реагирует на каждую строчку, на рисунок, карикатуру.

На все вопросы посетителей парка консультант отвечает подробно и популярно, слушать его интересно. Однако не зря все же говорят: лучше один раз увидеть...

Во-вторых, очень жесткий и явно недостаточный регламент времени, отведенный на лекцию в таких случаях (зачастую не более 25—30 минут), и обстановка, в которой приходится выступать — когда людям негде сесть, неудобно стоять, когда всем мешает производственный шум, отнюдь никак не способствуют эффективности преподносимого материала. Лектору приходится непременно чем-то жертвовать в ущерб качеству выступления, скороговоркой излагать важные понятия, у него нет возможности делать необходимые паузы, эмоциональные акценты. А слушателям в силу тех же причин труднее понять и осмыслить, прочувствовать услышанное, не всегда остается время для того, чтобы они могли задать вопросы и получить на них ответ.

«Но что же делать? — вздыхают обычно организаторы лекций в таких коллективах. — А в другое время народ не соберешь. Многие после работы даже на самую интересную лекцию не останутся: кто спешит на занятия в школу или в вуз, кто за детьми в сад или ясли, а кому перед этим надо еще сбежать в магазин. У этого — кружок, у того — тренировка, соревнование, у третьего — общественное дежурство...» Конечно, они во многом правы: кто же из лекторов не испытал на себе, как трудно, а порой невозможно овладеть вниманием слушателей, когда они нервно поглядывают на часы и не скрывают нетерпения поскорее заняться своими неотложными делами.

Некоторые считают, что наиболее удобное время для лекции — утро до работы и занятий. И такая традиция существует в некоторых московских школах, в крупных торговых предприятиях. И как ни покажется странным, но посещаемость таких ранних лекций, начинающихся в 7—7.30 утра, довольно высокая. Тем не менее и тут тоже имеется целый ряд неудобств и для лектора, и для слушателей (ведь некоторые затрачивают на дорогу больше часа).

«Когда же в таком случае проводить лекции и другие мероприятия?» — спросите вы.

Ответ я вижу однозначным: **в свободное от работы, учебы, основных занятий время**, лучше всего — в выходные дни. Не только потому, что это время удобно всем или, во всяком случае, многим, когда можно без спешки вести доверительный и обстоятельный разговор с людьми. Немаловажно и то, что само это **время** — так называемое свободное, используемое каждым для удовлетворения личных потребностей, интересов, — определяет и **место**, точнее, **обстановку** встречи с аудиторией. А как влияет обстановка на внимание слушателей, на их восприимчивость, на присутствие или отсутствие «обратной связи», каждый лектор знает по опыту.

Кстати сказать, обращали ли вы внимание на то, как все тщательно продумано в церковном спектакле с точки зрения внешней обстановки и соответствующего настроя пришедших сюда людей? Мягкий, расплывчатый полумрак, причудливая игра света и теней, легкое марево вокруг ласкающих глаз живых огоньков свечей, притягательная красо-

---

* См. ст. «К кому и как мы обращаемся» в № 4 за 1980 г.

та архитектурных форм и живописи, волшебство проникновенного человеческого голоса, его тембрового богатства и специфичной ритмики возгласов и песнопений — все здесь подчинено одной задаче — привести соучастников этого театрализованного действа в состояние особого волнения. Нередко именно эта эмоциональная насыщенность и специфичность обстановки, как бы контрастирующей с напряженным ритмом и прозаизмом нашей повседневной жизни, иллюзия отрешенности, покоя, созвучности переживаний окружающих людей, а вовсе не интерес к религии как таковой служат для некоторых побудительным моментом посещения церкви, молитвенного дома.

Наверное, в каждом из нас происходит борение двух сил, двух потребностей, подчас даже не осознаваемое. Многими нашими поступками, желаниями движет чувство коллективизма, одно из важных качеств нашего социалистического образа жизни, ставшее естественной и острой потребностью, второй натурой советского человека. С другой стороны, каждому из нас свойственно столь же естественное и очень человеческое стремление к душевному расслаблению, покою, уюту, домашней раскованности, к отдыху от повседневной напряженности и очень уж стандартизированных сторон жизни. Как сочетать то и другое? Наверное, всячески поощряя первое стремление, сделать все для того, чтобы удовлетворялось и второе.

Мы располагаем богатейшими возможностями для организации самых разных форм общения людей. В их распоряжении прекрасные дома и дворцы культуры, клубы и библиотеки, театры и музеи, сады и парки... А сколько у нас красных уголков, многие из которых весьма давно стали не «уголками», а чем-то средним между маленьким клубом и концертным залом! Но надо признать, используем мы все это пока еще плохо, не по-хозяйски.

Почему же лекция, концерт, даже демонстрация кинофильма порой проходят при полупустых залах?

Я часто наблюдаю, как рассаживаются слушатели перед лекцией. Выбирают места подальше от трибуны, в сторонке — там, где нет резкого света, где можно незаметно расслабиться, прикрыть усталые веки. И я прихожу к выводу: наверное, большой зал — не всегда лучшее место для лекции, особенно если на нее собираются люди пожилые. Да и молодежь иной раз чувствует здесь себя не очень уютно. Может быть, мешает стереотип чего-то официального, обязательного, который отложился в сознании некоторых из нас по отношению к залу, где обычно проходят собрания, совещания, учебные и прочие занятия, сопровождающиеся большим психологическим напряжением? Во всяком случае, кого-то обстановка может соответствующим образом настраивать, а стеснительных, робких просто и отпугнуть.

Думается, пришло уже время для того, чтобы в каждом клубе, библиотеке, в других учреждениях культуры оборудовать что-то вроде гостиной, достаточно просторной, уютной, тихой, где все — от мебели, цвета стен, штор до освещения — учитывало бы специфику проходящих здесь встреч и располагало людей к непринужденному общению, к плодотворной работе мыслей и чувств. Она должна быть открыта всегда (а не только в дни тех или иных плановых мероприятий). Нужен здесь и свой радушный хозяин — человек, умеющий встретить и приветить любого, помочь новичкам освоиться, затеять и поддержать общий разговор, а возможно, напротив, создать такую обстановку, когда каждый сам находит собеседника, хочет — общается, хочет — молчит и слушает. Вот такие гостиные (кстати, у них могут быть самые разные названия) видятся мне и наиболее подходящим местом для общения лектора-атеиста с небольшой аудиторией, с разными группами населения, в том числе (а может, и прежде всего) с верующими.

«Что ни затевайте — вряд ли придут, мало сейчас охотников проводить досуг в клубе!» — скажут иные скептики. Я убеждена в обратном. Придут, даже приедут из другого конца города, если предложенная клубом программа будет по-настоящему **интересной и содержательной**, если создать **не только внешний уют**, но и особую атмосферу **душевного комфорта**, зажечь тот огонек духовной близости и теплоты, который так притягателен и необходим каждому из нас. Но даже там, где на первых порах действительно не все будет получаться, не стоит отчаиваться. Надо самим идти туда, где собираются люди — потенциальные слушатели.

Взять хотя бы те же клубы знакомств с их быстро растущей популярностью. Ведь здесь, как правило, собираются люди с нелегкой жизненной судьбой, знающие цену горю, утратам, обиде, но не желающие мириться с одиночеством. Они так нуждаются в сочувствии, сопереживании. И наверное, очень созвучной настроениям и чувствам этих людей могла бы быть непринужденная беседа с ними (а то и серия таких встреч-разговоров) опытного пропагандиста о смысле жизни, о человеческом назначении, о добре и зле и других столь же важных нравственных категориях, о психологической и социальной основе семейного союза, о культуре чувств и т. д. Ведь порой именно жажда найти ответ на эти «вечные» вопросы приводит ищущего и тонко чувствующего человека к церковному проповеднику.

Плодотворным и обоюдополезным может быть контакт пропагандиста атеизма с членами различных клубов по интересам, где собираются и верующие и неверующие. Один из моих коллег, например, имел шумный успех в местном шахматном клубе, когда повел разговор о роли суеверий, интуиции, психологической обстановки в мышлении и поведении участников шахматной партии. В клубе меломанов, в создаваемых почти повсеместно фонотеках, дискотеках, думаю, могут стать популярными прослушивания произведений старинной музыки, вечера любителей хорового пения, цикл лекций «Музыка и церковь». У меня лично завязались добрые отношения с одним из объединений филокартистов. Сначала здешние активисты помогли мне собрать отличный иллюстративный материал для некоторых лекций, а потом я на одном из заседаний клуба прочитала лекцию об антирелигиозной теме в произведениях художников, которую мои новые друзья подкрепили выставкой открыток и репродукций. Тут же завязался большой общий разговор: одни задавали вопросы, другие пополнили мой рассказ любопытными деталями, третьи заинтересовались литературой по этому вопросу, приглашали выступить у них на производстве, в жэке.

На многих московских заводах раз в месяц, всегда в определенный и заранее известный день, приглашают в дом культуры ветеранов на традиционную встречу. Перед ними выступают руководители предприятия, информируют, чем и как живет коллектив, какие новые задачи решает. Потом собравшиеся слушают лекцию, смотрят концерт артистов или участников самодеятельности, беседуют друг с другом. Сюда же приходят их ученики, товарищи по цеху, бригаде. Само по себе такое мероприятие создает своеобразный иммунитет против возможного религиозного влияния на эту категорию людей. А для нас, атеистов, оно важно и тем, что мы здесь выходим на прямой контакт с бабушками и дедушками, с людьми, пользующимися наибольшим авторитетом в семье, непосредственно участвующими в утверждении ее традиций, определенных нравственных, мировоззренческих, гражданских установок и ориентиров, морального климата.

Родительские собрания в детских садах, школах, интернатах, многочисленные родительские университеты и лектории тоже, думается, — место «постоянной прописки» пропагандиста, тяготеющего к нравственно-педагогической тематике, к проблемам атеистического воспитания в семье. Не могу не рассказать тут о курьезном, но поучительном случае, который произошел со мной в одном из столичных домов культуры, куда я была приглашена провести лекцию для родителей.

Мамы и бабушки, которые привели сюда детей на елочное представление, довольно охотно откликнулись на просьбу пройти в зал и прослушать лекцию, полезно провести время вынужденного ожидания. Так и вошли они — с детскими одежками в руках. Но тема лекции — атеистическая?! — у многих вызвала недоумение и скептические улыбки. Однако вскоре я уже читала на лицах моих слушателей неподдельный интерес. Более того, многие так увлеклись, что под конец буквально засыпали меня вопросами. И когда дежурный администратор вошла в зал и сообщила, что дети уже в вестибюле, ее попросили еще несколько минут занять ребятишек, потому что лектор не успел ответить на вопросы.

Есть еще одна большая и очень нуждающаяся в нашем внимании социальная группа — молодежь, живущая в общежитиях. Собрать этих парней и девчат не всегда просто: для многих лекции — непривычная форма учебы и отдыха, некоторым мешает робость, кого-то удерживают усталость, бытовые заботы. В одном из общежитий, где живут девушки-текстильщицы, я познакомилась с двумя энтузиастками. Опытный лектор-атеист и педагог-воспитатель общежития стали устраивать в красном уголке что-то вроде посиделок. Девушки, расположившись кто с шитьем, кто с вязанием, кто просто уютно примостившись в кресле, с явным интересом слушали непринужденные и

Спокойное течение реки, покой и неброская красота родной природы, потрескивание сучьев в костре — все настраивает участников этой встречи на особый лад. И в самое сердце западают слова о прожитом и пережитом.

душевные рассказы своей новой знакомой, которая в своих «импровизированных» беседах старалась затронуть побольше волнующих их проблем. Вскоре девчата уже воспринимали моего коллегу не как лектора, а как доброго старшего друга, к словам которого стоит прислушаться, и теперь сами спешат на эти ставшие традиционными встречи.

Очень ждут авторитетных, знающих и душевных пропагандистов и в больничных палатах. Здесь сама обстановка располагает к беседе, к обмену мыслями. Ведь избыток свободного времени, стремление отвлечься от мыслей о болезни, потребность в моральной поддержке, заботе и доброте — все это вызывает у людей обостренный интерес к любому разговору, тем более такому многоплановому, затрагивающему интересы каждого, который может вести тут опытный атеист. Не случайно, когда отсутствует пропаганда атеистическая, именно здесь порой ведут свою незаметную работу импровизированные религиозные проповедники из числа больных или навещающих их людей, а то и из младшего медицинского персонала.

В большинстве библиотек сейчас открытый доступ к книгам. И, казалось бы, сама обстановка располагает тут к общению — к тому, чтобы прямо у книжной полки шел непосредственный обмен мнениями о прочитанном, о тех или иных проблемах, отражаемых литературой, встречи знатоков-библиофилов с новичками и т. п. Однако нередко нас по-прежнему вежливо одергивают: «Тише, пожалуйста!» Тишина нужна в читальном зале — тут никто не спорит. Но здесь, у книг, где все рождает спор, размышление, мне кажется, — самое место для общения, столкновения различных мнений, для коллективного поиска истины, ответа на злободневные вопросы.

Не потому ли перестали многих интересовать те же читательские конференции, тематические атеистические вечера, устные журналы, другие очень уж «заорганизованные» мероприятия, что излишняя регламентация сегодня зачастую претит людям? Демократизм нашей жизни, с детства воспитываемая инициативность, творческий подход к делу, активная жизненная позиция вызывают протест против всякого шаблона, против даже невольного ограничения этих свойств нашего характера. И это нельзя не учитывать при организации атеистических мероприятий сегодня. Возросшие запросы советских людей, их многогранная социальная практика настоятельно требуют и нового, современного подхода к ним со стороны пропагандистов, организаторов атеистической работы в коллективах, работников и активистов учреждений культуры. Вряд ли теперь, например, найдется много желающих пойти на клубный вечер с навязшей в зубах «антирелигиозной» темой вроде «Чудеса без чудес». Но встреча с группой ученых, комментирующих новейшие научные открытия, привлечет многих — и молодых и пожилых. И верующие придут охотно на вечер без ярлыка «атеистический», посвященный пушкинской или лермонтовской лирике, где воспевается величие человеческого духа и высокий гражданский идеал земного бытия. Или на встречу с литературоведом, философом, где пойдет речь о нравственных исканиях Толстого, Достоевского, о глубоком психологизме их творчества. Атеистический подтекст может иметь и такая популярная форма творческого монолога, как театр одного актера, удобная и тем, что здесь далеко не всегда нужна сценическая площадка. Как подобие музыкальных вечеров для юношества, которые ведутся у нас столь эмоционально и вызывают общий большой интерес, видятся мне встречи с молодежной аудиторией, где должен идти — тоже по большому счету, откровенно, доверительно и на высоком профессиональном уровне — разговор о мировоззрении, нравственных принципах и других важных вещах.

Во всех приведенных тут примерах массовых мероприятий одна общая отправная точка: стремление пробудить интерес людей к определенному кругу проблем, к вопросам атеизма в том числе, к той или иной стороне жизни через их потребности, склонности, увлечения. Именно эти моменты и побудят их прийти в клуб, на то или иное мероприятие. И именно знание интересов и настроений людей, с которыми ведем воспитательную работу, во многом определяет ее успех.

Тут, на мой взгляд, как раз и сосредоточен главный круг дел организатора атеистической работы в коллективе, некоторые из которых, к сожалению, ограничивают свои обязанности лишь формальной стороной проведения лекций. А ведь, общаясь постоянно с товарищами, слушая и анализируя задаваемые ими вопросы, видя, какой резонанс дает та или иная лекция, любое другое подобное мероприятие, или просто доверительно беседуя с каждым, он может и должен быть посредником между лектором и слушателем. Он первый может подсказать, какой теме отдать предпочтение, где и как лучше провести лекцию, какую форму разговора выбрать, в чем особенность данной аудитории, на какие вопросы надо обратить внимание.

Жизнь подсказала и такую эффективную, но пока плохо используемую атеистами форму работы в коллективах, как единый политдень, где идет взаимная информация руководителей и трудящихся масс по актуальным вопросам нашей жизни, общественной практики. Стоит сделать правилом, когда на такие встречи с коллективами приходят члены районного совета по научно-атеистической пропаганде, лучшие лекторы, работники загса и других отделов исполкома местного Совета народных депутатов, члены творческих союзов. Они могли бы ответить на многие вопросы, учесть пожелания, запросы, интересы людей в совершенствовании различных аспектов нашей духовной культуры.

И тогда, наверное, станут просто невозможны случаи, которые пока еще встречаются в нашей практике. Когда на атеистические мероприятия ходят одни лишь неверующие. Когда в клубе поселка, где активно действует баптистская община, читаются лекции об иудаизме, буддизме, исламе, хотя в округе нет ни одного объединения этих конфессий, но в течение ряда лет не было ни одного выступления, которое могло бы заинтересовать и самих баптистов, и тех, кто сталкивается с деятельностью их общины. Когда разные общественные организации предприятия дублируют друг друга в атеистической пропаганде, в результате чего порой одна и та же тема читается в одном коллективе несколько раз, даже чуть ли не подряд.

В НЕСКОЛЬКИХ ЧАСАХ ЕЗДЫ ОТ ОРЕНБУРГА...

В. ШЕВЕЛЕВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

В селах, через которые лежит мой путь, широкие улицы, обсаженные березами и акациями, крепкие и просторные дома, рассчитанные на большие семьи — со многими детьми, с дедушками и бабушками. Во всем облике сел — ощущение основательности, добротности, устойчивости. Здесь живут потомки меннонитов, переселившихся в Россию почти двести лет назад.

«ОСНОВАЛИ ЗДЕСЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СЕЛЕНИЙ»

Из справочников и специальных исследований нетрудно узнать, как попали меннониты в Россию.

Это протестантское течение (название идет от имени одного из его основателей — Менно Симонса) выделилось из анабаптизма — крестьянско-плебейского крыла реформации—после Крестьянской войны (1524—1525 гг.) в Германии. Меннониты, как известно, отрицают применение силы, отказываются брать в руки орудия убийства. Своим оружием они провозглашают нравственное поведение, нравственный пример. Меннонитская община стремится выделиться, отгородиться от «грешного», «порочного» мира. «Смешанные браки» — с людьми иной веры — строго запрещались, ослушники наказывались; запрещались танцы, чтение книг светского содержания, ношение яркой одежды, ограничения касались еды и питья и т. д.

Проповедь меннонитов имела успех, нашла своих последователей и во многих странах получила распространение.

В России они появляются в конце XVIII века. В специальном указе Екатерина II, отметив, что своим правилом считает «иметь попечение и труды о тишине и благоденствии вверенной от бога пространной империи и о умножении в оной обитателей», приглашает меннонитов, ищущих убежище от религиозных притеснений, переселиться в Россию. Им отводятся наделы земли, предоставляются льготы. В 1789 году первые двести с лишним семейств поселяются в районе острова Хортица на Днепре.

Дело пошло успешно. Меннониты старательно возделывали землю, культурно вели хозяйство. 10 лет спустя, в 1800 году, император Павел I постановляет «не токмо утвердить все их (меннонитов) права и преимущества, изъясненные в предварительно заключенных с ними условиях, но для возбуждения в них вящей ревности к трудам и рачению к домоводству даровать им и другие выгоды».

Меннонитские поселения возникают и крепнут на юге России. Однако с течением времени земли на обжитых местах начинает не хватать и меннониты двигаются на восток — в Туркестан, в Сибирь... Хортицкие меннониты, например, покупают землю в Оренбургской губернии.

Читаем:

«В 1894 году куплено у потомственных почетных граждан братьев Деевых 24 668 десятин 2040 саженей по 30 рублей за десятину. В 1897 году куплено у башкиров Бакаева и Сарыбаева 968 десятин по 35 рублей за десятину. На этих двух участках поселены 444 безземельных семейства. Они основали здесь (в 1894—1901 гг.) 14 селений».

Чтобы попасть на новые земли, предстояло пройти много километров — с детьми, скарбом, скотом. Новоселов ждали необжитые пространства, суровый климат, рядом жили люди другой веры, даже не христиане, многие из которых не понимали по-русски. Оренбургские степи, в которых очутились меннониты, казались им краем света...

Сейчас добраться до мест, где живут внуки и правнуки тех давних переселенцев, просто — за несколько часов без особых хлопот можно доехать от Оренбурга до Красногвардейского, Александровского и других районов области.

«Я ВЕРЮ НЕ В МОЛИТВЫ, А В НАУКУ»

Я прохожу по деревенской улице мимо клуба, книжного магазина, детского сада, рассматриваю портреты передовиков на Доске почета возле правления колхоза. На первый взгляд, трудно обнаружить следы тех далеких времен, когда первые переселенцы начали тут строить дома и возделывать поля. Советский образ жизни — вот что определяет характер личных и производственных отношений, быт и психологию людей, которые живут на этой земле. А все-таки следы сохранились...

В Подольской средней школе Красногвардейского района мне дали прочитать ответы старшеклассников на анкету мировоззренческого характера. На вопрос: «Как вы относитесь к вере в бога, верите ли в чудеса и действенность молитв?» — следовали ответы:

«Бог, судя по рассказам верующих людей, такой же человек, как и все смертные, только без грехов. Из этого следует, что он придуман людьми»; «Я верю не в молитвы, а в науку. Если бы люди только молились, не было бы на земле ни домов, ни хлеба, ни машин»; «Религия запрещает пить и курить. Но кто этого не хочет, может и без религии не пить и не курить. Я знаю таких людей».

Однако рядом можно было встретить совсем иной взгляд на вещи:

«Существование бога нельзя доказать обычным научным методом. Доказывать существование бога научным методом так же нелепо, как утверждать, что телефон создан для изучения радиоактивности. Бог вечен и безначален. Если бы он был сотворен существом, он не был бы богом. Когда бог придет на землю за своими детьми, то те, которые не будут готовы к приходу господа, останутся на земле и попадут в ад. А я не хотел бы попасть в ад».

Ответы школьников на анкету еще раз подтверждали, что проблемы атеистического воспитания занимают большое место в жизни округи.

ЖИЗНЬ — ПРОТИВ ЗАМКНУТОСТИ

Об этих проблемах охотно, заинтересованно говорят хозяйственные и партийные руководители, учителя, работники культуры, рядовые колхозники. Мои собеседники стремятся учитывать живучесть семейных и национальных традиций «меннонитской среды» (сейчас это понятие непременно следует ставить в кавычки — такой среды в чистом виде не существует).

И. Н. Беляев,
секретарь парткома колхоза имени Карла Маркса Красногвардейского района.

— Конечно, нам надо помнить, что до революции меннониты стремились всячески отгородиться от «грешного» мира, от всего, что лежит «за пределами» меннонитства, замкнуться, обособиться в религиозной общине. Но сейчас сама жизнь противостоит тенденции к обособлению. Прежде всего, в меннонитских поселениях нет и в помине былой однородности. В одном доме живут верующие, а соседи вокруг — неверующие. Даже в одной семье родители верят, а дети — нет. Стенку, которая когда-то отгораживала меннонитов от внешнего мира, разрушало колхозное строительство — в нашем колхозе бок о бок работают и люди разных национальностей — немцы, русские, башкиры, и люди разных вероисповеданий, верующие и неверующие.

Н. П. Вибе,
председатель колхоза «Прогресс» Александровского района.

— У нас стало традицией — за хорошую работу награждаем туристическими путевками. Наши колхозники побывали и в Средней Азии, и в Прибалтике, и на Украине. Такие путевки довольно часто получают колхозники, верящие в бога. Они могут увидеть свет, посмотреть, как живут разные люди; они получают возможность расширить свой кругозор, раздвинуть рамки привычных представлений.

...Молитвенный дом села Подольское. Просторная светлая комната. На стене плакаты на немецком языке: «Славим распятого Христа», «Бог есть любовь». В углу несколько гитар и мандолин.

Разговор заходит о телевизоре. Пожилой человек, сидящий напротив, качает седой головой:

— Я его не смотрю. Я знаю, куда тратить свое время. Есть, правда, передачи, которые смотреть не грех. Но тут искушение — полезная передача кончилась, а твердости выключить телевизор не хватает. Слаб человек.

Я рассказываю об этом разговоре директору Подольской средней школы Красногвардейского района.

В. Ф. Янцен.

— Это известно, что меннониты избегают смотреть телевизор. И сами не смотрят, и детям не велят. Но вот представьте такую ситуацию: при подведении итогов соревнования передовик производства, человек, верящий в бога, получил премию — телевизор. Что ему с ним делать? Отдать соседу? Продать? Неудобно: подарок — признание трудовых заслуг, которые меннониты ставят очень высоко... Телевизор остается в доме. Проходит время, и его начинают включать — сначала ненадолго, чтобы посмотреть передачи «В мире животных» или «Клуб кинопутешествий». Потом, его «забывают» выключить и смотрят следующую передачу... Постепенно телевизор входит в жизнь семьи, помогает ее членам увидеть и узнать то, чего раньше они не знали и не хотели знать. Ну, а это, разумеется, способствует духовному росту людей (и детей и взрослых), которые живут в доме, повышает общий культурный уровень, и, тем самым, идет на пользу хозяйственным делам.

ЛЮДИ ДРУГ ДРУГУ ДОВЕРЯЮТ

Молочный комплекс колхоза имени Карла Маркса — гордость хозяйства. Тщательно отобранное, выпестованное стадо. Строго научный рацион кормов. Чистота, порядок, организация. Надои молока здесь — самые высокие по району, одни из лучших в области.

И. К. Мартенс,
начальник комплекса.

— Наши хозяйственные успехи в большой степени зависят от нравственного климата в коллективе: доверяют ли люди друг другу, болеют ли за общее дело, есть ли у нас место творчеству и инициативе? Без этого было бы очень трудно, скорее всего невозможно, наладить правильную организацию хозяйственной системы.

Приведу несколько примеров.

Звено доярок молочного комплекса обслуживает большую группу коров. Оплата выписывается на звено — значит, люди должны полностью доверять друг другу. Далее. Доярки у нас занимаются только дойкой. Уборка, кормление, ремонт оборудования — все это выполняют другие. И тут тоже необходима уверенность — тебя не подведут: и доильный аппарат не откажет, и коров напоят-накормят. Еще одно. Работаем мы в две смены: с 5 утра до часа дня, с часу до 9 вечера. Из дальних деревень привозим людей на автобусах; снег, буран — выводим бульдозеры, расчищаем дорогу. Каждый работник комплекса уверен: он вовремя начинает работу — точно, минута в минуту ему придет смена.

Следует заметить, что условия правильной жизнедеятельности хозяйственного организма создаются всеми работниками комплекса — без различия национальности и вероисповедания. Сам характер работы связывает верующих и неверующих узами доверия, сотрудничества, взаимовыручки.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ХОД ВЕЩЕЙ

Н. Ф. Петров,
секретарь парткома колхоза «Прогресс» Александровского района.

— Доход наших колхозников довольно высокий. Почти у всех крепкие, удобные дома. В личном пользовании 200 автомобилей, 600 мотоциклов. Каждому ясно: хорошо работаешь — будут у тебя и хлеб и дом, будет благополучие в твоем доме. Ну, а под старость тебя не оставят близкие и родной колхоз. Разумеется, не хлебом единым жив человек. Однако, с другой стороны, хорошо известно, что неспособность удовлетворить свои потребности порой заставляет человека в поисках разрешения вполне земных трудностей искать помощи у потусторонних сил. И наоборот, уверенность в естественном ходе вещей, уверенность в том, что труд и знания приносят благосостояние всем и каждому, не оставляет места для душевной робости и мистики... У этого дела есть и другая сторона. Высокий материальный уровень в значительной степени устраняет почву для женского одиночества, семейной неустроенности — всего того, что может питать повышенную религиозность, мистическую экзальтацию и т. п. У нас в колхозе нет проблемы женихов. Юноши, окончив школу и отслужив в армии, почти все возвращаются домой. То же относится к тем, кто окончил институт. А это значит, в частности, что девушкам есть за кого выходить замуж. Даже если наши девушки выходят за парней из других колхозов, молодые семьи предпочитают жить у нас.

«В ПОТЕ ЛИЦА ТВОЕГО»

Эту фразу из Библии меннонитские проповедники толкуют так: «Меннонит может быть только крестьянином; ни медалей, ни мундира, вообще каких бы то ни было знаков наружного отличия он не примет. Всякий промысел, ремесло, род торговли подчиняется этому основному понятию, они неразрывно связаны с земледелием как главнейшим призванием меннонита».

Именно поэтому в верующих семьях родители порой не хотят, чтобы дети кончали школу и поступали в институты и техникумы. Они считают, что получение среднего и высшего образования несет в себе опасность разлуки с семьей, разлуку с крестьянским трудом — единственно достойным занятием для человека.

Логика самой жизни противостоит такому взгляду на вещи. Немало делают и учителя тех школ, в которых учатся дети меннонитов. Они стараются не на словах, а на деле убедить родителей в том, что школа помогает их детям становиться умней и лучше. Педагоги приобщают родителей к делам школы, стараются сделать их участниками всех добрых школьных дел, терпеливо воспитывают у них уважение к школе, знаниям, образованию. И воспитательная работа школы, и все развитие нашей жизни неуклонно (пусть и не сразу) дают результаты. В некоторых из тех школ, где мне пришлось побывать, лет 10 тому назад всего около 30 процентов поступающих в первый класс оканчивали десятый. Сейчас аттестат зрелости не получают единицы — чаще всего по состоянию здоровья. Выпускники этих школ учатся в институтах и техникумах Оренбурга и других городов, среди них немало юношей и девушек из семей верующих.

Увеличение количества образованных людей в селе, конечно же, благоприятно сказывается на всех сторонах сельской жизни.

Молодой человек, обладающий знаниями и культурой, научившись правильно смотреть на вещи, сумеет выбрать достойную дорогу в жизни и защитить свой выбор, сумеет создать здоровый духовный и нравственный климат в своей семье.

НЕ ТОЛЬКО НА МОЛИТВЕ

В. К. Дик,
директор Подольского Дома культуры Красногвардейского района.

— В прошлом году наш Дом занял первое место на районном смотре художественной самодеятельности. Руководители кружков у нас довольно сильные. Особенно тщательно подбираем музыкальных педагогов — для хора, для духового оркестра и т. п. Для нас это имеет особое значение. Если в тех местах, где живут меннониты, школа и клуб слабо занимаются музыкальным развитием, это часто вызывает нарекания со стороны верующих. Видите, говорят они, атеисты равнодушны к давней и горячо любимой традиции наших отцов и дедов. Только в общине, только в молитвенном доме вы можете удовлетворить эту важную духовную потребность. То же самое, кстати, относится к изучению немецкого языка. Им серьезно занимаются в нашей школе, стихи и песни на немецком языке звучат с клубной сцены на вечерах и конкурсах самодеятельности. Нас не могут упрекнуть в том, что мы безразличны к языку наших предков (упреки такого рода кое-где атеистам приходится выслушивать). Родная речь у нас звучит не только на молитвенном собрании, не только в виде религиозных стихов и песен.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ КО ВСЕМУ ЖИВУЩЕМУ

В одной из комнат Подольского Дома культуры хранятся экспонаты будущего народного музея: раковина древнего моллюска, найденная в 1939 году на территории молокозавода, старинная прялка, швейная машина фирмы «Зингер»...

А. Г. Чибилев,
заведующий музеем.

— До выхода на пенсию работал я зоотехником. А когда появилось много свободного времени, задумался: чем занять душу? И еще подумал: как плохо, что не знаем мы своих бабушек и прабабушек. Как они жили, чему радовались и о чем горевали? Кое-какой вкус к собирательству у меня был — с детства коллекционировал марки и монеты. И стал я собирать все, что может рассказать об истории родного края. Потом в это дело включились мои друзья и соседи. Дальше — больше: сейчас у нас около полутора тысяч экспонатов, среди них много ценных.... И вот что важно — интерес к прошлому стал застав-

лять нас серьезно задумываться о будущем.

На стенах клуба висят большие листы белой бумаги, на которых наклеены фотографии, небольшие заметки — бюллетень «Родная природа». Он выходит ежемесячно в количестве 10 экземпляров, которые вывешиваются в клубе, школе, библиотеке, магазине... Рассказы об озеленении села, портреты энтузиастов охраны природы. К одному из номеров бюллетеня эпиграфом взяты слова Альберта Швейцера: «Этика — это безгранично расширенная ответственность по отношению ко всему живущему».

А. Г. Чибилев продолжает:

— Эти бюллетени выпускает Подольская секция Географического общества и первичная организация Общества охраны природы. Бюллетени — не единственная форма нашей работы. Мы проводим конкурсы на лучшее озеленение приусадебных участков, ежегодно устраиваем выставку «Человек и природа».

Александр Григорьевич достает из шкафа и с гордостью показывает грамоту — Подольская первичная организация Общества охраны природы заняла первое место в Оренбургской области.

— Я думаю, что эта наша деятельность имеет прямое отношение к атеистическому воспитанию. Всем видно, что мы думаем и заботимся не только о хлебе насущном, не об одном сегодняшнем дне.

В том же шкафу лежит еще одна грамота — ее Александр Григорьевич показывает с некоторым смущением: там написано, что А. Г. Чибилеву присвоено звание лауреата районного смотра самодеятельности за исполнение романса «Утро туманное» — многие нагрузки не мешают Александру Григорьевичу страстно любить музыку и серьезно ею заниматься.

НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ

Бывая в различных хозяйствах, я убеждался в том, что большинство руководителей — хозяйственных и партийных — учитывают особенности психологии верующего человека: его настороженность, его уязвимость. В разговорах с верующими — а их было немало — я ни разу не слышал о каких бы то ни было случаях экономического ущемления их прав. Портреты хороших работников — независимо от того, верующие они или неверующие, красуются на стендах передовиков, на первых полосах районных газет. Не делается различия и при выдаче премий и подарков к праздникам (как, впрочем, и в тех случаях, когда кого-то приходится наказать). В основном все делается так, как и должно быть по справедливости: заслужил поощрение — получи, провинился — отвечай. Стоит ли говорить, что это создает нормальный нравственный климат, который способствует и хозяйственно-экономическим успехам, и делу коммунистического (в частности, атеистического) воспитания.

Хотя неверно было бы сказать, что все здесь благополучно.

В коридоре Подольской школы висел стенд с репродукциями картин, раскрывающих роль религии и церкви в истории человеческого общества. Стенд как стенд. А вот назывался он так — «История человеческой глупости». Ясно, что слова эти верующий воспринимал как обиду, насмешку, оскорбление.

К чести директора школы В. Ф. Янцена, надо заметить, что он не стал защищать неудачу, выслушал мои соображения, помолчал и согласился:

— Переделаем.

ОЗДОРОВИЛО ОБСТАНОВКУ

Сравнительно недавно в Оренбургской области было зарегистрировано несколько меннонитских общин, которые до последнего времени от этого отказывались или по различным причинам не регистрировались местными органами.

Регистрация общин оказала положительное воздействие на самые различные стороны жизни. Об этом с удовлетворением говорили почти все, с кем мне приходилось встречаться.

С. И. Исковских,
первый секретарь Александровского РК КПСС.

— Незарегистрированная община — это уже само по себе нарушение нашего законодательства о религиозных культах. К тому же такое положение почти всегда влечет за собой различные обиды и нарекания. Регистрация поставила деятельность общины на законную основу, под охрану советских законов о религиозных культах, соблюдение которых как со стороны советских органов, так и со стороны верующих нормализует удовлетворение верующими своих религиозных потребностей.

А. Ф. Крекер,
председатель колхоза имени Карла Маркса Красногвардейского района.

— У нас в колхозе во время сева сложилась очень трудная ситуация: сроки подпирают, а рук не хватает. Тут как раз подходит Ленинский субботник, и я решаюсь обратиться к пресвитеру зарегистрированной общины: так, мол, и так, знаю, что меннониты по субботам не работают, но положение тяжелое, помогите колхозу. Что вы думаете? Все вышли на сев, как один человек! А случись нечто подобное раньше, до регистрации, думаю, что не послушались бы меня, стали бы вспоминать свои прежние обиды...

Д. Д. Лепп,
председатель Ждановского сельского Совета Александровского района.

— Недавно пришлось мне встретиться с активистом общины, которая пока регистрироваться не хочет. Завел с ним разговор — мол, надо бы и вам поступить по примеру соседей — зарегистрироваться. Будете действовать на законных основаниях, не таясь, спокойно удовлетворять свои религиозные потребности. А он мне в сердцах: не пойдем мы на это! Регистрация ваша придумана для того, чтобы помешать нашей вере. Я, конечно, возмутился, стал его стыдить за такие слова, стал его разубеждать. А только в глубине души порадовался — раньше, несколько лет назад, этот человек никогда со мной откровенно не разговаривал о своих сомнениях. А сейчас открылся. Значит, появилось доверие.

Н. С. Сыроватко,
первый секретарь Красногвардейского РК КПСС.

— Я считаю, что регистрация религиозных общин оздоровила обстановку в районе. Регистрация — в интересах и государства, и религиозного объединения; государство берет такое объединение под защиту закона, а верующие в свою очередь действуют на законном основании и обязуются соблюдать законодательство о религиозных культах.

СОВЕТ ДА ЛЮБОВЬ

В конце моего пути по Оренбургской области я побывал на свадьбе.

На сцене Дома культуры в селе Ждановка перед полным залом под словами, написанными по-немецки, «Любовь без конца» секретарь сельского Совета Я. Б. Завадский очень серьезно и душевно спросил Ольгу и Петра — согласны ли они и по доброй ли воле решили стать мужем и женой? Зал внимательно выслушал, как молодые сказали «Согласна» и «Согласен», и громко и радостно захлопал.

И в этом зале, и позже, когда все уселись за большой праздничный стол, всем было хорошо и весело. Гости дарили подарки, поздравляли молодых, пели песни — и русские и немецкие. Те, кто говорил тосты, старались сказать что-то важное, что может помочь счастью двух любящих друг друга людей.

— Жалейте друг друга, уступайте друг другу в мелочах!

— Старайтесь быть веселы и счастливы, и тогда будут счастливы ваши дети!

— Без взаимного уважения, без взаимного понимания не будет лада в семье!

— Любите и уважайте ваших родителей. Помните: как вы относитесь к своим родителям, так и к вам будут относиться ваши дети.

Молодых поздравляли стихами — не очень складными, зато написанными от чистого сердца:

Ищите счастья не за горами и лесами,
А куйте сами!
И счастье вас найдет!

Председатель колхоза Н. Г. Вибе сказал так:

— Я рад, что молодая семья будет работать в нашем колхозе. Чем больше молодежи, тем сильнее и здоровее хозяйство.

Свадьба удалась.

Для меня она имела еще и дополнительный смысл. Среди гостей я встретил несколько человек, которых видел накануне в молитвенном доме. Вместе с другими гостями они поздравляли молодых и пели песни. Мне показалось добрым признаком, что верующие чувствуют себя свободно и весело на свадьбе, организованной, как принято говорить, по советскому обряду. Видимо, они почувствовали атмосферу, которая царила вокруг них, — атмосферу доброты и участия, искренней заинтересованности в благополучии и счастье новой семьи, будущих детей, которым жить на этой вот земле.

ЧЕЛОВЕК В ПУСТЫНЕ

Наши специальные корреспонденты В. Зыбковец и Ю. Флутков встретились с основателем и первым директором единственного в стране Института пустынь, членом-корреспондентом АН СССР, президентом АН Туркменской ССР Агаджаном Гельдыевичем БАБАЕВЫМ и попросили его рассказать об основных и наиболее интересных проблемах, связанных с изучением пустынь учеными Академии наук Туркмении. Вот что он рассказал.

А. Г. Бабаев среди делегатов XIV Генеральной ассамблеи Международного союза охраны природы и природных ресурсов — МСОП (Ашхабад, 1978 г.).
Фото С. Корытникова.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЛЕГЕНДЫ, как известно, издавна твердили людям: мир был создан богом всего за шесть дней. В Коране, например, говорится, что всесильный создатель за этот короткий срок успел выполнить массу трудоемких работ: «...Сотворил небеса и землю и то, что между ними, в шесть дней, потом утвердился на троне» (сура 32, аят 3), затем «...начал творение человека из глины, потом сделал потомство его из капли жалкой воды» (там же, аяты 6 и 7).

Лишь после того как Аллах выгнал первых людей из рая и пообещал им много неприятностей, Земля была предоставлена в полное распоряжение человека и начался процесс его активного воздействия на природу.

Если бы все было так просто, как говорится в священных книгах, нам — ученым — исследовать мир было бы значительно легче. На самом деле все обстоит неизмеримо сложнее. Наша планета существует примерно 4,5 миллиарда лет, а 3,5 миллиарда лет назад началась ее геологическая жизнь. И очевидно, в тот же период появились начала жизни органической. Как видим, понадобились миллиарды лет все более усложняющегося развития, чтобы на Земле наконец появился человек.

Неоглядные временные дали! Они несопоставимы с протяженностью человеческой цивилизации, микроскопически малой на этом гигантском фоне. Умозрительно их трудно даже представить себе. Разве что прибегнув к аналогии, как это сделал профессор Нью-Йоркского университета Питер Вейль, автор недавно изданной у нас «Популярной океанографии». Если мы будем считать время с кембрийского периода до наших дней за один год, пишет он, то период промышленной деятельности человека составит в нем только... 5 секунд. И тем не менее за этот кратчайший по меркам возраста Земли срок человек достиг такого технического могущества, что его воздействия на биосферу Земли сравнимы теперь с глобальными геологическими и космическими факторами.

Процесс этот начался не сегодня. Во все более крупных масштабах возделывая поля и разводя домашних животных, человек уже довольно давно стал неизбежно нарушать природное экологическое равновесие: вырубались леса, смывался и выветривался почвенный покров, загрязнялись реки и внутренние водоемы, ускорялись естественные процессы эрозии и смены растительных сообществ, исчезали с лица земли отдельные виды животных. В естественных условиях на это порой уходили сотни тысяч, а то и миллионы лет, каждая большая и малая деталь в природном механизме, каждое сообщество «притирались» одно к другому исподволь таким образом, что все нецелесообразное, ненужное устранялось и оставалось только то, что имело свое прочное и обоснованное место в данной экологической цепи.

Трудовая деятельность человека резко ускоряла эту постепенность, нарушала основные миллионнолетние принципы взаимодействия между частями, составляющими природный организм, — нарушала до такой степени, что, по мнению ряда ученых, человек со временем почти полностью оторвался от живой природы, стал уже не частью ее, а «властелином» — властелином не всегда рачительным и разумным.

Итоги? Они хрестоматийны и печально известны. Еще три с лишним тысячи лет назад под натиском человека и его стад превратились в величайшую пустыню Земли бескрайние саванного типа ландшафты Северной Африки, до того богатые водой, растительностью и разнообразным животным миром. Делом рук человека, уже в нашей эре, было разрушение природных ландшафтов территорий Передней и Малой Азии, Северной Индии. Об этом говорил К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу: «...Культура, — если она развивается стихийно, а не **направляется сознательно...** — оставляет после себя пустыню» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 45).

Истощение плодородия, а порой и полное разрушение почвенного покрова Земли — один из самых грозных признаков, витающих над человечеством в последнее время. За последние сто лет эрозия и дефляция вывели из строя во всем мире около двух миллиардов гектаров земель — и это при том условии, что, по данным ООН, к началу 1968 года из 15 миллиардов гектаров суши под пашни, сады и плантации было занято лишь... 1,4 миллиарда гектаров!

Опустынивание — вот что следует вплотную за деградацией земель и является прямым ее следствием. Наступление пустынь во всем мире в настоящее время приняло угрожающие размеры. Так, Сахара наступает на

юг со скоростью от 10 до 50 километров в год и еще в этом столетии способна, по расчетам специалистов ООН, поглотить пространства, равные по территории нескольким странам, лежащим между экватором и нею. Сейчас на Земле около 30 процентов суши занято пустынями, примерно 630 миллионов человек живут на пустынных и опустыниваемых землях, а около 180 миллионов человек, хотя и не живут в пустынях, постоянно ощущают их влияние. И многие из этих людей воспринимают это как наказание божье за грехи.

Однако пустыня пустыне рознь. Следует различать пустыню, сотворенную неразумным хозяйствованием человека, и пустыню — природный ландшафт, это неповторимое сочетание почвенных, климатических, растительных и животных форм, которые издревле служат ареной жизни и хозяйственной деятельности народов среднеазиатских республик.

Нередко мне приходится читать в газетных и журнальных публикациях или слышать лозунг: «Превратим пустыню в цветущий сад!» И каждый раз мне в ответ хочется воскликнуть: «Не надо! Остановитесь!» Почему? Давайте в него вдумаемся. Ни у кого ведь не возникает сегодня мысль распахать тайгу, изменить лицо тундры или превратить в горы равнину. Почему же некоторые люди хотят полностью ликвидировать пустыню? Ведь она — правомерная ландшафтно-географическая зона, которая играет довольно значительную роль в регулировании и создании столь привычного всем нам климата планеты. Часто можно прочесть и такое: «Нас окружала безжизненная пустыня». А в действительности это своеобразная экологическая ниша, где есть жизнь, обитают типичные для нее животные и растения. Я вообще не согласен с самим термином «пустыня» — пустота, он не отражает реального положения вещей.

Пустыни у нас в стране занимают более 10 процентов площади и расположены в основном в пределах равнин Туркменистана, Узбекистана и Южного Казахстана. Если же прибавить сюда полупустыни, то названную величину придется увеличить в полтора раза — до 300 миллионов гектаров. Эти пространства простираются с севера на юг на 1200 километров, а с запада на восток — на 2500 километров. Природно-климатические условия на такой большой площади не везде одинаковы. Это зоны сухого климата (мы называем их аридными зонами) с нелегкими природными условиями: здесь очень жарко, мало воды, легко выдуваемый почвенный покров. Однако живущие тут люди сегодня неплохо приспособились к таким особенностям. Здесь находятся орошаемые земли, имеются очаги окультуренных и типично местных растений, обитают определенные животные.

Не буду давать подробную физико-географическую характеристику пустынь — это достаточно широко известные факты, напомню только, что в этих районах производится весь хлопок и кенаф страны, 100 процентов хлопкового масла, две трети шелка-сырца, около четверти растительного масла, весь каракуль, почти треть баранины, 16 процентов шерсти. Не богатая, но очень активная биологическая жизнь в пустынях подчинена своим законам, процессы ее очень динамичны. Тут есть полезные ископаемые, добывается существенная часть природного газа, каменного угля, сульфата натрия.

Туркменская Академия наук уделяет изучению пустынь большое внимание. Ей всего чуть больше четверти века, но достижения ее ученых в этой области широко известны не только у нас в стране, но и за ее пределами. Мы ведем широкие научные исследования в самых разных отраслях знания, занимаемся многими современными научными направлениями, и все же главная наша забота — аридная зона, огромный круг проблем, связанный с изучением, освоением и охраной пустынь, предотвращением опустынивания уже освоенных территорий, защитой оазисов, а также использованием всех ресурсов этой зоны.

Я уже приводил некоторые цифры, показывающие, что дает эта зона, но мне хочется подчеркнуть: в данном контексте слово «дает» имеет несколько другой смысл. То, что «дает» пустыня, это на самом деле то, что берет у нее человек. А он, по существу, только еще собирает с ее поверхности, почти не нагибаясь за добычей. Думаю, этот образ, которым я хочу подчеркнуть, сколько есть у пустыни еще не тронутых богатств, не использованных ресурсов, будет достаточно доходчив для читателя. Ведь использование природных ресурсов пустынь из века в век осуществлялось необычайно медленными темпами и примитивными методами.

Такое положение объясняется несколькими причинами: существовавшими в прежние времена низким развитием производительных сил, социальным неравенством и гнетом религии. Часто, говоря о различных факторах, мешающих развитию народов, мы забываем о религии, которая всегда была тормозом прогресса, сковывала, по сути, творческую инициативу человека. Территории современных среднеазиатских республик, как известно, населяют народы, которые много веков традиционно исповедовали ислам. Как и другие религии, он проповедует покорность богу, что отразилось даже в названии его последователей — мусульман: «муслим» — «покорный». И веками люди в пустынях не стремились бороться активно с судьбой: если пески наступали на их оазисы, они снимались и уходили искать новые «благополучные» земли.

Даже сравнительно недавно — всего каких-нибудь 50—60 лет назад — пустыни использовались в основном только как естественная кормовая база для скотоводства. Этому типу хозяйства свойствен кочевой образ жизни с сезонными перегонами скота в поисках лучших пастбищ. Такое хозяйство велось истощающими — экстенсивными способами в расчете на лучшие (водные) годы. Ресурсы пастбищ использовались полностью, и им ничего не давалось взамен. В засушливые годы и суровые зимы такой метод приводил к бескормице, к массовому падежу животных и гибели людей. Кроме того, осваивались в основном те места, где имелись колодцы, была пресная вода. Здесь пастбища особенно сильно вытаптывались животными, пески становились подвижными, засыпали и колодцы, и сами пастбища, и редкие поселения земледельцев. «На то воля Аллаха! — твердили мусульманские священнослужители. — Нет у вас, помимо него, защитника и заступника...»

Однако заступник нашелся. Великий Октябрь открыл новую страницу в изучении и освоении аридной зоны. Сегодня у нас давно уже осуществлен переход от кочевого скотоводства к оседлому, а пастбища закреплены за определенным количеством скота. Ученые разработали научные основы коренного улучшения пустынных пастбищ и наилучшие режимы сроков использования пастбищных угодий. Если же случается, что какое-нибудь пастбище от чрезмерной нагрузки становится менее продуктивным, то его перестают использовать в течение 2—3 лет и оно восстанавливается.

Рациональное использование пастбищ стало возможным еще и потому, что в нашу пустыню пришла большая вода — Каракумский канал. Должен сказать, что неправильным представляется мнение — мол, среднеазиатские пустыни совершенно безводны. На самом деле воды здесь немало, но она очень засолена и ее нельзя использовать ни для питья, ни для орошения.

Однако при этом энергии имеется достаточно: ведь пустыни расположены в

такой географической зоне, где почти все время светит солнце. Светит и очень сильно греет, давая более 700 калорий на квадратный метр площади. Физики и теплотехники нашей академии исследуют возможности эффективного использования этой энергии и уже разработали весьма интересный проект. Суть его в следующем...

Как происходит водоснабжение отдаленных от канала и колодцев с пресной водой пастбищ? Или с помощью водоводов, что довольно дорого и приводит к большим потерям воды, или с помощью накопленной с зимы и весны влаги.

Опять-таки, древний народный метод накопления и «магазинирования» влаги в пустыне усовершенствован туркменскими учеными. При этом используются такыры — участки пустыни с очень плотными глинистыми почвами и практически нулевой фильтрационной способностью. Прежде влага собиралась в своеобразных крытых и открытых бассейнах — сардобах и каках. Теперь на таких такырах бурят скважины до подземных соленых вод. Сюда стекает влага, собранная на поверхности, а так как она легче соленой воды, то занимает верхние горизонты подземных бассейнов. Потом, летом ее откачивают — орошают земли, поят скот. Но такой воды все же не хватает.

А если с помощью солнечной энергетической установки качать из-под земли соленую воду и солнечными испарителями опреснять ее, то проблема водоснабжения пастбищ в пустыне будет практически решена. Больше того, осуществление этого проекта решает и огромной важности социальную задачу. Солнце будет обогревать или охлаждать жилище животновода, освещать его, поможет создать в пустыне теплицы и оранжереи, где будут выращиваться фрукты и овощи. Таким образом, люди, занимающиеся здесь скотоводством, получат все блага цивилизации. Это ли не благородная задача, которую поставили перед собой и уже решают наши ученые-прикладники. При этом, конечно, и экономическая эффективность такого проекта не сбрасывается со счетов. Его рентабельность не вызывает сомнений.

Решению подобного рода проблем помогают и фундаментальные исследования по физике, математике, биологии, химии, которые ведутся, как я уже говорил, в системе АН Туркменской ССР. Я сегодня в беседе с вами делаю упор на прикладные науки именно потому, что они более наглядно показывают людям преобразующую силу познания материального мира, влияния науки сегодня на всю нашу жизнь. Кстати, в этой преобразующей деятельности содержится и огромный атеистический смысл — человек своими собственными силами и разумом без помощи сверхъестественных сил подчиняет себе слепые силы природы, веками казавшиеся таинственными, страшными, использует их для своих нужд.

В нашей народной топонимике до сих пор сохранились названия мест в пустыне, которые показывают прежнее бессилие человека перед ее стихией. В переводе они звучат так: «Пески, где собираются черти», «Пойдешь — не вернешься» и т. п. С этими местами связаны и различные суеверия, и вера в «нечистую силу». А ведь даже современное состояние науки и техники в принципе снимает такие опасения и может обеспечить нормальную жизнь людей в самых трудных местах пустыни.

К этому следует добавить, то немногое, что я рассказал об освоении пустынь, далеко не охватывает во всей полноте проблему изучения и освоения аридной зоны. За кадром остались, например, орошаемое земледелие, дающее овощи, фрукты, зерно и «белое золото» — хлопок; промышленное освоение и изучение природных богатств пустыни — нефти, газа, руд металлов и нерудных месторождений; строительство современных поселков и городов, где зеленых насаждений не меньше, чем в любом другом городе нашей страны и где каждый человек употребляет воды примерно столько же, сколько житель европейской части страны. Не рассказал я и о тех огромных социальных изменениях, которые произошли за последние десятилетия в связи с широким, комплексным, поставленным на прочную научную основу освоением пустынных территорий Казахстана и республик Средней Азии.

В одной беседе всего не расскажешь, но мне тут все же хочется остановиться еще на одной важной современной проблеме, недавно возникшей перед учеными. Дело в том, что пустыня, как я уже отмечал, не мертва. В ней постоянно происходят процессы, которые необычайно чутко отзываются даже на незначительные вмешательства человека в экологию аридной зоны. Причем такая отзывчивость в пустыне происходит особенно активно. Поэтому любое хозяйственное мероприятие здесь следует вести чрезвычайно осторожно, чтобы не нарушить природного равновесия.

Хочу еще раз подчеркнуть: хотя сейчас на нашей планете и появились так называемые «рукотворные» пустыни — результат хищнической, безжалостной, безудержной эксплуатации природных ресурсов, само по себе существование пустынь как географической зоны не связано с деятельностью человека — это самостоятельная природная среда, как тайга, тундра или степь, связанная с циркуляцией глобальной атмосферы. Хотим мы того или не хотим, пустыни были, есть и будут — как результат эволюции нашей планеты, и человек должен учитывать это.

Вот, к примеру, одна из важных проблем, о которой я уже упоминал. Наука о пустынях — возникшая, кстати сказать, у нас в стране в 30-е годы, — ведет поиск и разработку методов не только рационального использования пустынных территорий, но и их охраны от нежелательного воздействия как самой природы, так и человеческой деятельности. Ведь не секрет, что опустынивание, то есть медленный переход плодородных земель в разряд пустынь, является одной из важнейших проблем в масштабах всей планеты. Суть этого процесса заключается в том, что в результате нерационального использования пахотных земель и культурных пастбищ в этом ареале происходит активная деградация почвенного покрова. Даже неразумное использование воды (больше, чем нужно), без которой, казалось бы, страдает пустыня, «портит» ее, так как нарушает равновесие системы, вызывает к действию новые процессы, меняющие стабильное состояние песков, ухудшает их плодородие, делает непригодными.

Кроме того, при строительных работах в пустыне (дороги, каналы, трубопроводы) мы нарушаем очень непрочную поверхность почвы, ее растительный покров, который скрепляет пески. Без этого покрова они под воздействием слабого ветра начинают двигаться и могут засыпать культурные оазисы.

Вот почему ученые Института пустынь в содружестве со специалистами других исследовательских учреждений нашей академии не только изучают подобные процессы, но и дают подробные рекомендации, как избежать нежелательных последствий, как сохранить неподвижность песков.

Вообще без ложной скромности можно сказать, что успехи в исследовании нашим Институтом пустынь пользуются всемирной известностью. К нам на опытные станции (Репетекская песчано-пустынная станция и Небит-Дагская агролесомелиоративная опытная станция) приезжают с каждым годом все больше стажеров из разных стран мира. А с 1978 года на базе Института пустынь созданы и функционируют постоянно действующие Международные научные курсы по повышению квалификации специалистов стран Азии, Африки и Латинской Америки.

За рубежом, однако, нередко разда-

ются голоса, пытающиеся доказать, что пустыню можно сохранить только при условии, если совсем отказаться от ее освоения, провозглашающие возврат к прошлому, к некогда будто бы существовавшему «золотому» веку человечества, когда оно жило с природой в тесной, ничем не нарушаемой гармонии,— к кочевому скотоводству. Кочевой образ жизни будто бы не дает пустыне «проснуться». По этой, с позволения сказать, теории, предлагается оставить всех жителей полупустынных и пустынных районов Земли вне технического и социального прогресса и превратить их в своего рода «избранные нации», а если точнее сказать, в неких изгоев цивилизации. Это тактика колонизаторов, рядящихся в одежды охранителей природной среды. Мы выступали и будем выступать против подобной «науки». Наши исследования и их практическое приложение — серьезное подтверждение правоты советской материалистической науки, советского образа жизни, советской идеологии и морали, во главу угла которых положен один принцип — забота о человеке. Несколько примеров.

Известно, что для получения высоких стабильных урожаев в пустыне необходимо большое количество воды. Но избыточное, неразумное ее расходование приводит к самым разнообразным негативным явлениям: подъему грунтовых вод, засолению почв, заболачиванию и в конечном итоге — к безвозвратной потере плодородных прежде земель. Поэтому считалось, что в песках сельским хозяйством лучше не заниматься.

Научным сотрудникам Института пустынь удалось доказать ошибочность этих точек зрения. Если в определенное время суток давать на поля воду в точно подсчитанном количестве, то, оказывается, ее требуется в два раза меньше и подъем подпочвенных вод не происходит, а урожаи обильны и постоянны. Определение оптимального водного режима для каждого растения — очень трудоемкая и длительная работа, но, как говорится, овчина стоит выделки: на орошенных таким образом сельскохозяйственных угодьях пустынь получают сейчас отличные урожаи, вопреки застарелым представлениям.

Я уже говорил, что пустыня — очень неустойчивая экологическая система и даже незначительное нарушение ее равновесия приводит к появлению подвижных барханных песков. А ведь у нас в республике скорость ветра иногда достигает 40 метров в секунду— песчаная пыльная буря! Это нужно видеть, представить невозможно. Идет стена песка, барханы на глазах быстро перемещаются, засыпая колодцы, арыки, каналы, животных, селения.

С давних времен человек пытался остановить барханные пески: строил дувалы — заборы. Но песок накапливался около них, переваливал через эти небольшие ограждения, переползал и через стены домов. И люди уходили от песков — судьба! С ней не повоюешь!

Современный способ борьбы с этим бедствием появился в результате долгих исследований и экспериментов. Спасение от движущихся песков — в посадках растений и леса. Но чтобы сажать их, необходимо вначале остановить пески. На помощь пришла современная химия. Мы стали использовать некоторые отходы химического производства, не обладающие токсичными воздействиями на окружающую среду. Ими опрыскивается поверхность барханов, и песок останавливается. Следующий этап его закрепления — выращивание некоторых видов культурных злаков — сорго, например, обладающего мощной и разветвленной корневой системой. Корни и сами растения задерживают пески и одновременно начинают создавать почвенный слой. Наконец, последний этап — на песках начинают выращивать полезное растение.

Работы последних лет привели к тому, что сейчас у нас в республике нет зоны приоазисных барханных песков. И хотя подальше можно еще встретить участки потенциально подвижных песков, но их становится все меньше.

Количество пригодных к освоению земель у нас в республике велико — более 12 миллионов гектаров. Но вся беда в том, что большая часть этих земель расположена в зонах, лишенных источников орошения. В то же время жизнь требует всемерного увеличения площадей, занятых под хлопчатником. Необходимость — мать всякого рода открытий и достижений. А что, если площади, занятые кормовыми культурами, отдать под хлопчатник, а менее ценные культуры попытаться выращивать в той же пустыне, используя для полива подземные пресные или опресненные воды? Так встал вопрос о сельскохозяйственном использовании эоловых песков Каракумов. Их орошение и внесение необходимого количества минеральных удобрений может дать тут хорошие и стабильные урожаи. Этим вопросом занимаются сейчас ученые.

Следует также сказать еще об одном важном аспекте изучения пустыни. Я имею в виду ее как среду обитания людей. Каковы же взаимоотношения человека и пустыни? Этой проблемой занимаются у нас в академии ученые Института физиологии и экспериментальной патологии аридной зоны.

Эта среда весьма трудна для жизни людей. Если человек впервые попадает под действие ее высокой температуры, то он порой совсем не может выполнять даже легкую физическую или умственную работу. Поэтому вопросы адаптации (привыкания) организма к таким условиям — серьезная проблема, интересующая науку как в теоретическом, так и в прикладном плане.

Каждый человек обладает набором только ему присущих физиологических и психологических свойств и качеств. Некоторые из них помогают его организму приспосабливаться к условиям окружающей среды, другие, наоборот, мешают. Вот ученые и должны выяснить, как помочь людям безболезненно избежать нежелательных последствий адаптации к жаре.

За последние годы в Институте физиологии и экспериментальной патологии аридной зоны разработан метод ускоренной адаптации, который можно применять не только в пустынях, но и в других климатических зонах страны. Он заключается в том, что человек в течение 13 дней по часу тренируется в специальной камере, где поддерживается температура около 50 градусов. После такой подготовки жара ему уже не страшна. Эта работа ученых, пожалуй, интересна еще и другим: выяснилось, что адаптация к какому-нибудь одному фактору среды может быть одновременно приспособлением и к некоторым другим факторам. Например, адаптация к высокогорью по многим физиологическим данным похожа на адаптацию к жаре. Кроме того, физиологи разработали методику тестов, позволяющих производить профессиональный отбор тех, чей организм лучше может адаптироваться к жаре. Нашли они также научно обоснованные режимы труда и отдыха, водный и пищевой режимы для жизни и работы в пустыне.

Разработке этих проблем помогло изучение физиологии животных аридной зоны. Ведь большинство из них прекрасно чувствуют себя в пустыне.

Еще один пример: в среднеазиатских пустынях растет около 50 реликтовых и более 200 эндемических растений. Познать законы их развития и существования — большая проблема. Вообще, изучая и раскрывая законы аридной зоны, мы можем смягчать или усиливать их проявление и из рабов «слепой необходимости» становимся «господами природы» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 198). Как видим, и в пустынях сегодня речь уже идет о разумном природопользовании, их сохранении и целесообразном преобразовании, даже об управлении в них природными процессами и прогнозировании их хода и последствий.

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

Расскажите о так называемой скотоводческой магии, о тех предохранительных и защитных мерах, с которыми люди издавна связывали благополучие своего хозяйства, сохранность домашних животных.

Из письма **Н. Кузовковой.**
Белгород

ЧТО ПОМОГАЕТ: МАГИЯ ИЛИ ОПЫТ?

Л. МИНЬКО,
кандидат исторических наук

С давних пор, когда складывались взаимоотношения между людьми и одомашненными животными, эта область бытия человека в силу ее жизненной значимости оказалась тесно связанной с суеверными, мистическими представлениями. Так развитие животноводства привело к появлению скотоводческой магии, назначение которой люди сводили к сохранению поголовья скота, получению хорошего приплода, к защите его.

Скотоводческая магия имела широкое распространение в быту белорусских крестьян. В случае болезни скота они шли к колдуну, знахарю. Пытаясь изгнать нечистую силу, знахари осматривали все углы и, найдя что-то подозрительное, «ополчались» против нечистой силы. Характерен в этом отношении рассказ, записанный белорусским этнографом А. Сержпутовским.

У одного крестьянина случилось несчастье: пала корова, затем волки задрали лошадь, пропала овца, коршун унес курицу и т. д. Пошел крестьянин к колдуну. Тот осмотрел все углы, наконец влез на ворота и вынес приговор: «О, я говорил, что тут «уздзеяино». При этом он указал на кровь на воротах. «Может, это кот задрал мышь», — возразил крестьянин. Колдун же и слушать не стал. Поскреб ворота ножом, нарвал какой-то травы, бросил в чугун, налил воду, стал все это варить, шептать и кричать в дымоходную трубу, а затем заявил, что все «адроблено». После этого, как говорится в рассказе, у крестьянина только вол подвернул голову и пал да подох кормный кабан, а больше, благодарение богу, ничего не случилось...

Ряд магических действий связан был с первым выгоном скота в поле на Юрия весеннего. О языческом происхождении этого праздника свидетельствуют многие обряды, совершавшиеся в этот день. Некоторые из них дожили до недавнего времени. Так, когда первый раз выгоняли скот в поле, то в воротах клали железо и ниты от ткацкого станка. Следовало сказать текст заклинания: «Как гадюка нита не разберет, так от коровки молока не отберет. Как железо гадюка не угрызет, так чтобы ведьма мою коровку не угрызнула».

Христианское и языческое начала тесно сливались в этих обычаях. Люди крестились, молились и хлестали скот освященной вербой. В воротах клали замок и яйцо. Замок — от волка: «Пусть так замкнется его пасть на все лето». Яйцо — для того, чтобы коровы были круглые и полные.

Оригинальный обряд скотоводческой магии зафиксировал до революции в Могилевской губернии белорусский этнограф Е. Р. Романов. Чтобы уберечь корову от происков ведьмы, животному надпиливали рог и наливали в него... освященную в церкви ртуть. Если же корова отставала от стада, не возвращалась домой, над дверью сарая вбивали нож или замыкали замок, чтобы хищные звери ее не тронули. Замок клали в воротах и в том случае, когда первый раз выгоняли лошадей в ночное. Таким образом, животноводческая магия отразила воззрения людей, их надежды на то, что с помощью определенных действий или предметов можно защитить животных.

Характерно, что больше всего поверий связано с плодовитостью, молочностью коров. И до сих пор некоторые суеверия, связанные с такими стародавними магическими действиями, остались в быту. Считается, например, что не следует ничего одалживать из дома в день отела коровы, нельзя показывать надой молока чужим людям. Кое-где еще могут сделать корове навязок на шею или обнести скотину солью от «уроков», то есть от сглаза.

Таким же комплексом магических действий окружалась издавна продажа и покупка скота — тоже событие первостепенной важности для крестьянина. Здесь существовали свои «предохранительные» меры. Чтобы скот в хозяйстве не переводился, следовало, продавая корову, выстричь у нее шерсть между рогов и заткнуть ее в стену сарая. Перед продажей корову не доили — как бы она не «потянула» с собой другую, из «родни». Хозяйка проданного животного обтирала корову подолом сорочки и плевала на него, избавляя этим от сглаза, порчи.

Купленное животное на новом месте обливали водой, очищая его от всякой скверны, и сразу же кормили его. Отношение к воде как к всеочищающему началу восходит еще к первобытному прошлому человечества, а кормление в этот момент тоже было ритуальным, направленным на приручение животного.

Во время языческих праздников — в день летнего солнцестояния, в период коляд, существовал свой магический церемониал, обращенный против действий нечистой силы. Например, пространство вокруг сарая обсыпали маком и крапивой — жигучкой, в дверь втыкали острые предметы — ножи, серпы, приставляли к двери борону. Все это должно было преградить ведьме доступ к скоту.

Если же магические действия не оказывали должного эффекта, молоко у коровы пропадало, можно было попытаться заставить ведьму вернуть его. Тогда цедилку хозяйки, положив в горшок, заливали освященной водой, ставили в печь, помешивая святою вербой. Ведьма будто бы испытает сильную боль и вернет молоко корове.

Сложным, причудливым образом переплелись в обрядовых действиях мистические и рациональные начала. Надеясь на охранительную силу заговоров, молитв, на помощь сверхъестественной силы, человек в то же время обобщал земную, реальную практику, передавая ее другим поколениям. Чтобы молоко было вкуснее, жирнее, кувшин выпаривали свежими ольховыми ветками и травами. Бросали туда и раскаленный камень. В подойник бросали немного соли. Естественно, слова наговора при этом не играли никакой роли, но дезинфицировалась посуда, где хранилось молоко. От крупицы соли оно тоже дольше не прокисало.

Даже мертвая сорока в сарае, где держали лошадей, могла сослужить полезную службу, отпугивая своим присутствием ласку. В народе издавна этих зверьков принимали за «лихого», который ночью пробирается в конюшню, ездит на лошадях, спутывает им гривы. Бывало, что вместо сороки в конюшне оставляли на ночь козла и тот своим характерным запахом отпугивал ласку. Действия эти не таили в себе ничего магического, основывались на трудовом опыте людей, на их наблюдательности.

Опыт многих поколений подсказывал крестьянину, что помогают прежде всего не магические приемы, а упорный труд.

г. Минск

ПОЗИЦИЯ, ТРЕБУЮЩАЯ МУЖЕСТВА

В ответ на выступления в журнале писателя Г. Медынского («Воспоминания» — № 6, 7, 8 за 1978 г. и «Спор о вере» — № 9 за 1979 г.) получено много откликов наших читателей. Ответ Г. Медынского на одно из таких писем мы публикуем в этом номере.

Есть в современной технике приспособление для определения морских глубин — эхолот: корабль посылает в глубину моря звуковую волну, которая, отражаясь от поверхности дна, возвращается через какое-то время обратно, и по продолжительности этого времени определяется глубина моря под килем. Нечто подобное представляет собою переписка писателя с читателем: она тоже определяет и глубину проблем, волнующих того и другого, и показатель их взаимного доверия, и силу воздействия печатного слова, и остроту реакции читателя. Именно таким «эхолотом» оказалось для меня письмо, о котором пойдет речь.

Вот что написал мне мой корреспондент — его имени я не хочу называть:

«Вас я ощущаю не посторонним себе человеком, поскольку нас обоих волнуют одни и те же проблемы. Вы родились и выросли в семье священника и стали атеистом. Поскольку вы ведете активную атеистическую пропаганду и делаете это с большой искренностью,— а в ней я, в отличие от многих ваших верующих корреспондентов ни на йоту не сомневаюсь, — ваше материалистическое мировоззрение вас удовлетворяет. А я родился и вырос в семье убежденных атеистов, меня с детства воспитывали в материалистическом духе, прививали мне это мировоззрение в школе и в институте и в результате, общими усилиями, достигли своей цели — сделали из меня атеиста, будучи искренне уверены в своей правоте и в том, что оказывают мне великое благодеяние. Но ни у кого даже не возникло сомнения: а хочет ли сам человек быть атеистом, позволяют ли ему его душевные силы нести такую тяжесть, не сведет ли его в конце концов с ума беспросветный пессимизм этого несомненно единственно правильного мировоззрения, пессимизм тем более страшный, что он довольно успешно рядится в костюм оптимизма...»

Я представляю себе, что кое-кто из тех атеистов, которые мыслят привычными и облегченными категориями, удивятся, а может быть, даже возмутятся: стоит ли отвечать публично на такое вот непродуманное письмо? Кому это нужно? Зачем?

Отвечу! Во имя — говоря стародавним языком — спасения души, заблудшей, запутавшейся души. Мне могут возразить: да мало ли на свете чудаков? Пускай он остается таким, как есть, со всеми своими «смутными» вопросами и проблемами. С такой позицией я никак согласиться не могу. Не могу махнуть рукой на человека. К тому же я надеюсь, что разговор с этим читателем может представить интерес и для других.

Человек, о котором идет речь, далек от религиозной среды. Стоит, например, посмотреть, как он судит о христианстве, которое, по его словам, «уже при зарождении несло в себе все необходимое для последующего упадка и разложения: философски — отсутствие стройной монистической системы, фидеистически — откровенное идолопоклонничество, нравственно — ни с чем не сравнимую антиморальность, прощение любого греха, включая богохульство, любого поступка в отношении твоего ближнего».

Легко заметить, что письмо моего корреспондента затрагивает многие проблемы. Я бы сейчас хотел сосредоточить внимание на одной из них, той, которая представляется мне очень важной. Автор письма, судя по всему, хоть и не верит в бога, тяготится своим атеизмом и тоскует по вере:

«Ничего хорошего, кроме плохого, мой атеизм мне не дал и не дает — мы с ним душевно несовместимы. И верить в бога — тоже не могу. Пушкин был велик:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

А Тютчев гениален:

И жаждет веры, но о ней —
не просит.

Он за сто с лишним лет предвидел появление подобных мне людей. Их много, думаю, куда больше, чем твердых атеистов и идеалистов. Только они боятся говорить об этом — даже наедине с собой».

Хочется верить и будем верить, что этот, видимо, недюжинный по сути своей человек, заблудившийся в дебрях отвлеченной философии, со временем сам или при помощи хороших и умных друзей сумеет найти в себе силы, чтобы вырваться из круга противоречий, сумеет отличить, где свет, а где тьма. Пока я хочу из клубка проблем, поднятых автором письма, взять то, что, на мой взгляд, является у него главным, — проблему оптимизма и пессимизма. Рассуждения моего оппонента приводят его вот к какому выводу: «Идеализм и религия человечнее материализма и атеизма, независимо от того, что эти последние, видимо, объективно истинны... Религия, вернее даже не религия, а просто вера в высшее существо, высший разум, к которому разум человеческий может, при выполнении определенных условий, приобщиться,— не в пример оптимистичнее неверия; искренне верующему человеку несравнимо легче живется на этом свете, чем неверующему».

Здесь, на примере этих рассуждений, можно увидеть самую сущность религии как идеологии человеческой беспомощности. Я не знаю жизненной истории автора письма, но, видимо, человек этот устал, изнемог, надломился в напряженной внутренней работе, не сумел разобраться в плохо увязываемых друг с другом обстоятельствах, в противоречиях жизни и мысли. Такое бывает. Одни в этих случаях уходят в водку, в разгул, другие, как, например, автор письма, начинают надеяться на то, что сложные жизненные противоречия поможет им разрешить вера в «высшее существо», в «вечный мировой разум»: «Я не вижу для человека ничего унизительного в сознании, что его разум, его душа является частицей вечного разума, вечного существа».

Речь — в конечном счете — идет о месте и назначении человека. Человек непременно должен задавать себе этот вопрос: кто я такой? Разумное ли существо, обладающее знанием, волей, способностью отвечать за свои поступки, или слепой и послушный исполнитель «высшего» замысла, «отблеск» неведомого высшего существа? И от ответа на эти вопросы зависит многое — в отношении к себе и своим поступкам, в выборе линии поведения.

Думаю, что в самом желании переложить ответственность за свою жизнь, свои поступки, свою судьбу и судьбу своих близких на чьи-то плечи, снять с себя ответственность за все несовершенства и недостатки в устройстве жизни есть нечто унижающее человеческое достоинство. При этом я даже готов допустить, что верующему человеку, возможно, в каком-то смысле легче живется на свете. «Господи, помилуй, господи, помилуй, подай, господи!» — мольба слабых, обессиленных,

согласных на унижение и легко идущих на унижение.

А атеизм — да, это тяжесть, тяжесть мысли и тяжесть жизни. Это — мировоззрение и жизненная позиция сильных, не сдающихся и верящих в человеческие силы, в способность человека устроить на земле светлую и радостную жизнь. Эта жизненная позиция требует от человека мужества, собранности, целеустремленности, нравственного творчества.

Вся моя жизнь, весь опыт мой и моих друзей убеждают меня в плодотворности этой позиции, в том, что только она дает человеку подлинные радость и удовлетворение.

Григорий МЕДЫНСКИЙ

ОБСУЖДАЕМ ОЧЕРК «ШАГ ЧЕРЕЗ КАТАСТРОФУ»

Мне специально принесли журнал «Наука и религия» (№ 10 за 1979 г.), чтобы я прочитал статью Инги Баллод. Сразу прошу прощения за почерк — пишу левой рукой, потому что правая плохо работает. Немного о себе. Мне 30 лет, шесть лет тому назад я попал в аварию на машине, работал шофером. У меня полный паралич рук и ног. Случилось это за две недели до моей свадьбы. Два года лежал без движения. И мне, так же как и Саше Чижову, лезли в голову всякие мысли о смерти и что жизнь пропала зря. Было больно, что девушка, которую я любил, ушла от меня и вышла замуж за другого, здорового парня. Но теперь это все позади. Теперь я сижу на коляске, бываю на улице. Летом устроился на работу надомником: клею пакеты для трикотажной фабрики.

Конечно, Саше было труднее — в деревне сложнее найти занятие. Но и для меня первые годы болезни были очень тяжелые, хотя и тогда я не собирался верить ни в бога, ни в черта, а ведь моя бабушка, которая живет рядом, и моя мать верят в бога. Я рад, что Саша многое понял и стал не таким одиноким. Он понял, и в этом, мне кажется, ему помогла переписка, что сидеть сложа руки — бесполезно. Надо что-то делать, приносить людям, государству пользу, пусть даже самую маленькую — и ты будешь знать, что не зря живешь на земле, что и ты что-то можешь, даже в таком положении.

И. МАРИНИЧ

г. Солигорск, БССР

Саша! Решила написать вам. В моей жизни тоже было все то, что вам пришлось пережить — болезнь, паника, одиночество. Я заболела туберкулезом в 10 лет, когда училась во втором классе сельской школы. Я постоянно ждала смерти. На меня наводило ужас все, связанное с похоронами, — кресты, бумажные цветы, свежеоструганное дерево. Болезнь моя принимала крутой оборот, и вот в это время одна из бабушек стала готовить меня к смерти. Она внушала мне, что я превращусь в небесного ангела и окажусь в раю, потому что все умершие дети непорочны, предлагала мне бросить учебу. И хотя я стала верить в бога, но школу, к счастью, не бросила. Я много читала, и чтение отвлекало меня от мыслей о смерти.

Моя учительница Анна Игнатьевна Шумакова стала похваливать меня, иногда, наверное, и завышала оценки, чтобы не убить у меня веру в себя, читала вслух мои изложения и сочинения, показывала мои рисунки.

К 14 годам я почти выздоровела. Родители попытались отвлечь меня от религии. Анна Игнатьевна тоже всячески старалась развенчать мою веру, но я упрямо и страстно верила. Та бабушка, которая готовила меня к смерти и внушала мне веру в бога, одним ударом и уничтожила ее. Однажды мы с ней шли в соседнее село и присели отдохнуть у ручья. От усталости и старости она долго не могла подняться. Я заметила ей, что все наши страдания зачтутся нам в загробной жизни, на что бабушка разразилась слезами и стала громко ругать веру, бога, весь белый свет. Она раздраженно кричала: «Где он, твой бог? Покажи его, ты его хоть раз видела? Нет его! А ты живешь, как слепая, в бога веришь! Ни одному страдающему никто не помог, кроме людей, ни одно зло не покарал бог». Я спросила, зачем она мне раньше внушала веру в бога. Бабушка ответила, что все дети сначала верят сказкам, а потом перестают. Так и с верой.

Первое время после этого на душе у меня было тоскливо и пусто. И страшно отчего-то. А потом как будто крылья выросли за спиной, так захотелось все знать, все испытать.

А дальше — школа, комсомол, три года работы на селе, университет, рождение дочери...

Саша! Вам всего 28 лет! Почему бы вам не учиться заочно? А пока можно выучиться хотя бы на сапожника и работать. Сколько неприятных минут приносит женщине нуждающаяся в ремонте обувь!

Не успеешь купить сапоги, как сломался замок, стерся каблук... Реставратор обуви — благородная профессия. Будете в коллективе общаться с людьми.

Извините, что вмешиваюсь в ваши личные дела, но по собственному опыту знаю, что когда горе, то поддержка (пусть даже постороннего) человека необходима. Будьте здоровы и счастливы.

Л. БОГАТОВА

Алтайский край

Статья об Александре Чижове произвела на меня немалое впечатление. Я хочу поближе познакомиться с этим человеком. Хотя я и не прикована к постели, но моя внутренняя жизнь чем-то напоминает Сашину. Я учусь в педагогическом училище, около меня куча подруг, друзей, но я чувствую себя одинокой, мне хочется с кем-то поговорить по душам, рассказать кому-то все мои обиды, горести.

Прошу вас, пришлите мне, пожалуйста, адрес Саши Чижова.

г. Казань **И. ИВАЙКИНА**

Елка горела разноцветными огнями. Вкусно пахло печеным. Все домашние готовились к встрече Нового года... Беда всегда приходит неожиданно. Так было и на этот раз. Внезапно я почувствовала острую боль в позвоночнике и одновременно в правой ноге. Мама бросилась ко мне, помогла лечь на кровать.

В районной больнице не могли поставить диагноз и отправили меня в Иркутск. И вот заключение невропатолога — паралич... Обострилось заболевание позвоночника. На самолете меня перевезли в Москву, в институт. Оттуда направили в детский санаторий «Кирицы» в Рязанской области.

Строгий постельный режим, глухая гипсовая повязка, заковавшая все тело, и лекарства, лекарства, лекарства. А еще добрые души, ласковый голос, внимательный взгляд — все это немаловажные лечебные факторы. Но боли в спине и ноге не прекращались. Шесть раз собирались консилиумы из лучших специалистов страны. Наконец решили делать операцию — фиксация позвоночника. Пока шла длительная подготовка, я, как и все дети в санатории, училась, проходила школьную программу. Лежа в кровати, держала в левой руке специальную дощечку, на которую клала тетрадь и писала. Отказываться от занятий никому из нас и в голову не приходило.

...От наркоза я очнулась глубокой ночью. Лечащий врач Вениамин Яковлевич Кузнецов, заставил меня пошевелить пальцами правой ноги. По его улыбке я поняла, что пальцы стали двигаться.

Дело пошло на поправку, хотя немыслимо трудно было лежать без движения на животе в течение четырех месяцев. В первые минуты, когда мне удалось встать на ноги, — головокружение, слабость, тошнота. Постепенно привыкала к новому положению. Первые шаги. Специальная лечебная гимнастика, массаж, упражнения для ног. Домой я уходила на своих ногах!

Сейчас у меня хорошая семья — муж, дочка. Работаю библиотекарем.

Саше Чижову хочу сказать, что у меня есть друзья с таким же заболеванием, как у него. Все заочно окончили институты или техникумы. Работают дома. Живут активной жизнью. У них много друзей. Им удалось найти точку опоры, интересное занятие; они не прячутся от людей, а идут к ним, тянутся.

Всего доброго, Саша!

Г. ОСТАПЕНКО

Владимирская область

ТАЙНЫ «СВЯЩЕННЫХ» ГРИБОВ

В экстазе после съеденных грибов.

Индианка и ее сын пробуют «священные» грибы.

М. КАСПЕРАВИЧЮС

Среди богатейшего разнообразия растительного мира нашей планеты, пожалуй, не найти растения или даже группы растений, с которыми было бы связано столько легенд, превратных и мистических представлений, сколько их существует вокруг грибов. Они упоминаются в мифах, народных сказках, пословицах и приметах, наделяются сверхъестественными свойствами, возводятся в ранг «богов». Нередко боги сами участвуют в зарождении и росте грибов. Их появление связывают с разрядом молнии. В Древней Греции, к примеру, один из видов грибов так и назывался «удар молнии», что этимологически связывалось со словами «поражающий громом», «мечущий молнии», «громовой», «грозовой».

В средневековом Вьетнаме грибы ставили в зависимость от грозы. Одну из их разновидностей, растущую на корнях бамбука, называли: «громовые шарики», ими пользовались в борьбе со злым духом Там Вангом. Вьетнамский король Ле Тхань Тонг, правивший в XV веке, сочинил «Рассказ о золотом шелкопряде Там Ванге». Он предлагал безотказный метод борьбы со злым духом — посыпать его порошком из «громовых шариков».

Мистическое родство грибов с молнией, огнем, огнивом прослеживается и в почитании палицы, молота или топора. Боги — славянский Перун, перуанский Виракоча и ацтекский Тлалок изображались с топором, то есть атрибутом, как и грибы, связанным с молнией. Не случайно в храме древнегреческого бога Аполлона в Коринфе (вспомним, что источником молнии признавалось Солнце) установлены колонны с капителями, похожими на шляпки больших плоских грибов.

В то же время к грибам относились и вполне реалистически. Так, их издавна употребляли в пищу, хотя не все народы едят их. Ученые обратили внимание на такую интересную взаимосвязь: те народы, которые исторически отдавали предпочтение сырому мясу перед другими видами пищи, обычно грибов не едят, считая их продуктом низкого сорта. В мифах африканских племен мундуруку и тукуна, например, рассказывается, что их предки ели грибы, но впоследствии, разбогатев и окрепнув экономически, отказались от такой «некультурной» пищи.

Грибы иногда использовали для замены мяса на время культовых постов или применяли как диетическое блюдо. В качестве постной пищи они отмечены, например, в русском источнике 1493 года: «А по Федорове недели в понедельник, в среду и пяток и капуста и губы (грибы)». Запись в книге расходов Карельского монастыря за 1551—1559 годы: «Осьм ведер губ соленых дал пять алтын» — доказывает широкое употребление грибов в тяготеющей к постной пище монастырской среде. Шаманы, зная об одурманивающих свойствах мухоморов, ели их сырыми, пили их сок, чтобы прийти в состояние экстаза. В преданиях хантов и манси шаман именуется «мухомороедящим человеком». Вот как одно из сказаний повествует об этом: «Бог пошел, шамана привел. Большой котел с мухоморами на огонь повесили. Шаман ворожить стал, мухоморы есть...» Нередко знахари и колдуны изготавливали настойки из мухомора и голубики. Этот напиток вызывал у людей бред, а затем возбуждение и подъем физических сил, сменяющийся вскоре апатией, продолжительным глубоким сном.

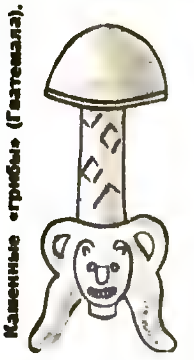

Изображение даосского святого с грибом линчжи (рукопись XVII в.).

Люди видели в мухоморах не только живых, но и опасных существ. Чукчи, к примеру, предполагали, что «особое племя» мухоморов очень могущественно и способно разорвать корни деревьев, раздробить камни. Считалось, что эти грибы предстают перед пьяным в облике однорукого и одноногого, похожего на обрубок существа, которое может показать человеку потусторонний мир. Этот сюжет запечатлен на чукотских рисунках, где запутанными извилистыми линиями прочерчен «путь мухомора».

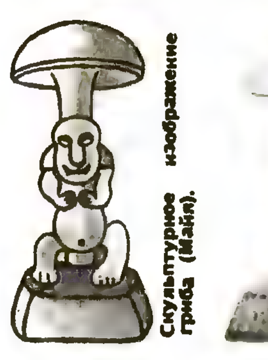
Значительное место занимали наркотические грибы в жизни, мифах и обрядах индейцев Америки. Майя, например, применяли их при сложных хирургических операциях. Испанский монах Бернардино де Саагун (1500—1590 гг.) рассказывает о мексиканском грибе теонанакатл, отключающем сознание. По мнению другого монаха, Торибио да Бенвенте, название этого гриба происходит от слов, обозначающих «хлеб богов». Индейцы верили, что в этом грибе находится некая божественная сила. Похожую идею проповедовали манихейцы, приверженцы религии, возникшей в III веке на территории Ирака и распространившейся от Китая до Европы. Согласно их вероучению, во всей природе заключены частицы божества, и малейшее нарушение существующего в ней порядка вызывает у этих частиц мучительные страдания. По вероучению манихейцев, нельзя срывать плод с дерева или гриб, так как божественное и светлое начало, заключенное в них, обрекается этим на полное подчинение власти тьмы.

В некоторых отдаленных областях Мексики до сих пор справляются ночные обряды, во время которых туземцы в ритуальных целях едят сырые грибы. Американскому исследователю Р. Дж. Уоссону в 1952 году удалось присутствовать при тайном грибном обряде мацатеков Мексики. Поклонники грибов собрались ночью в заброшенной хижине на окраине поселения. Там был установлен алтарь с католическим распятием, а рядом с традиционным символом христианского бога лежали языческие священные грибы. Пожилая шаманка сама съела 12 грибов и угостила ими участников мистерии. После этого начался ритуальный танец, сопровождаемый монотонным пением — рассказом о переживаемых шаманкой видениях. Обряд продлился до рассвета, пока все его участники не уснули.

Каменные «грибы» (Гватемала).

Скульптурное изображение гриба (Майя).

Связь грибов с потусторонним миром иллюстрируется мифами обитающих в Северной Америке алгонкинских племен. В одном из таких сказаний говорится о душах спящих людей, отправившихся в «страну умерших» и вспоминавших после «возвращения» на землю о своем «путешествии». В стране мертвых их угощали огромными грибами дождевиками, которые выдавались за тыквы.

Свою роль имеют грибы и в народной медицине. Иногда их прямо сопоставляли с некоторыми болезнями. Например, в библейской книге Левит (гл. 14, ст. 34—45) подробно описана процедура борьбы со стенным грибком, воспринимаемым как «заболевание» дома проказой. Те места каменной кладки здания, на которых обнаружены ямки зеленого или красного цвета, рекомендуется выломать и выкинуть, а в случае повторного появления «проказы» — полностью разрушить пораженное ею строение.

Черный березовый гриб (трутовик косотрубчатый, или «чага») еще в древности считался целебным. Селькупы, например, дымом из березовой чаги очищали человека и его вещи от всякого зла, лечили им.

Гриб спорынья, растущий на ржи, в течение столетий применялся в акушерско-гинекологической практике как средство, способствующее остановке кровотечений. В то же время этот сельскохозяйственный вредитель был причиной массового отравления людей и животных. Только за одно столетие, с 1780 по 1880 год, в царской России отмечено 15 вспышек «злой корчи», принявших характер эпидемий. В средние века ядовитым хлебом, отравленным грибом спорыньей, питались в основном неимущие слои населения, и при отравлениях искали спасения в храмах и монастырях. Бывало, что ожидаемое чудо исцеления действительно наступало.

Причину его можно понять из такой вот истории, посвященной отравлению грибами. Вплоть до XV века Собор Парижской Богоматери является местом, где заболевшие этой страшной болезнью пытались найти себе приют. В это время монастыри располагали значительными запасами зерна многолетней давности. Вследствие длительного хранения зерна спорынья в нем теряла токсичность и при поступлении в пищу не вызывала отравления. Этой особенности раньше не знали и приписывали выздоровление от болезни чуду.

Каменный «гриб» из Гватемалы.

На Руси лечили белыми грибами (боровиками) обмороженные части тела, ложные опята применяли при желудочно-кишечных недугах, перечным грибом спасались от чахотки, а смертельно ядовитой бледной поганкой изгоняли холеру. В русском лечебнике «Прохладный вертоград» отмечено: «Уши иудова губа, что гриб; у кого горло болит, или кто осипнет, и положить в молоко пресное, да провари немного, и тем молоком полоскать горло и выплюнуть, и пить молоко помогает, да, выняв, сохранить и высушить, и опять пригодится».

Современная наука разгадала тайны «священных» грибов, открыв в некоторых из них медикаментозные вещества, которые применяются при изготовлении различных лекарств. То, что древние люди открывали в результате бесконечного числа проб и ошибок, но, не обладая знаниями, не умели объяснять и поэтому приписывали сверхъестественной силе, сейчас изучается в лабораториях. Свойства выделенных веществ, действующие в них начала исследованы, определены дозировки лекарств. А мифы и сказки, народные поверья и рецепты народной медицины, связанные с грибами, рассказывают нам о жизни и культуре наших предков, по-своему свидетельствуя о преходящем характере религиозных и мистических представлений.

Ленинград

НЕ В ЛАДАХ С ФАКТАМИ

А. ВЕЩИКОВ,
доктор исторических наук

О некоторых зарубежных фальсификациях положения православной церкви до революции

СРЕДИ множества «открытий» о прошлом и настоящем нашей страны, фабрикуемых и распространяемых международной реакцией, есть и касающиеся роли православной церкви в истории российского государства. Этому посвящены многочисленные книги, изданные за рубежом, тысячи статей в буржуазной прессе и выступлений по радио. Мало чем отличаясь по существу, они сводятся в конечном счете к описанию «православного рая» на Руси, покуда не грянула Октябрьская революция, к прославлению церкви — «защитницы угнетенных и униженных».

Отправной точкой суждений зарубежных «исследователей» прошлого православной церкви и ее положения в российском государстве является тезис об органической народности этого культа на Руси.

По определению советолога Н. Струве, автора пространной книги «Христиане в СССР» (Париж, 1963, стр. 10), «русские впитали христианство, как губка воду». Это доказывает, утверждает он, «наличие у них от природы христианской души». Его коллега А. Карташев, бывший министр Временного правительства, действует несколько осмотрительнее. В «Очерках по истории русской церкви» (т. 1, Париж, 1959, стр. 145) он признает, что славяне не разом приняли христианство, что для этого понадобились время и труды, но спешит заверить читателей: «Народная масса сравнительно скоро ознакомилась с христианской религией и прониклась ее понятиями». Ну, а авторы многих статей, посвященных истории русской православной церкви, как правило, уже без всяких церемоний твердят, что православная вера — примерно такое же прирожденное свойство россиян, как способность дышать.

Но как же быть тогда с долгим, сложным и временами мучительным для народа периодом утверждения христианства среди восточных славян? Ведь это давно стало аксиомой в мировой истории. Что же делать с тем непререкаемым фактом, что не кто иной, как дряхлая феодальная Византия, стала, по компетентному определению В. Ключевского, «старой учительницей России в делах религии»[1]?

Ведь «крещение Руси», преподносившееся многим поколениям русских людей и преподносимое сегодня зарубежными «исследователями» как мистическое озарение свыше, имело в действительности вполне реалистическую подоплеку. Известно, что после долгих размышлений князь и «лучшие люди», поддерживавшие бразды его правления, выбрали из всех религий христианство как наиболее отвечавшее их интересам. Надо полагать, в расчет тут бралось многое, начиная с того, скажем, что иерархия этой религии олицетворялась с иерархией некогда великой древней Византийской империи, не представлявшей уже в то время никакой угрозы для славянских народов. Судя по всему, крайне привлекала князя и «лучших людей» новая вера и тем, что она к той поре была насквозь пропитана раболепием перед светской властью. Словом, они увидели в ней средство укрепления могущества земных владык.

И, как известно, эти чаяния оправдались. Церковь на Руси, сразу же принявшая, по примеру византийской, четкую организационную структуру, активно внушала пастве идею богоустановленности светской власти, с жаром проповедовала неприкосновенность частной собственности — святого дара небес. Навязанная народу его правителями, она, преодолев пассивное и активное сопротивление многих, стала орудием сил эксплуатации, социального и национального гнета.

Зарубежные фальсификаторы изо всех сил пытаются изобразить православную церковь России вполне самостоятельной. «Распространенным заблуждением, — пишет церковный историк из ФРГ И. Хрисостомус в книге «Церковная история России в новейшее время» (т. 1, Мюнхен—Зальцбург, 1965, стр. 14), — является представление о полной зависимости русской церкви от мирских властей...» А. Карташев также заявляет, что восточное христианство всегда было независимо от светской власти и «гордо сознанием этой своей великой миссионерской победы»[2]. Подтекст здесь таков: церковь в России не была-де связана с государством политическими и имущественными интересами, она занимала внеклассовую позицию; священнослужители на протяжении всей истории были антицаристами и защитниками народа; а большевики, возглавившие борьбу с самодержавием, преследовали и преследуют русскую церковь, потому что, стоя на атеистических позициях, не терпят никакого инакомыслия. Однако история убедительно свидетельствует о другом: русская церковь всегда была верной служанкой князей и царей. Правда, были случаи, когда отдельные ее представители негодовали и протестовали, однако как социальный институт церковь всегда хорошо знала свое место.

Начать с того, что сам процесс принятия и насаждения христианства «сверху» и при этом неизбежная изолированность духовенства среди языческого населения ставили его в зависимое положение от власть имущих. Народ весьма скоро если не понял, то почувствовал единство эксплуататорской сущности церковной и светской власти. Не случайно еще в Древней Руси простой люд нередко выступал одновременно и против светских и против духовных феодалов. В 1070 году, например, жители Новгорода направили свой гнев против православного епископа. Движение смердов в Ростово-Суздальском княжестве более поздних времен также имело антицерковную направленность.

Чтобы подвести читателя к мысли об особой благотворной роли русской церкви в жизни народных масс, зарубежные апологеты православия любят ссылаться на ее заслуги в тяжелые времена монголо-татарского ига. Н. Струве, о котором мы уже упоминали, в книге «Христиане в СССР» (стр. 12) называет имена тогдашних священнослужителей, «символизирующих политическое и духовное возрождение нации». Это «возрождение», по его мнению, выражалось в том, что они отправлялись в Орду, «чтобы избавить Русь от разорения».

Действительно кое-кто из духовных лиц той поры с помощью подачек влиятельным персонам в Орде предотвращал на некоторое время очередной из многочисленных набегов на русские селения. Но православная церковь заботилась тогда не столько о народных, сколько о собственных интересах. Чтобы сохранить земельные владения и другие богатства церкви, немало священнослужителей, по существу, перешли на службу к завоевателям. Как свидетельствуют неоспоримые факты, православное духовенство возносило молитвы о победе монгольского воинства, убеждало паству в необходимости повиноваться поработителям. «Великое народное несчастье — татарское нашествие, — отмечал Г. В. Плеханов, — принесло, таким образом, большую пользу «богомольцам» русской земли»[3].

Буржуазные исследователи опускают как малоприметный в отношениях православной церкви и государства период отечественной истории, отмеченный объединением сил русской земли вокруг Москвы. Делают они это не случайно. Если в начале монголо-татарского ига большинство церковных

[1] В. Ключевский. Курс русской истории. М., 1937, ч. II, стр. 352.
[2] «Православная мысль». Труды православного богословского института в Париже, вып. VI. Париж, 1948, стр. 93
[3] Г. В. Плеханов. О религии и церкви. М., 1957, стр. 384.

иерархов служили завоевателям, то новый этап в жизни страны знаменует возвращение к прежнему владыке — русским правителям. В формировавшемся Московском княжестве церкви принадлежало около трети всех земель. На этой основе, отмечал дореволюционный историк М. Дьяконов, православная церковь и строит свои отношения с государственной властью[4]. Историк И. Преображенский констатирует: за подачки и земельные наделы православная церковь поставила на службу светской власти весь свой культ и проповедь, все, что могло содействовать ее укреплению[5].

С образованием русского централизованного государства происходит и централизация духовного управления, которое оказалось в еще большей зависимости от власти государственной: царь сменяет и назначает даже патриархов. Г. В. Плеханов замечает по этому поводу: «Поставленный по замыслу светской власти, он (патриарх. — **А. В.**) был силен и влиятелен только до тех пор, пока ей подчинялся»[6]. Судьба патриарха Никона — яркий тому пример. А затем, как утверждает И. Преображенский, которого цитирует В. И. Ленин, «после неудавшейся попытки патриарха Никона разыграть в России роль римских пап, совмещавших на Западе духовную власть с главенством светским, церковь наша, в лице высших своих представителей — митрополитов, всецело и навсегда подчинилась власти государей, и иногда деспотически, как это было при Петре Великом, диктовавшем ей свои указы»[7].

Социально-экономическое развитие России, приведшее к образованию в начале XVIII века абсолютистского государства, отразилось и на положении православной церкви. Годы царствования Петра I и его преемников, когда церковь совсем уже превратилась в безропотную служанку самодержавия, не оставляют и видимости ее независимости. С этого момента она поставила на службу господствующему классу не только свою идеологию и культ, но и огромную армию «чиновников в рясах» (в их обязанности входили наряду с духовными и политические функции) и стала органом государственной власти.

Даже буржуазные фальсификаторы не могут замолчать столь кричащих фактов. «XVIII век был веком унижения», — печалится Н. Струве и торопится перескочить в следующий — XIX век, объявляя, что тогда церковь «вновь возродилась». Возрождение это рисуется в свете якобы новых ее «подвигов во имя прогресса». Пытаясь обелить в глазах современников антинародную роль православной церкви, ее изображают чуть ли не соратницей революционеров. Иные из таких авторов — и уж, конечно, тот же Н. Струве — даже пытаются занести в актив православия великого Пушкина, который, как хорошо известно, был врагом всяческого мракобесия. Церковь, мол, утверждает Струве, вдохновила поэта на самые великие творения.

Так ли это? Разумеется, нет. В громоздком здании православной церкви, слитом воедино с правительственными канцеляриями, казармами, тюрьмами империи Романовых, царил тот же мертвящий дух ретроградства и низкопоклонства, стяжательства и властолюбия, ненависти ко всему свободолюбивому, рвущемуся из оков. Революционные движения XIX века неизменно обретали в лице церкви самого яростного врага. Это ощущали и декабристы, и революционеры-разночинцы, и зачинатели рабочего движения.

В 1861 году А. И. Герцен писал в «Колоколе»: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... нет, это не твои пастыри; под платьями, которые ты привык уважать по преданию, скрыты клевреты враждебного правительства, такие же генералы, такие же помещики...»[8]

Факты неопровержимо свидетельствуют: русская церковь всегда выступала как верная опора царизма и в эксплуатации трудящихся, и в подавлении любого их протеста против властей. Жандармами во Христе назвал В. И. Ленин духовенство, которое в борьбе с революционным движением поддерживало черносотенные союзы помещиков, чиновников, полиции. В мифическом православном раю, воспеваемом зарубежными фальсификаторами истории нашей страны, церковь всегда «была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви»[9].

Касаясь деятельности русской православной церкви на рубеже прошлого и нынешнего столетий, некоторые из современных западных историков говорят о ее самостоятельности в предреволюционные годы. Так, английский социолог У. Коларз в своей работе «Религия в Советском Союзе» (Лондон, 1961, стр. 21) пишет: «Церковь, с которой столкнулись коммунисты, уже не была служанкой царям и династии Романовых...» Далее следуют попытки изобразить ее организацией, готовой возглавить модернизацию российского общества. Конечно, отнюдь не по забывчивости такие авторы при этом не вспоминают о святейшем синоде — этом оплоте из оплотов царизма, во главе с махровыми монархистами Победоносцевым, Саблером и др.

Следует, однако, признать, что положение русской православной церкви с развитием капитализма в России несколько изменилось. В конце XIX века у нее вырос еще один, и довольно сильный, союзник — молодая российская буржуазия, которую чем дальше, тем больше тревожило бездарное хозяйничание царизма. И она все настойчивее претендовала на власть. Православие заигрывало с буржуазией, но от этого флирта его антинародная, реакционная роль не уменьшилась, напротив, возросла. Особенно это стало заметно после Февральской революции 1917 года. К чему же вело сердечное согласие между церковной иерархией и российской буржуазией? Что обещал этот союз трудовому народу?

Как известно, падение крепостного права в России явилось тем поворотным пунктом, который положил начало развитию капитализма, а с ним и быстрому росту буржуазии. При этом на окраинах империи наряду с русской складывалась и национальная буржуазия. Капиталистические социально-экономические преобразования в стране произошли с большим запозданием по сравнению со странами Запада. Такая задержка неизбежно вела к тому, что и буржуазно-демократическое движение началось у нас позже — в то время, когда во многих странах Европы уже четко наметился поворот в сторону реакции. «Буржуазия Европы, испуганная силой рабочего движения, — писал В. И. Ленин, — бросилась в объятия реакции, военщины, поповщины и мракобесия»[10]. Это не могло не повлиять на молодую российскую буржуазию, и без того сызмала приученную свято почитать светскую и духовную власть как опору порядка, гарантию сохранения капиталов.

Еще в большей степени заставляли российскую буржуазию судорожно искать опоры, в том числе в религии, условия, в которых ей пришлось развиваться. Неумолимо втягиваемая в буржуазные отношения, утвердившиеся к середине XIX века почти во всей Европе, Россия порвала наконец с феодализмом, ставшим оковами для развития ее производительных сил. Однако замена крепостнических порядков новыми произошла путем реформ сверху, в результате которых буржуазия не добилась для себя политических прав. Зато она получила все необходимое для обогащения. И развитие капитализма в стране пошло после этого очень высокими темпами. Быстро рос и пролетариат, и чем многочисленнее он становился, тем решительнее занимал ведущее место в освободительном движении.

Обострявшиеся противоречия между самодержавием и эксплуататорскими классами, с одной стороны, массами крестьянства и нарождающимся пролетариатом — с другой, служили источником классовых столкновений. Разгорались крестьянские восстания, вспыхивали рабочие стачки, нарастало национально-освободительное движение на окраинах. Все это и определило линию поведения российской буржуазии в отношении как самодержавия, так и церкви. Буржуазия не может, как известно, существовать без религии, призванной восполнять нищету ее идеологии. И российская буржуазия скоро поняла, что в условиях нарастающей классовой борьбы православие — верная опора эксплуататорского государства — прекрасно может послужить ей.

Свой отпечаток на политику российской буржуазии в религиозном вопросе наложила и идеологическая обстановка в стране. Прослеживая путь развития русской общественной мысли, можно видеть, что уже в недрах феодального общества в стране формиро-

---

[4] См.: М. Дьяконов. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889, стр 114

[5] См.: «Вера и разум», 1901, № 8, стр. 340.

[6] Г. В. Плеханов. О религии и церкви. стр. 397.

[7] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 5, стр. 340—341.

[8] А. И. Герцен. Избр. соч. М., 1937, стр. 303, 304

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 144.

[10] В. И. Ленин. Полн собр соч., т. 23, стр. 146.

вались освободительные идеи, отражавшие протест масс против крепостничества и нарождавшихся капиталистических порядков. В исканиях революционеров-демократов большое место отведено борьбе против церкви как пособницы самодержавия. И это не могло не пугать российскую буржуазию. Отсюда ее попечение о церкви, вообще-то необычное в борьбе буржуазии за власть.

Отмечая существенное различие в отношении западной и русской буржуазии к религии в период становления капитализма, В. И. Ленин писал: «...Задача борьбы с религией есть историческая задача революционной буржуазии, и на Западе эту задачу в значительной степени выполнила (или выполняла) буржуазная демократия в эпоху своих революций или своих натисков на феодализм и средневековье... В России, соответственно условиям нашей буржуазно-демократической революции, и эта задача ложится почти всецело на плечи рабочего класса»[11].

Российская буржуазия вместе с дворянской властью стремилась всеми силами укреплять церковь. Если крестьянская реформа, ознаменовавшая первый шаг по пути превращения России в капиталистическое государство, привела к изменениям отдельных сторон государственного устройства в духе буржуазных порядков, то религиозных организаций новые веяния совершенно не коснулись. Все осталось в прежнем виде.

Крайне бережно относясь к феодальной церковной иерархии, российская буржуазия в то же время в лице своих идеологов всячески заботилась об укреплении влияния религии, упрочении религиозного мировоззрения. Не случайно во второй половине XIX века широкое распространение в стране получили религиозно-мистический идеализм, теологизированное гегельянство, позитивизм, неокантианство, сочетавшиеся с критикой и поношением материализма. Откровенная апологетика религии и нападки на марксизм стали основным содержанием философских систем наиболее видных выразителей идеологии российской буржуазии — таких, как Б. Н. Чичерин (1828—1904 гг.), Н. Н. Страхов (1828—1896 гг.), В. С. Соловьев (1853—1900 гг.) и др.

Пожалуй, более всего потрудился на этом поприще В. С. Соловьев. Сын выдающегося историка, воспитанный в духе революционного демократизма, он довольно быстро расстался с юношеским вольнодумством и стал выразителем идей русской буржуазии. В первую очередь он призывал всемерно укреплять религию как один из идеологических институтов классового господства. Созданная им философская система имела своей целью усовершенствование, подновление религии, влияние которой начало падать под ударами марксизма и развивающейся науки. Философия, утверждал В. С. Соловьев, пытается заменить религию, но впала в отвлеченность, самообожествление. Задача, поучал он, состоит не в том, чтобы восстановить традиционную теологию; надо освободить христианство от его догматической формы (ибо христианство, изучаемое по катехизису, есть мнимая религия), дать ему философское обоснование.

Мистический идеализм В. С. Соловьева оказал большое влияние на реакционных философов более позднего времени — Н. Бердяева, С. Булгакова, братьев Трубецких и других, с которыми В. И. Ленин вел непримиримую борьбу.

Забота буржуазии об укреплении казенной церкви проявилась не только в обновлении религии, но и в увеличении очагов религиозного воздействия на трудящихся. В пореформенные годы, как, впрочем, и в последующий период, вплоть до Октябрьской революции, происходит быстрый рост всякого рода религиозных учреждений и церковного аппарата. И буржуазия всячески помогает в этом царизму. Так, с 1841 по 1891 год в России было создано 177 новых монастырей, а общее их число достигло к этому времени 724. Число соборов увеличилось с 1840 по 1890 год с 558 до 695, церквей — с 34 049 до 45 037, часовен и молитвенных домов более чем вдвое — с 9 305 до 18 979. На содержание более чем стотысячной армии православного духовенства государство расходовало огромные суммы.

Укреплению связей русской буржуазии с церковью способствовало то, что к началу XX века их интересы стали переплетаться и в экономической области. Ленинская «Искра» писала о духовенстве: «Во многих местах оно ссужает под проценты деньги, ведет капиталистическое хозяйство, употребляя рабочие руки своих духовных детей; его вкладами полны банки и сберегательные кассы». Поэтому «духовенство в значительной своей части, вступая в интимные отношения с буржуазией, чувствует себя, как рыба в воде». Все это приводит к тому, — отмечалось в «Искре», — что церковь приспосабливается к «буржуазному духу времени»[12].

И закономерно, что, когда грянул час решающей битвы, церковные деятели в подавляющем большинстве своем оказались в лагере врагов революции. Народная память хранит эпизоды церковной контрреволюции: анафему Советской власти, провозглашенную патриархом Тихоном; пышные молебствия в честь кровавого Колчака, вешателя Деникина; активную, иногда даже ведущую роль высших чинов православного духовенства в контрреволюционных авантюрах.

Взяв власть в свои руки, трудовой народ разорвал вместе с оковами эксплуатации и оковы духовного принуждения. Впервые за долгие века трудящиеся обрели возможность свободно выбирать между религией и атеизмом, получили право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, быть атеистами.

А что же остается от мифа об особой миссии православной церкви в жизни русского народа? Ничего. Истории он чужд, и она его не приемлет.

---

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 423, 424.
[12] «Искра», № 45, 1 августа 1903 г., стр. 3, 6.

— Вы заметили? Здесь всегда свежие цветы...

Услышано у памятника.

В 1846 году в последних строках знаменитого цикла статей о Пушкине В. Г. Белинский, сетуя, что поэта еще мало знают в России, что нет даже порядочного издания его сочинений, выразил надежду: «Придет время, когда он будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство... Придет время, когда потомство воздвигнет ему вековечный памятник...»

Как видим, «неистовый Виссарион» не питал иллюзий, отодвигая и широкое признание Пушкина, и сооружение ему памятника в неопределенное будущее, считая это делом далеких потомков. Судьба рассудила иначе. На историческую арену выступили новые — революционно-демократические силы. Умственное, общественное, политическое развитие России в середине прошлого века двинулось вперед быстрее, чем полагал Белинский.

В обстановке демократического подъема в начале 60-х годов последовало «высочайшее дозволение» начать сбор средств для памятника Пушкину, о чем в связи с 50-летием Царскосельского лицея ходатайствовали бывшие лицеисты. Уже сам этот шаг царского правительства достаточно характерен: памятник открыть дозволено, но государственных ассигнований для этого не нашлось. Необходимые средства собирались по всенародной подписке — по рублям и копейкам среди читающей публики, трудового народа.

Дело это оказалось хлопотным и долгим: за десятилетие требуемая сумма еще не была собрана. Сбор средств пошел успешнее только в 70-х годах, когда был создан специальный комитет по сооружению памятника, который опубликовал в газетах воззвание о сборе пожертвований.

Виднейшие скульпторы того времени — среди них Н. С. Пименов, И. Н. Шредер, М. М. Антокольский и другие — предложили свои проекты памятника. В результате трех конкурсов, проведенных в 1873, 1874 и 1875 годах, победу одержал проект Александра Михайловича Опекушина. Знаменательно, что честь создать первый памятник народному поэту выпала на долю народного самородка, к 34-м годам про-

ВЕКОВЕЧНЫЙ ПАМЯТНИК

Б. МАРЬЯНОВ

шедшего путь от крепостного ремесленника (он выкупил себя из неволи на заработанные собственным трудом деньги за два года до отмены крепостного права) до скульптора-академика.

Несколько последующих лет ушло на завершение проекта памятника, ваяние гипсовой скульптуры, отливку по ней бронзовой фигуры, изготовление гранитного постамента и монтаж памятника. И вот 6 июня 1880 года[1] в центре Москвы, на Страстной площади состоялось приуроченное к 81-й годовщине со дня рождения Пушкина торжественное открытие памятника, третьего в тогдашней Москве — после скульптурных изображений Минина и Пожарского на Красной площади (1818 г.) и Ломоносова перед зданием университета (1876 г.).

Такова в нескольких словах история сооружения первого в России памятника великому национальному поэту[2]. Но кроме этой — внешней, так сказать, стороны дела, московский памятник Пушкину интересен и примечателен еще и тем, что его открытие стало заметным событием в русской общественной жизни той поры. Пушкинский памятник на какое-то время оказался в центре идейной борьбы, столкновений противоположных мнений и враждующих сил по таким вопросам, которые выходили далеко за рамки самого этого события.

Накануне праздника официозная и охранительная печать на все лады подчеркивала, что памятник Пушкину — дело-де сугубо общественное, самодеятельное, что правительство к нему никоим образом не причастно. На самом же деле и подготовка к открытию памятника, и сами торжества направлялись мощной рукой самодержавия и тесно связанной с ним православной церкви. Достаточно сказать, что созданный в 1870 году комитет по сооружению памятника возглавил член царской семьи принц П. Г. Ольденбургский, главным лицом в комитете был управляющий делами Комитета министров статс-секретарь Ф. П. Корнилов; они же руководили всеми торжествами в дни открытия памятника.

Нам уже довелось рассказывать[3] о том, как после смерти Пушкина царское правительство при активной поддержке православной церкви усиленно формировало и распространяло легенду о том, будто непокорный в юности свободолюбец и вольнодумец Пушкин с годами раскаялся в своем безбожии и свободомыслии, стал благочестивым христианином и благонамеренным верноподданным благодетеля своего царя Николая I и даже создал ряд произведений, проникнутых глубоким религиозным чувством. Эта легенда стала с тех пор мерилом официального отношения к Пушкину, она вошла в школьные учебники, в книги о Пушкине и в комментарии к его сочинениям, она провозглашалась охранительной прессой, религиозными журналами и священниками с церковных амвонов. Подкреплению и дальнейшему распространению этой легенды призваны были служить, по замыслу царского правительства и идеологов православия, и торжества открытия пушкинского памятника в Москве.

Начались они 6 июня[4] богослужением в церкви Страстного монастыря[5]. «В церковь, — писали газеты, — были допущены только депутаты и высокопоставленные лица, генералитет и дамы высшего общества. Золотые мундиры, ордена, ленты — все сияло кругом». (Как не вспомнить саркастические пушкинские строки: «И, чтоб не потеснить гуляющих господ, сюда не велено пускать простой народ»!) «Служба, молебствие и панихида, — сообщали хроникеры, — длились около двух часов. Обедню служил известный церковный вития митрополит московский Макарий в сослужении епископов дмитровского Амвросия и ревельского Николая и многочисленного духовенства». В произнесенном «слове» митрополит охарактеризовал Пушкина как «избранника, которого сам творец отличил и возвысил посреди нас необыкновенными талантами». Отметив, что «церковь отечественная освящает это торжество особым священнослужением и молитвами», митрополит закончил речь прочувствованным восклицанием: «Можем ли мы удержаться, чтобы не вознести живейшей благодарности к тому, кто даровал нам такого поэта, кто наделил его такими талантами, кто помог ему исполнить свое призвание!»

Это был как бы камертон, который задал нужный тон всей дальнейшей официальной церемонии. На площади, до краев заполненной народом, хор певчих под аккомпанемент нескольких оркестров грянул «Коль славен». Места на почетной трибуне заняли принц Ольденбургский, управляющий министерством народного просвещения Сабуров, московский генерал-губернатор князь Долгоруков и другие «высокопоставленные лица». Статс-секретарь Корнилов задал вторую ведущую ноту празднеству, провозгласив: «Да здравствует на многие лета государь император, верховный ценитель заслуг русских людей!»

И дальше устроители пушкинского праздника старались выдержать его в таком же тоне. На торжественном акте в Московском университете сцену украшали портреты Екатерины II, Александра I, Александра II. На состоявшемся потом обеде Сабуров поднял первый тост «за здоровье государя императора», второй тост пили за принца Ольденбургского и т. д. Вечером во время «народных чтений» в Политехническом музее «хор певчих чайного торговца Перлова» исполнил «Коль славен» и «Боже, царя храни!».

На одном из заседаний во время праздника среди других приветствий был зачитан и адрес, присланный попечителем Московского учебного ок-

---

[1] Все даты даны по старому стилю.

[2] Интересующихся этим подробнее отошлем к книге: И. М. Суслов. Памятник Пушкину в Москве. М., 1968.

[3] См.: «Легенда о блудном сыне». «Наука и религия», 1972, № 2 и 6.

[4] Вначале открыть памятник предполагалось 26 мая — в день рождения Пушкина, но 22 мая умерла императрица, и его открытие было перенесено сперва на 4, а потом на 6 июня.

[5] Страстной монастырь находился там, где сейчас стоит памятник Пушкину, перенесенный сюда в 1950 году с противоположной стороны площади после ее реконструкции.

руга, заканчивавшийся таким пассажем: «Пушкин умирал как истинный христианин, произнося холодеющими устами наш народный символ: бог, царь и Россия. Это помнит тот, кто, родившись в Москве, повелел воздвигнуть памятник России Пушкину в Москве» (т. е. Александр II).

Те же ноты звучали и во многих речах на пушкинских чтениях, устроенных в Москве Обществом любителей российской словесности. Академик Я. К. Грот, например, особо подчеркнул, что у Пушкина «в глубине души смолоду теплилось искреннее религиозное чувство», с годами оно «становилось все теплее, все явственнее отражалось в его поэзии... На смертном одре он явил истинно христианскую кротость и благодарность к царю».

Такую же окраску торжества по случаю открытия московского памятника Пушкину приобрели и в других городах Российской империи.

В Петербурге в день открытия памятника утром была отслужена панихида по Пушкину в Исаакиевском соборе, «куда собрались, — как сообщали газеты, — члены Государственного совета, многие высокопоставленные лица». Староста Исаакиевского собора генерал Богданович дал завтрак для высокопоставленных участников панихиды, на котором служивший ее протоиерей Васильев «весьма рельефно очертил значение Пушкина как христианина и поэта». На состоявшихся в тот же день литературных чтениях известный профессор-литературовед охранительного направления А. И. Незеленов говорил, что в стихах Пушкина «слышится религиозное настроение. Это настроение усиливалось у Пушкина с годами и в конце деятельности вызвало ряд глубоких духовных стихотворений». В последние, тяжелые годы жизни, сказал Незеленов, Пушкин «находил утешение в религиозном чувстве». Обед в честь Пушкина состоялся в купеческом собрании. Главный распорядитель профессор В. И. Модестов открыл его тостом за здоровье государя императора, оркестр поддержал его гимном «Боже, царя храни!».

Киев, Одесса, Варшава, Самара, Рига, Псков, Кишинев, Орел, Тифлис и многие другие, большие и малые российские города приурочили к открытию московского памятника свои пушкинские торжества,— и всюду официальная программа была примерно одинакова: поминальное богослужение в церкви, «слово» священнослужителя, верноподданные речи на литературных чтениях, обеды и ужины с тостами за государя императора и т. д. Такое единообразие, даже в словесных оборотах и эпитетах, щедро рассыпаемых ораторами, не оставляет сомнения, что вся эта поистине всероссийская кампания, носившая столь густую монархически-церковную окраску, специально готовилась и направлялась самодержавно-клерикальной бюрократической машиной.

Особое внимание уделено было воспитательному воздействию этой кампании на подрастающее поколение. По всей империи 6 июня (пятница) было объявлено неучебным днем. Вместо уроков ученики школ, гимназий, училищ присутствовали на церковных богослужениях в память Пушкина, а затем на литературных утренниках, где отец законоучитель либо преподаватель литературы рисовал им образ поэта в красках, нужных властям предержащим, но весьма далеких от истины.

Вот, например, газетное сообщение из Царского села — городка, жители которого, казалось, должны были особенно бережно хранить живую память о Пушкине. Но нет, и здесь праздник прошел по казенному трафарету: «В царскосельской мужской гимназии отслужена панихида... законоучитель гимназии сказал речь: а) об отношении искусства вообще и поэзии, в частности, к религии и б) о значении и силе молитвы за умерших. Хор гимназистов и наставников исполнил церковное пение с чувством и вкусом». Судя по этой заметке, о Пушкине и речи не было...

Но неверно было бы видеть в пушкинском празднике 1880 года только эту его сторону. Он характерен и замечателен тем, что в нем сказали свое слово не только реакционные — монархические, церковные, охранительные силы, но и прогрессивные — те, кому имя Пушкина было дорого как знамя свободолюбия и свободомыслия, прогресса, подлинно народного дела борьбы против реакции и мракобесия. Пушкинский праздник стал не только поводом для прославления «царя-освободителя» (к слову сказать, через 9 месяцев убитого бомбой народовольцев) и для проповеди религиозных идеалов — он стал и подлинным праздником русской национальной культуры, привлек внимание и интеллигенции и народа к имени Пушкина, к его произведениям. В ряде городов появились Пушкинские улицы, мемориальные доски на домах, где он жил, во многих местах были учреждены пушкинские стипендии для студентов и гимназистов, пушкинские премии за успехи в учебе и лучшие сочинения и т. д. Знакомство русских людей с Пушкиным с 1880 года двинулось вперед быстрее, чем прежде.

Но не только этим был примечателен пушкинский праздник для своего времени, интересен и для нас, отмечающих сегодня уже сотую его годовщину. Вековые газетные подшивки, номера журналов того времени, мемуары современников доносят до нас жаркую атмосферу острой идейной схватки, в которую оказались втянуты практически все общественные силы России.

Царское правительство, церковь, охранительная пресса готовили пушкинский праздник как торжество, которое призвано было воцарить в русском обществе «дух объединения», «примирить враждующие партии». Газеты приводили такие, например, выдержки из верноподданнических адресов, присланных на имя председателя комитета по сооружению памятника принца Ольденбургского: «Под высоким знаменем этой чистой, свежей и здоровой поэзии могут дружно идти рука об руку старики и дети, вельможи и бедняки, ученые и художники, народники и космополиты...» Ясно, о каком «единении» «вельмож и бедняков» идет здесь речь. В этом духе на празднике выступил М. Н. Катков, этот, по выражению Ленина «верный пес самодержавия»[6], поднявший тост за «примирение людей разных мнений».

Эту тенденцию к социальному «примирению» еще больше оттеняли раздававшиеся со страниц реакционной печати призывы дать отпор тем силам, которые, как ожидалось, могли выступить не в унисон с монархически-церковным звучанием праздника. Вот, пожалуй, наиболее характерный пример. За несколько дней до открытия памятника реакционнейшая газета того времени «Берег» в выражениях, звучащих сегодня довольно туманно, но вполне понятных для тогдашнего читателя, клеймила те «элементы», которые «готовы были бы чествовать в Пушкине человека, подвергавшегося административным высылкам». «Нельзя пройти молчанием, — писала эта газета, — что будто некоторые кружки хотели придать пушкинскому празднику характер «дела либеральной интеллигенции»... Говорят, подготовлялись какие-то речи». И заканчивала выражением уверенности, что «все нечистое, тенденциозное, одностороннее» не посмеет приблизиться к статуе Пушкина.

То, что «Берег» осуждающе именовал «тенденциями» и «односторонностью» неких «элементов», на самом деле было светлым знаменем того времени, времени начавшегося в конце 70-х годов второго (после начала годов 60-х) подъема демократического, революционного движения в России. В этих условиях прогрессивные силы возлагали на открытие памятника Пушкину свои надежды — прямо противоположные надеждам монархического, церковного, охранительного лагеря. Обстановку духовного подъема, охватившего в те дни тянувшуюся к свету молодежь, запечатлела вышедшая анонимно брошюра «Вопросы дня. Памятник Пушкину в Москве»:

> В обстановке, говорится в брошюре, когда «глумятся над всеми, кто осмеливается взывать к прогрессу и свободе, и каждый либеральный помысел обзывается крамолой, антинациональной пропагандой и государственной изменой», с открытием пушкинского памятника «чем-то новым, свежим и живым пахнуло в душном воздухе... Пробуждаются народные чувства, с ними воскресают и вера, и надежда, и любовь, которые вызовут стремление к правде. Вот культурная сила пушкинского памятника, возвышающегося над Москвой, но для всей России».

Сколь разные помыслы и чувства пробуждало торжество открытия пушкинского памятника в различных классах и слоях, в противоположных лагерях русского общества! И не удивительно, что это событие вызвало острое столкновение мнений.

В центре этой схватки идей оказалась речь Достоевского, произнесенная им 8 июня на заседании Общества любителей российской словесности в Колонном зале Благородного собрания (ныне Дом Союзов).

На пушкинском празднике присутствовали и выступали чуть ли не все литературные знаменитости того времени: И. С. Тургенев, А. Н. Островский, И. С. Аксаков, А. Ф. Писемский, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Д. В. Григорович и другие, — но ни одна речь не произвела такого впечатления, как речь Достоевского. По единодушному мнению публики и печати, после того момента, когда с памятника спала

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 250.

покрывавшая его завеса, выступление Достоевского было самым ярким эпизодом пушкинского праздника.

Не будем здесь подробно пересказывать эту знаменитую речь — она достаточно известна. Напомним только главную ее тенденцию, главную идею, которую вложил в нее Достоевский, которая, собственно, и вызвала бурю откликов и оживленное обсуждение.

Достоевский говорил о Пушкине как о народном, национальном русском поэте, но народность, национальные черты истолковал в религиозном духе: русская душа, «всечеловечная и всесоединяющая», призвана вместить, по его словам, «с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону». Вера в великое будущее России получала у Достоевского мессианскую окраску: «Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «в рабском виде исходил, благословляя», Христос. Почему же нам не вместить последнего слова его?»

В этом контексте мистический смысл приобретали и те слова, которыми Достоевский начал свою речь: «Пушкин есть пророчество и указание», — и те, которыми он ее закончил: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Фигуру Пушкина, только что вставшую на постаменте в центре Москвы, Достоевский озарил мистическим светом мессианского предназначения, знамения свыше.

Во время открытия памятника художник Николай Чехов, брат А. П. Чехова, сделал несколько зарисовок, напечатанных затем в журнале «Всемирная иллюстрация». Воспроизводим одну из них.

Но это еще не все. Достоевский выразил и свое понимание вопросов, которые живо волновали в то время общественность России: о служении народу, о «работе на ниве народной». Он обратился к образам пушкинских «скитальцев» — Алеко и Евгению Онегину, воплотившим в себе «необъятные стремления русской ищущей души», и от пушкинских времен протянул живую нить связи к годам 70—80-м, к тогдашней молодежи, волнуемой такими же «проклятыми вопросами». И вот его решение «проклятого вопроса», «по народной вере и правде»: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве... Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду».

Вместо ответа на вопрос: как активно служить народу и бороться за его счастье, — призыв выйти на «спасительную дорогу смиренного общения с народом», призыв борьбу и деятельность заменить смиренным самосовершенствованием в христианском духе... Не такого ответа ждала от Достоевского тогдашняя молодежь. Он дал ей как раз тот ответ, который устраивал правительство, церковь, реакционные силы.

Как могло получиться такое — ведь мы знаем, что Достоевский отнюдь не был апологетом царского самодержавия и официального православия? Ответ на этот вопрос потребовал бы основательного углубления в сферу непримиримых противоречий, которыми отмечены и художественное творчество Достоевского, и его религиозные искания, что уже выходит за рамки журнальной статьи и увело бы нас слишком далеко от темы нашего разговора. Отметим здесь только, что указанные неразрешимые противоречия воплощались порой и в такие формы, как эта речь писателя, которой суждено было стать последним его словом (спустя полгода Достоевский умер).

Для понимания этой речи необходимо учитывать, что Пушкин всегда привлекал пристальное внимание Достоевского, был для него тем великим предшественником, в творчестве которого он искал ответ на свои самые сокровенные вопросы. При этом оценка Пушкина Достоевским далеко не однозначна. В его художественных и публицистических произведениях, письмах, дневниках разных лет рассеяны такие суждения о Пушкине, с которыми основная идея речи 1880 года пребывает в явном противоречии (впрочем, с этой основной идеей контрастируют некоторые фрагменты и самой речи).

При этом следует иметь в виду, что в последние годы жизни Достоевского царское правительство предпринимало особые усилия, чтобы завоевать его перо и популярность у читающей публики для апологии своей государственной политики. В это время Достоевский лично знакомится со многими членами царской семьи, часто бывает при дворе, общается с высшими представителями власти и знати. Особое место среди них занимал К. П. Победоносцев, с которым Достоевский сблизился еще с начала 70-х годов.

Победоносцев — одна из самых мрачных фигур царского самодержавия и клерикализма конца XIX — начала XX века. С начала 70-х годов он — сенатор, член Государственного совета, преподаватель законоведения царским сыновьям. Незадолго до описываемых нами событий Александр II назначил его обер-прокурором святейшего синода — руководителем духовного ведомства самодержавия, каким была русская православная церковь. Особую силу Победоносцев приобрел при Александре III, став фактическим главой правительства и главным идейным вдохновителем реакционных сил; крупную роль играл он и в царствование Николая II. Вот именно Победоносцев и был избран на роль политического руководителя писателя, чтобы направлять его перо в нужное для самодержавия и правительства русло.

Несомненно влияние Победоносцева на Достоевского и во время подготовки пушкинской речи, и в дальнейшем развитии ее идей на страницах выпускавшегося Достоевским периодического издания «Дневник писателя».

Готовя текст речи, Достоевский писал Победоносцеву 19 мая: «Мою речь о Пушкине я приготовил, и как раз, в самом крайнем духе моих (наших то есть, осмелюсь так выразиться) убеждений». Достаточно красноречив и отклик Победоносцева на пушкинскую речь Достоевского: «Порадовался я душевно, что вы исполнили свое желание, о котором писали мне, и исполнили с таким успехом, отодвинуть назад безумную волну, которая готовилась захлестнуть памятник Пушкина. Радуюсь за вас, и особливо за правое дело, которое вы выручили».

Решив выпустить свою речь отдельным изданием в «Дневнике писателя» с обширными комментариями, Достоевский делится этим замыслом с Победоносцевым, сообщая ему: «Здесь уже высказываюсь окончательно и непокровенно, вещи называю своими именами. Думаю, что на меня поднимут все каменья». Победоносцев ему отвечает: «Как я радуюсь полученному от вас известию о скором выпуске «Дневника». В добрый час и благослови вас боже!» А услышав, видимо, в словах о «каменьях» какое-то сомнение, ободряет и укрепляет: «Лишь бы ваша мысль стояла в вас самих ясно и твердо, в вере, а не в колебании, — тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах — еже есть журналы и газеты наши. Пусть их блядословят сколько угодно: ваша речь найдет себе дорогу сквозь весь этот лай паршивых шавок». Когда же вышел этот выпуск «Дневника писателя», Победоносцев поздравил и поблагодарил Достоевского: «Тут есть страницы из лучших, писанных вами. Спасибо вам за то, что сказали русскую правду... Желаю этому листку самого обширного распространения». Благодарность высшего государственного чиновника, обер-прокурора синода звучала как официальное самодержавно-церковное одобрение.

Чтобы показать, какую роль отводили самодержавие и церковь Достоевскому, приведем еще один красноречивый документ. На следующий день после смерти Достоевского, 29 января

1881 года, Победоносцев писал наследнику престола (через месяц ставшему императором Александром III): «Смерть его — большая потеря для России. В среде литераторов он едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благодетельно. Теперь некому заменить его».

Идеи своей речи Достоевский развил и дополнил в выпуске «Дневника писателя», вышедшем в августе и переизданном в сентябре того же 1880 года. Прежде всего здесь усилен провиденциальный мессианский, религиозный мотив. В частности, вот как высказался он по проблеме просвещения русского народа: «Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его... Вместе с ним, с Христом, уж конечно принял и истинное просвещение... Христианство народа нашего есть и должно оставаться навсегда самою главною и жизненною основой просвещения его!»

Развивая свой призыв к смирению и самосовершенствованию, Достоевский в «Дневнике писателя» рисует умилительную картину результатов «личного самосовершенствования в духе Христовой любви»: гоголевская Коробочка становится «настоящей», «совершенной» христианкой — «настоящей матерью» своих крепостных. «Ну какие же тогда рабы и какие же господа, помилуйте!.. Все будут воистину новые люди, Христовы дети... Не начало только всему есть личное самосовершенствование, но и продолжение всего и исход».

В «Дневнике писателя» Достоевский вводит и мотивы, которых не было в речи. Он рисует картину «повсеместного, общего и ужасного падения» Европы, причина которого в том, что она представляет собой «муравейник, давно уже созидавшийся в ней без церкви и без Христа». Рисует ужасы революции: «Грядет четвертое сословие», «вот пролетарий на улице», «все старое рухнет навеки». Только христианская Россия, считает Достоевский, остановит этот разрушительный поток: «Волны разобьются лишь о наш берег».

Итак, как видим, здесь Достоевский действительно высказывается окончательно: Христос, Евангелие, религиозная вера — основа нравственности, альфа и омега народного духа, просвещения народа; путь к социальной справедливости — личное самосовершенствование в религиозном духе; отход от церкви, забвение Христа ввергает народы в ужас революции, и препоной ей может стать только народ — носитель Христа. Если в речи Достоевский предрекал «богоносному» русскому народу миссию изречения миру окончательного слова великой гармонии и согласия по Христову евангельскому закону, то здесь он возлагает на него еще и миссию быть препоной грядущей с безбожного Запада революции пролетариев.

Нет возможности в одной статье сколько-нибудь подробно обозреть все поле той битвы идей, которую вызвала речь Достоевского и комментарии к ней в «Дневнике писателя», — это тема особого разговора. Отметим лишь, что спор вышел далеко за пределы не только пушкинского праздника, но и того круга вопросов, который был затронут Достоевским. При этом, хотя раздавались упреки и из либерального лагеря (по частностям, не посягающие на саму концепцию), главная борьба развернулась прежде всего между двумя полярными направлениями тогдашней российской общественной мысли: монархически-клерикальным и демократически-революционным. «Две партии в бою, в настоящем организованном бою», — так оценил эту полемику сам Достоевский.

В реакционном лагере нашлись даже «критики справа»: откровенному мракобесу, монархисту-клерикалу К. Н. Леонтьеву проповедь Достоевского показалась слишком «розовой». По его мнению, русским людям не нужны общегуманные призывы, а послушание церкви, духовенству; нужно не «слово любви», а «страх божий», воспитывающий у народа «долготерпение и смирение» перед «земными властями».

С иных позиций велась критика речи Достоевского из прогрессивного, демократического, революционного лагеря. Как записала в дневнике слушавшая Достоевского Е. П. Леткова, позже близкая к народникам писательница, а тогда еще юная курсистка, «левая молодежь сразу встала на дыбы почти от первых же слов Достоевского... Проповедь «смиренного» общения с народом и личного совершенствования в христианском духе... определенно поставила Достоевского вместе с врагами того движения, которое владело в эту эпоху всеми симпатиями молодежи».

М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский, Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов, Н. С. Лесков и другие писатели и публицисты-демократы сказали свое слово в этом споре. Проповеди смирения и самосовершенствования в христианском духе они противопоставили призыв подлинного служения народу, призыв к борьбе за его счастье. Вот только одна выдержка — из статьи идеолога народничества Н. К. Михайловского в журнале «Отечественные записки»:

«Мы начали работать головой и сердцем в темную ночь... Мы знали, что свобода придет, как всякий знает, что утром взойдет солнце... Но утро было так далеко... Интересы народа стали для нас краеугольным камнем политического мышления...

Говорят, у нас скоро весна будет; говорят, ласточки уже прилетели и мы начнем скоро полною грудью вдыхать свежий, живительный и весенний воздух... Если мы в самом деле находимся накануне новой эры, то нужен прежде всего свет, а свет есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна без личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требует гарантий... Надо только помнить, что новая эра очень скоро обветшает, если народу от нее не будет ни тепло, ни холодно».

Вот на какие гражданские, социальные высоты выходила полемика, разбуженная открытием пушкинского памятника.

Так Пушкину, вознесшемуся бронзовой непокорной главой «над Москвой, но для всей России», снова, как и при жизни, суждено было оказаться в самом центре идейной борьбы.

«ТИМОНЯ»

● **ПО-КУРСКИ** выступать в хоре — значит, и петь и плясать одновременно. Песни — «люлёшные», удалые, заливистые. Как пойдут выводить «лёли, лю-ли...» и еще всякие «люли» разноголосицей, перебивая друг друга голосами, похожими на волынку запевками, так на первых порах и не разберешь, что это оказывается:

Каленое, точеное колесо, ой-лели-лё,
Хорошо катилося по дорожечке, ой-ли, далеко...
Поют и приплясывают, — мол, что же это за пение без припляса — без «Тимони»...

А с «Тимоней» обязательно нужно подскакивать в такт, поднимая при этом руки на особый манер. И уж тут кто кого перепоет и перепляшет. Отсюда, кстати, и крылатое местное выражение — «Скакать в хоре».

В прежние времена на такие праздники — «корогоды» собиралось чуть ли не все село Бобрава. Даже ребятня и глубокие старики становились в круг — человек на сто и больше. Песни «голосят» и в такт «скачут». В середину заходят музыканты с рожками, балалайками и скрипками, а еще обязательно с кувиклами — штук 10 тростниковых дудок связаны по высоте звука в пластину. На них первыми начинали женщины: «Фивк! Фи-и-вк!» И такой стон пойдет — вся Бобрава поднимается, в домах никого не остается.

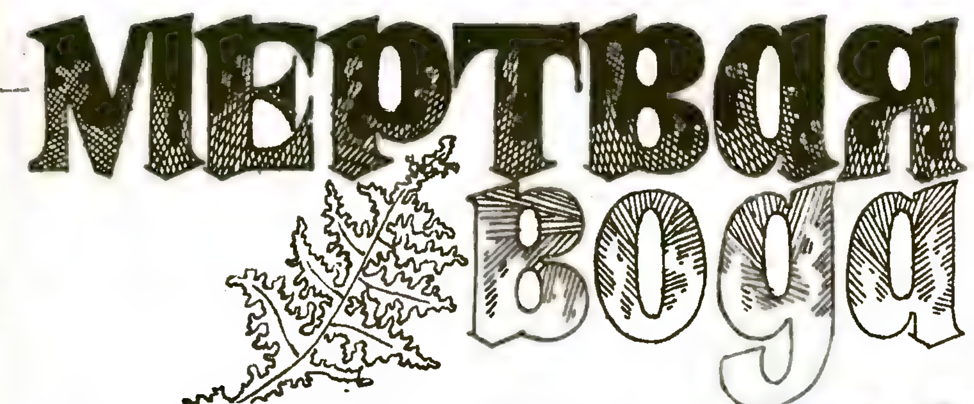
Начинают женщины. Костюмы такие, что царь Дарий погиб бы от зависти. Прямо над бровями — широченная шитая кайма налобника, на нем — «кукошник» с золотой киной, наподобие галочьего хвоста, он повязан к подбородку широкой лентой. К кокошнику пристегнут позатыльник золотого шитья, твердый и прямой, как дощечка, с тремя шитыми золотой нитью луковицами — символическое триединство. Поперек, по мелодии узора, выделяя и подчеркивая шитье налобника,— тканый камчатый платок. А уж на нем — пышный цветочный венок.

Тонкая вафельная ткань белоснежных рубах — похоже, только в Курской области умеют ткать такую, — собрана в мельчайшие складки на рукавах и шее, узорно и богато. Просторный черный сарафан на золотых парчовых лямках застегнут на груди медными золочеными пуговицами, а сзади собран в неисчислимое множество отутюженных складок, в талии перевязан тремя и более поясами, ткаными из шерсти и шелка, с кистями и стеклярусным набором. И уж, конечно, спереди — фартук шелковый и хрустящий, играющий на солнце так, что слепит глаза.

Сегодня запевают, как обычно, В. В. Морозова, О. Н. Подчелимова, Т. Н. Полянова, Н. Г. Струкова и первая заводила и хороводница О. Н. Качалина. Руководитель, признанный авторитет и знаток песен — Н. С. Шахова. Впервые уговорила их собрать хор тогдашний председатель сельсовета Н. С. Сакова. Концерты вначале готовили только к большим праздникам. Разыскивали наряды, собирали песни, заново ткали и шили, украшали монистами. Не пропало старание — снова стал моден на селе старинный курянский костюм.

Теперь как концерт — подавай автобус, а прежде... грязь такая, машина не идет, тянут трактором под песни люлёшные, едут на выступление! Понемногу сплотился хор, подобрался состав песен: «Точеное, каленое колесо», «Ворот, ворот», «Восход солнца», «За речкой огни горят» — всего и не перечислишь. И вот уже 17 лет прошло, дочери выросли, просятся в хор. Чуть не каждое воскресенье едут в Суджу, в Курске, во Львове побывали, на Центральном телевидении два раза выступали. Сколько дипломов привезли! И нет во всем Беловском районе людей известнее, чем бобравские плясуньи и певицы (см. иллюстрации на 3-й странице нашей обложки).

Ю. ХОЛОПОВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Найо МАРШ

РОМАН

Найо Марш — известная новозеландская писательница, признанный мастер детективного жанра. Творчество Н. Марш известно советскому читателю. В 1975 году в сборнике «Зарубежный детектив» был опубликован ее роман «На каждом шагу констебли». Роман «Мертвая вода» вышел в 1964 году. Публикуется в сокращенном виде.

Начало

1

Мальчик, спотыкаясь, взбирался на гору, ничего не видя перед собой от слез. Упал и долго лежал на солнце, судорожно всхлипывая, потом упрямо полез вверх. Высоко в небе пел жаворонок. С вершины доносилось журчание воды, а внизу, у мола, надрывались детские голоса:

Грязный Уолтер, мерзкий Уолтер.
Свои руки сунь в болото,
Дай полакомиться пьявкам —
Пусть прилипнут к бородавкам!

Родник был почти на самой вершине. Беря начало из небольшой пузырчатой заводи, он обрушивался крохотным водопадом вниз, на гальку и папоротники, а потом, деловито журча, свивался в таинственную воронку и исчезал в недрах земли. Над заводью высился валун, за которым начинались буйные заросли шиповника и папоротника, а дальше — кромка горы и солнце в голубом поднебесье.

Мальчик присел на корточки возле водопада, судорожно глотнул воздух, положил руки на землю и посмотрел на них. Бородавки облепили пальцы, точно черные наросты ракушек сваи мола. Детям не разрешали с ним играть.

Он сунул руки под холодную струю. Пальцы свело и закололо иголками, но он лишь зажмурил свои зареванные глаза.

— Не плачь.

Он открыл глаза, и их бы ослепило солнце, не загороди она его собой,— высокая, в зеленом одеянии, она возвышалась над валуном, вся в каком-то сиянии, как на экране телевизора, и он не смог разглядеть ее как следует.

— Ты почему плачешь?

— Мои руки... Они все в коросте.

— Вода их очистит.

— Неправда.

— Покажи-ка.

Он отнял руки от струи. Снизу донесся тоненький голосок: «Грязный Уолтер, мерзкий Уолтер, свои руки сунь в болото». Кто-то крикнул: «Ну, побежали!» И затопали детские ноги.

Ее голос слился с журчанием воды:

— Подставь их снова под струю. Повторяй за мной: «Прошу тебя, забери мои бородавки». Закрой глаза и делай то, что я тебе сказала.

Он сделал так, как она ему велела. В ушах звенело от шума воды. Перед глазами плыли светлые пятна. Свой голос казался таким далеким, а потом и

Рисунки И. Огурцова.

вовсе пропал. В лицо ударила струя ледяной воды, и он упал на мокрую гальку.

2

Прошли почти сутки, прежде чем на острове снова вспомнили про бородавки Уолли Триэрна. Его родители вставали поздно. Отец якобы потому, что он выходит на ночную ловлю, а мать... впрочем, об этом красноречиво говорили пустые бутылки из-под джина. В поселке их семью не уважали. В то утро Уолли, который всегда спал не раздеваясь, встал и, как обычно, поплелся к насосу умыться. Спросонок он не сразу увидел, что произошло с его руками.

Никто не может сказать, какие мыслительные процессы происходят в голове ребенка, тем паче такого, как Уолли Триэрн. Его явно распирало от гордости, когда он на виду у своих сверстников неуклюже приблизился к учительнице и протянул руки.

— Господи... Уолли! — воскликнула та. Взяла его руки в свои, посмотрела на них внимательно, пощупала.— Просто невероятно!

— Ну, уж прямо,— обиделся он.— Все сошли. — И расхохотался.

Школа находилась на материке, и эта новость достигла острова, вернее вернулась на него, лишь после занятий. По правде говоря, это был не остров, а скалистый пятачок суши на конце короткой и невысокой насыпи, скрывавшейся под водой во время приливов и штормов.

Уроки в школе вела молодая новозеландка мисс Дженни Уильямс, которая после окончания колледжа проходила в Англии практику. Она снимала на острове комнату в небольшой гостинице «Мальчик и омар». Эта красивая девушка с волосами каштанового цвета, шагавшая по насыпи в сторону острова, казалась в тот день особенно хороша — ветер развевал ее волосы и вздувал легкое платье. Сзади нее, спотыкаясь и неуклюже переваливаясь, бежал бедняга Уолли, время от времени издавая пронзительные птичьи крики.

Триэрны жили в одном из самых ветхих коттеджей. На Дженни наводило уныние царящее здесь запустение и сам вид миссис Триэрн — она сидела на ступеньках и вместо приветствия буркнула что-то нечленораздельное.

— Она под хмельком,— безошибочно пояснил Уолли.

— Будь добр, Уолли, найди мне раковину. Розовую,— попросила Дженни.

Понуро опустив голову, Уолли поплелся к морю и вскоре скрылся за лодками.

— Миссис Триэрн,— начала Дженни,— надеюсь, вы не рассердитесь, что я пришла к вам. Просто я хотела сказать, как я рада, что у вашего сына сошли бородавки... Это... просто невероятно. Ведь только вчера...— Она смутилась и замолкла.

Миссис Триэрн ухмылялась во весь рот. Она предложила Дженни выпить.

— Нет, благодарю вас, мне не хочется. Миссис Триэрн, вы разве ничего не заметили?

— Он у нас припадошный, наш Уолли! — Миссис Триэрн попыталась встать, но это ей удалось не сразу.— Проходите,— покровительственным тоном пригласила она, направляясь в дом.

Но тут на горизонте появился мистер Триэрн. Он ковылял со стороны моря. Сзади, на приличном расстоянии от него тащился Уолли.

В облике Джеймса Триэрна, черноволосого грузного мужчины с бесцветными глазками и безвольным подбородком, было что-то настораживающее, но в то же время и располагающее. Триэрн перевозил в своей лодке людей через пролив, рыбачил, выполнял случайные работы на острове и в деревне.

Покосившись на Дженни, он отметил, что денек нынче выдался прекрасный, и девушка сразу поняла, что и Триэрну ничего не известно об исчезновении бородавок у сына.

— А вам не удалось бы припомнить, когда это могло произойти,— допытывалась Дженни.— И как? Я спрашивала у него, но он все твердит, что это... из-за какой-то дамы. Будто бы он помыл руки в роднике на горе...

Мистеру Триэрну все это казалось явной бессмыслицей. Он с такой пристальной откровенностью разглядывал девушку, что ей стало не по себе. Порыв ветра взметнул подол ее платья, и она постаралась зажать его между коленями. Триэрн ухмыльнулся. Из дома, пошатываясь, выплыла миссис Триэрн.

— Ну, да господь с ними. Не буду вас задерживать,— поспешила сказать Дженни.— Всего наилучшего.

Она увидела Уолли, который брел от моря. Он дал ей большую раковину, треснувшую и помутневшую, но настоящего розового цвета.

— Спасибо,— поблагодарила мальчика Дженни.— Как раз то, что я хотела.

Ей показалось невыносимым уйти и оставить его здесь.

Когда она обернулась, он помахал ей рукой.

3

В тот вечер в небольшом баре для избранных гостиницы «Мальчик и омар» только и разговоров было об исцелении Уолли Триэрна. Вечер был чудесный, к тому же к восьми обнажилась насыпь. Кроме завсегдатаев-островитян, в баре сидели и постоянные клиенты из деревни: директор местной лечебницы доктор Мэйн, приходский священник преподобный Эдриен Кастерс, любивший при удобном случае подчеркнуть, что ничто человеческое ему не чуждо, а также какой-то высокий вертлявый юноша с настороженным выражением лица. Он чокался с Патриком Феррером, пасынком хозяина, приехавшим на каникулы из Оксфорда. Патрик не сводил глаз с Дженни Уильямс. Рядом с Дженни сидела мисс Элспет Кост, женщина с волосами неопределенного цвета и фальшивой улыбкой. Как и Дженни, она жила в гостинице, однако ходили слухи, будто бы где-то поблизости у нее есть собственный магазин. Мисс Кост увлекалась кустарными ремеслами и драматическим искусством.

Хозяин гостиницы дородный и цветущий майор Барримор сновал между стойками двух баров, обслуживая и простых посетителей, и почетных гостей. Он говорил громко, угощая с наигранным радушием, которое гармонировало с убранством бара. На Барриморе был клетчатый пиджак и перстень с печаткой.

— Трогательная история,— улыбаясь Дженни, вставил Патрик Феррер.

— Знаем мы разговоры про всяких цыганок и колдовство,— сказал вертлявый юноша.

— Да, но то разговоры, а тут мы все видим своими глазами, — возразила Дженни.— Господи, но кто же все-таки эта Зеленая Дама?

— Сплошная таинственность,— изрекла мисс Кост.— Зеленая Дама! — Она склонила голову набок и посмотрела на священника.— Ну, а что думаете по этому поводу вы?

— Бедняга Уолли! — Мистер Кастерс воздел руки к небу.— По-моему, все это его сказки.

— Однако то, что у него сошли бородавки, вовсе не сказки,— возразила Дженни.

— Нет, нет, конечно же, нет,— поспешил согласиться священник.

— Гм, сказки. Выходит, в ваших краях все еще не перевелись эльфы и привидения, так, святой отец? — Мисс Кост грубо грассировала «р».

Всем стало не по себе.

— Я полагаю, бедный мальчишка сам все это и придумал,— изрек майор Барримор и налил себе двойную порцию виски.— Но все равно здорово.

— А что нам скажет медик? — поинтересовался Патрик.

— Здесь я пас! — воскликнул доктор Мэйн, подняв кверху свои холеные руки.— Насколько я понимаю, медициной в данном случае и не пахнет.— Но видя, что от него ждут чего-то еще, раздраженно добавил: — Разумеется, всем нам доводилось слышать о подобных случаях. В них нет ничего сверхъестественного. Я знал одного дерматолога, который лечил своих пациентов молитвами и заклинаниями. Причем с успехом.

— Вот видите! — хлопнув в ладоши, воскликнула мисс Кост.— Ну, постойте. Ну, постойте! — с таинственным видом погрозила она.

Доктор Мэйн неприязненно покосился в ее сторону.

— Происхождение бородавок пока не установлено,— сказал он.— Возможно, их возбудителем является вирус. К тому же ребенок страдает эпилепсией. А ведь все известные науке заболевания имеют эмоциональную или нервную подоплеку.

— Ну, положим, не все,— возразил священник.

Доктор Мэйн неприязненно посмотрел в его сторону.

— А теперь угощаю я,— к удивлению всех заявил вертлявый юноша.

— Прекрасное предложение! — подхватил майор.— Спасибо, сэр.

— Скажите мне, а где находится этот ваш родник или пруд? — как бы между прочим спросил вертлявый.

— На горе, напротив мола,— пояснил Патрик.

— И мальчонка говорит, что какая-то дама в зеленом велела ему омыть руки в этой воде? А ночью отпали его бородавки? Так?

— Насколько мне известно, да,— кивнула Дженни.— Из бедного Уолли много не вытянешь.

— Вы говорите, мальчика зовут Уолли Триэрн? Он местный?

— Да.

— А может, бородавкам просто подошло время засохнуть? Совпадение?

— Ну, я бы не сказала.

— Понимаю,— что-то соображая, кивнул молодой человек.— Ну, так что будем пить? То же самое?

Все согласились, и майор стал разливать напитки.

— Могу показать вам слайд,— предложила Дженни.

— Неужели? Очень любопытно.

Дженни поднялась к себе и взяла цветной слайд младшего класса. На снимке Уолли сидел впереди, кисти его рук свободно свисали.

Она заправила слайд в аппарат и вернулась в бар. Молодой человек внимательно рассмотрел снимок и присвистнул:

— Ну и ну. Четкий снимок.

Пока аппарат передавали из рук в руки, открылась внутренняя дверь и в бар вошла миссис Барримор.

Это была очаровательная женщина с прекрасной фигурой и точеными чертами лица. Ее глаза светились безмятежным спокойствием.

Она замялась на пороге, вроде как от неловкости.

— Привет, мамуля. Мы здесь обсуждаем Уолли,— пояснил Патрик.

Миссис Барримор присела рядом с мисс Кост.

— Да? Не правда ли, все это странно? — заметила она.— До меня все никак не дойдет...— Она слегка заикалась и все время переплетала и расплетала пальцы. Дженни, которой очень нравилась мать Патрика, подумала: «Она явно тяготится своим положением хозяйки гостиницы. Интересно, почему?»

С появлением миссис Барримор все примолкли. И тут мисс Кост разразилась потоком красноречия:

— Можете смеяться надо мной сколько влезет, мне плевать. Я все равно скажу то, что думаю.— Она рывком подняла свой стакан с портвейном. — Я астматичка. С тех пор как я сюда приехала, каждый вечер ровно в половине девятого у меня случались приступы. Наверное, кто-нибудь из вас слышал, как я по вечерам хриплю и задыхаюсь в своей каморке. Ладно. Сегодня, услышав о том, что случилось с Уолли, я пошла к роднику, присела возле воды и вдруг меня как будто осенило. Я подставила руки под струю.— Она прикрыла глаза и возвела их к небу. Вино плескалось ей на руку.— И я произнесла в уме свое скромное желание. Я долго сидела там, просветленная, расслабленная. Потом спустилась вниз. А теперь взгляните на них! — Она указала театральным жестом на часы на стенке.— Пять минут одиннадцатого! — А мой голос чист и звонок, как колокольчик... Это произошло. Со мной!

— Мисс Кост, как я рад за вас! — нарушил воцарившуюся тишину Патрик Феррер. Со всех сторон посыпались бессвязные поздравления. Майор Барримор, который, казалось, так и искал, кому бы подмигнуть, воскликнул: — «И пусть так будет во веки вечные!» «Аминь!» — подхватила мисс Кост. Священник ерзал как на угольях. Доктор Мэйн поинтересовался у мисс Кост, не видела ли она каких-нибудь зеленых дам.

— Нет! — отрубила она и метнула в него недобрый взгляд.

— Похоже, вы в этом не совсем уверены, мисс Кост.

— Я сидела с закрытыми глазами,— быстро пояснила она.

— Понятно.

Вертлявый юноша воскликнул:

— Лучше я сразу признаюсь вам, что у меня к этому... ммм... профессиональный интерес. Хоть я теперь и на отдыхе, но газетчик есть газетчик. Мне кажется, материальчик хоть куда. Полагаю, наша газета захочет рассказать об этом чуде своим читателям. Кеннет Джойс из «Лондон сан». Колонка К. Дж. припоминаете?

— О, только не это! — вдруг вырвалось у миссис Барримор. — Прошу прощения,— тут же поправилась она.— Просто мне это будет неприятно.

— Совершенно с вами согласен,— поддержал доктор Мэйн.

Они быстро обменялись взглядами.

— Боюсь, мистер Джойс, я тоже против этой затеи,— подал голос священник.

— И я,— сказала Дженни.

— Неужели? — удивился мистер Джойс.— Очень жаль. А я собрался попросить у вас этот снимок. Моя газета вам заплатит.

— Нет,— отрезала Дженни.

— Господи, какая категоричность.— Мистер Джойс оглядел собравшихся.— Но я не пойму, почему?

— И я не пойму,— подхватил майор. — Не вижу в этой затее ничего плохого. Ведь здесь все без брехни, не так ли? К тому же чертовски занимательно.

— Согласна с вами целиком и полностью! — с пылом воскликнула мисс Кост.— У нас в газетах пишут одну ерунду, так почему б им не написать о таком замечательном происшествии, как исцеление Уолли?!

— Ну, что же, вы по крайней мере раскрыли свои карты,— сказал Патрик газетчику и криво усмехнулся.

— Он просил у Дженни снимок, хотя он у него уже есть,— спокойно заметила миссис Барримор.

Все в удивлении уставились на нее.

— Ну, мама, даешь,— воскликнул Патрик.— Весьма решительное утверждение.

— И надо сказать, убедительное,— ввернул доктор Мэйн.

— Я бы не сказал,— громко возразил майор Барримор, и Дженни уловила в его тоне давнюю неприязнь.

— Конечно же, она права,— с напускной искренностью признался мистер Джойс. — Я действительно хотел получить этот снимок. Тут все дело в профессиональном этикете. Моя газета перепечатывает только оригиналы.

Он взял свой стакан, подсел к мисс Кост. Миссис Барримор встала и, пожелав спокойной ночи, удалилась.

4

«А ВЫ КАК ДУМАЕТЕ?

Вы верите в волшебниц?

А вот Уолли Триэрн верит. У этого маленького мальчика с острова Порткарроу все руки были усыпаны бородавками, и он от них ужасно страдал.

С мальчонкой не водились другие ребятишки. Однажды Уолли помыл руки в водопаде Феи и... об остальном вы догадались сами.

Вот какими были его руки до этого.

А вот какими они стали теперь.

Уолли, которого вы видите вместе с родителями на верхнем снимке на фоне водопада Феи, говорит, что таинственная Зеленая Дама «сказала мне смыть их».

Родители утверждают, что никакого другого лечения не проводилось.

Мисс Элспет Кост (на вкладке) излечилась от хронической астмы.

Местный врач отказался прокомментировать эти события».

Доктор Мэйн прочитал то, что было на 9-й странице, буркнул что-то себе под нос и начал утренний обход.

Лечебница была очень маленькая: всего шесть одноночных палат для пациентов да квартиры, где жили две санитарки и сам доктор Мэйн, вдовец. Веранда с задней стороны дома выходила в большой сад, за ним были видны поля, море и остров.

В настоящее время здесь лечились четыре пациента, все выздоравливающие. Одна из них, дама преклонного возраста, уже дышала свежим воздухом на веранде. Она держала в руках «Лондон сан».

— Итак, миссис Торп, дело идет на поправку, не так ли? — сказал Мэйн, склонившись над ней.— Думаю, в ближайшее время мы разрешим вам небольшую прогулку.

Миссис Торп тщеславно улыбнулась.

— Здесь девственные леса. Таких теперь мало,— сказала она, указывая вдаль.— Нет этих ужасных туристов.— Она замялась.— Доктор Мэйн... вы не читали «Лондон сан»?

— Очень внимательно. Сегодня будет хороший денек.

Она легонько подтолкнула его:

— Да не притворяйтесь! Вы ведь прекрасно меня поняли. Там написано про наш остров!

— А, вы вот о чем. Да, читал.

— И что вы думаете на этот счет? Только честно.

Он ответил ей то же самое, что и Патрику Ферреру. Дескать, о подобных случаях ходит много разговоров, но медициной здесь не пахнет.

— Мой маленький племянник так от них страдает,— задумчиво произнесла миссис Торп.— К тому же их считают заразными. Интересно, а может...

Все остальные пациенты только об этом и говорили. У одной была двоюродная сестра, которая страдала от хронической астмы.

Мисс Кост читала и перечитывала заметку, особенно ту ее часть, где говорилось, какой она была раньше мученицей и как непоколебимо уверовала в целебные свойства воды. Кажется название «водопад Феи» принадлежит не ей, но все равно это звучит красиво... Жаль, у нее не было времени сделать прическу перед тем, как ее сфотографировал друг мистера Джойса, да и рот следовало закрыть поплотней. Но все равно великолепно. Когда спала вода, она направилась в газетный киоск. К сожалению, все экземпляры «Лондон сан» оказались распроданы. На них был сегодня такой спрос. Мисс Кост с профессиональным пренебрежением разглядывала прилавок. Почти никаких сувениров, скудный набор открыток. Она купила три штуки с изображением острова и исписала их своим красивым почерком. Это сообщение должно заинтересовать ее подруг, у которых был артрит.

Слегка дрожащей рукой майор Барримор поставил на блюдечко пустую кофейную чашку. Его гладко выбритые щеки отливали нездоровым багрянцем.

— Быстро они сообразили,— отметил он.— Эти газетчики времени даром не

теряют.— Он взглянул на жену.— Читала?

— Просмотрела.

— Ну, теперь все загорятся. У газеты огромный тираж. Не удивлюсь, если сюда хлынут толпы. От этого наша гостиница только выиграет.— Она молчала.— Черт побери, Маргарет, ты сегодня похожа на дохлую рыбу. Как будто на острове кто-то помер, а не вылечился.

— Извини меня, Кейт.

Он открыл газету на странице, посвященной скачкам.

— Где твой сын?

— Они с Дженни Уильямс поплыли в Южный залив.

— Очень они сдружились за последнее время, а?

— В этом нет ничего дурного. Дженни хорошая девушка.

— Может, ты и права. А это не мешает его зубрежке?

— Он и так много занимается.

— Ну, не рассказывай сказок.— Майор зажег сигарету и зашуршал газетой. Зазвонил телефон.

Миссис Барримор сняла трубку.

— «Мальчик и омар». Да, да.— В трубке громко щелкнуло. Она сказала мужу: — Это Лондон.

— Если это миссис Уинтерботтом, меня нет дома,— предупредил майор, имея в виду владелицу острова.

— Да, — говорила в трубку миссис Барримор. — Разумеется, возможно. Комнату на одного? Продиктуйте, пожалуйста, свою фамилию.

В тот день их еще дважды вызывала междугородняя. К концу недели все пять пустовавших комнат в гостинице были заняты.

В «Лондон сан» посыпались письма. В пятницу откликнулось телевидение.

Наступили школьные каникулы, а с ними кончилась работа Дженни Уильямс в Порткарроу.

— Нет, ты только взгляни! — воскликнул мистер Кастерс, хлопнув рукой по лежавшей рядом с его тарелкой газете.— Негодный человек! Все-таки написал!

— Да, я видела,— кивнула миссис Кастерс.— Итак, что пишет этот мясник? — Она погрузилась в изучение счетов за месяц.

— Но, Далси, это ведь слишком. Я в ярости,— не совсем уверенно сказал священник.— Я очень зол.

— Да? Но почему? Тебе это кажется вульгарным, да? Интересно, что мистер Нэнкивелл подразумевает под 2 ф. первос. выр., если мы никогда не брали у него вырезку, тем более первосортную. Он видно спятил.

— Дело не только в вульгарности, Далси. Это отразится на нашей деревне.

— Каким образом? А это что написано? Три пенса и полпенни...

— Конечно же, я рад за мальчика. Радуюсь и поминаю его в своих молитвах.

— Ну, ясное дело.

— Мы должны благодарить всевышнего, но не спешить с выводами.

— Придется мне поговорить с Нэнкивеллом. С какими выводами?

— Какой-то идиот вбил Триэрнам в голову, что это... о, боже мой, что это было...

— Чудо что ли?

— Не надо! Об этом нельзя говорить вслух! Это слово должно произноситься в редчайших случаях, а эти двое им спекулируют.

— Нет, дорогой, я уверена, здесь нет никакого чуда. Но все равно достойно удивления.

— Как и все исцеления. Они свидетельствуют о милосердии господнем, моя милая.

— Триэрны были пьяные?

— Как сапожники. Ума не приложу, что делать.

— Не волнуйся по пустякам. Мне кажется, все скоро успокоится.

— У меня есть опасения,— мрачно возразил ей муж.— Да, Далси, у меня есть кое-какие опасения...

— А остров большой? — спрашивала Дженни, подставляя солнцу спину.

— Крошечный. Наверно, всей суши акров четырнадцать.

— И кому он принадлежит?

— Одной старой даме по имени Фанни Уинтерботтом, вдове короля шпилек.

— Ей принадлежит и гостиница и все остальное?

— Да. А моя мать, когда демобилизовали отчима, купила акции.

— Здесь божественно. И красота не слащавая. Этот залив похож на наш. Мне очень жаль отсюда уезжать.

— Ты скучаешь по дому, Дженни?

— Иногда. Немножко. Скучаю по настоящим горам и нашему образу мышления. Поначалу я все здесь встречала в штыки, меня тошнило при виде коттеджа Триэрнов, бесила людская ограниченность. Теперь же... все это очень странно, но я куда больше тебя возмущена по поводу той заметки в газете. И не только из-за Уолли. Я расцениваю это как оскорбление всему острову.

— Я тоже страшно разозлился.

— Когда я думаю о том, что этому скоту удалось выманить у Триэрнов фотографию класса, а меня нагло обвести вокруг пальца...

— «Рыжеволосая Дженнифер Уильямс говорит, бородавки были просто омерзительные»,— процитировал по памяти Патрик.

— Да как он смел!

— А волосы у тебя вовсе не рыжие. На солнце они отливают медью. Нет, скорее золотом.

— Не кажется ли тебе, что это может повлечь за собой массовое вторжение на остров? Сюда повалят со всех концов земного шара усыпанные бородавками и задыхающиеся от астматического удушья люди.

— Родник загородят проволочной сеткой.

— И пройти за нее можно будет только за деньги.

— Все завешают фонарями.

— А мисс Кост откроет «Лавку чудес».

— Мрачная картина.— Патрик поднял камушек и швырнул его в Английский канал.— Полагаю, однако, что это пахнет выгодой.

— Безусловно.— Дженни повернулась в его сторону и села.— Ну и что дальше? Какой от всего этого прок?

— Моя дорогая добродетельная Дженни, конечно же, от этого есть прок. Не знаю, сталкивалась ты в своем идиллическом полушарии с проблемой матернальных трудностей или нет. Если нет, то могу тебя заверить, это не слишком приятно.

— Представь себе, сталкивалась. Ну, прости меня, Патрик. Я ведь ничего не знала.

— Прощаю. А знаешь, если дела в гостинице не поправятся или же мой отчим не согласится прекратить денежные отношения с букмекерами и не перестанет прикладываться к бутылке с виски, ты проживешь на острове дольше нас.

— Патрик!

— Боюсь, это так и будет. А я уйду из Оксфорда, буду ходить по квартирам и продавать пластмассовые расчески. «Купите расческу для ваших чудесных золотисто-каштановых волос». Но это все пустяки. А вот мама... Ей и так не сладко живется, но здесь она хотя бы...— Он встал.— Ну, что ж, Дженни, перед тобой тот самый случай английской сдержанности, над которой ты подтруниваешь.— Он пошел к лодке и вернулся с корзиной.— Мне очень жаль, что пришлось говорить обо всем этом. Давай искупаемся до отлива, а потом закусим?

Они наплавались до изнеможения, потом вышли на берег и набросились на еду.

— Видишь тот выступ прямо напротив нашего пляжа? — спросил Патрик.— За ним родник. Ты помнишь, что мисс Кост в своем интервью назвала его водопадом Феи?

— Да. Отвратительно.

— Сантименты и выгода — приятели неуживчивые,— изрек Патрик. — Конечно, красиво встать в театральную позу и заявить, что лучше торговать пластмассовыми расческами, чем видеть, как проституируется твой любимый уголок. Наш остров останется таким, каким мы его любим, Дженни. Только мы сами этого уже не увидим. Через два года все забудут о случае с бородавками Уолли Триэрна.

Он отчаянно заблуждался. Не прошло и двух лет, как остров преобразился до неузнаваемости.

Мисс Эмили

1

— Вся беда с моими родственниками в том, что они слишком много мнили о себе,— говорила мисс Эмили на безукоризненном французском языке.

Ее голос звучал на высокой нравоучительной ноте. Он напоминал Аллейну о былом, и его сердце сжалось от тоски. Вот так же когда-то сидел он в этой самой комнате — она с тех пор почти не изменилась, чего нельзя сказать ни о нем, ни о мисс Эмили. Здесь он, будущий дипломат, бился над неправильными французскими глаголами и слушал увлекательнейшие рассказы о скандальных происшествиях тех дней, когда отец мисс Эмили был священником при британском посольстве в Париже. Интересно, сколько ей теперь лет? Восемьдесят? Он встряхнулся и внимательно прислушался к ее рассказу.

— ...Моя сестра, Фанни Уинтерботтом, тоже не избежала этой ошибки. Она вышла замуж за некоего Джорджа Уинтерботтома, процветающего торгаша. Он умер, оставив ее бездетной вдовой с более чем приличным состоянием. В него входит и этот так назы-

ваемый остров, о котором я вам писала в письме.

— Порткарроу.

— Именно. Разумеется, вы наслышаны о событиях на этом доселе ничем не примечательном клочке суши.

— Само собой.

— Поэтому не стану вдаваться в подробности. Достаточно напомнить вам, что в течение двух последних лет там возник, оформился и теперь процветает культ, который я резко осуждаю и который является причиной моих переживаний. Насчет этого я и хотела с вами посоветоваться.

— Весь к вашим услугам.

— Спасибо. Ваш акцент ухудшился. Итак, продолжу. Фанни побывала на острове, расспросила того ребенка и даже опустила в родник свой большой палец, который у нее в то время нарывал. И нарыв, вероятно, под действием холодной воды, лопнул. Разумеется, он просто созрел к тому времени, но Фанни поспешила заявить, что свершилось чудо. Начался ажиотаж, и в карман к моей сестре потекли деньги. Расширилась гостиница, родник обнесли загородкой, в газетах появились объявления. Одним словом, местные жители, как я подозреваю, гребут деньги лопатами.

— Я думаю.

— Так вот, моя сестра Фанни умирает в возрасте восьмидесяти семи лет и ее состояние переходит ко мне. Вы, наверно, уже догадались, что я отказываюсь поддерживать этот дешевый балаган, а тем более наживаться на нем.

— Вы решили продать остров?

Она махнула рукой.

— Продать остров — значит, нажиться на его дурной славе и открыть этому сумасбродству зеленую улицу. Я же намереваюсь вернуть остров к его прежнему состоянию. Я уже дала указания своим душеприказчикам известить об этом заинтересованных лиц.

— Понимаю.— Аллейн встал и взглянул сверху вниз на свою наставницу. «Какое поразительное самообладание», — подумал он.

— Вы хотите сказать, что в свои восемьдесят три года я не должна пускаться во всякие авантюры. Да, Родерик?

— Меня поражает, мисс Эмили, почему вы, собственно говоря, так лютуете? Разумеется, вас отталкивает неизбежная вульгарность, присущая...

— И это тоже. Но еще больше эксплуатация родника в корыстных целях. Главное же в том, что мне самой пришлось соприкоснуться с этим обманом. У моей любимой подруги нашли злокачественную опухоль и убедили ее в том, что она излечится на острове. А дальше было жестокое разочарование, горькая досада и смерть — все это повлияло на меня самым страшным образом. Я лучше сама умру, чем получу малейшую выгоду от еще одной подобной трагедии.

— Да, теперь я вас понимаю,— кивнул Аллейн.

— Но не понимаете, почему я обратилась за помощью именно к вам. Так вот, я написала письмо майору Барримору, управляющему гостиницей, и сообщила ему о своем решении. А также поставила в известность о намерении посетить остров и посмотреть, как оно претворяется в жизнь. К тому же я известила владелицу магазина, некую мисс Элспет Кост, о том, что ей необходимо подумать о своем будущем. Я сообщила ей, что если она не хочет превратить свой магазин в обычное заведение подобного рода, не перестанет наживаться на роднике и не откажется от этой нелепой затеи с фестивалем, который широко рекламируется в печати, то я даю ей три месяца срока на свертывание дела.

— Майора Барримора и мисс Кост, должно быть, всполошили ваши письма.

— Судя по всему, до такой степени, что они лишились возможности на них ответить. Письма я отправила неделю назад. И никакого официального уведомления о получении до сих пор не имею.

— А неофициальное?

— Судите сами.

Она вручила ему несколько листков. Их было пять. Разлинованные листки из ученической тетради, на которые наклеили вырезанные из газет буквы. На первом целая вырезка из газеты с перечислением случаев исцеления родниковой водой. Он узнал по шрифту «Лондон сан». Под вырезкой предложение из отдельных слов, тоже позаимствованных из газет. «Угроза закрыть чревата последствиями». На другом коротко: «Осторожно опасность», на третьем: «осквернение предотвратим любыми способами», на четвертом: «жители подготовились вмешательство окажется РОКОВЫМ» и на последнем целая строчка из газеты: «СМЕРТЬ СТАРОЙ ДАМЫ» и дальше из отдельных букв: «ею можете оказаться ВЫ».

— Что ж, занятная коллекция,— отметил Аллейн.— Когда вы их получили?

— Они приходили одно за другим в течение последних пяти дней. Первое, вероятно, отправили сразу же по получении моего письма.

— Вы сохранили конверты?

— Да. На них стоит штемпель Порткарроу.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Никого.

— Кому известен ваш лондонский адрес?

— Майору Барримору.

— Минуточку. «Форекаст стрит, 37». Это все целиком вырезано из газеты. Шрифт мне не знаком.

— Вероятно, это взято из местной газеты. Из того номера, в котором сообщалось о получении мной наследства.

— Да. Скорей всего так оно и есть.

— Когда вы туда едете?

— В понедельник,— как ни в чем не бывало сказала мисс Эмили.— Это решено.

Аллейн сел рядышком и взял ее руки в свои.— Моя дорогая мисс Эмили,— сказал он.— Пожалуйста, прислушайтесь к тому, что я вам скажу и, если не возражаете, по-английски.

— Разумеется, я вас внимательно выслушаю, раз уж я прибегла к вашему профессиональному мнению. Что касается английского, очень хорошо, раз вы предпочитаете на английском.

— Мисс Эмили, я и на секунду не могу представить себе, что эти угрозы планируется осуществить на деле. Скорей всего они просто рассчитаны на то, чтобы вас отпугнуть. Если же это не удастся, то, вероятно, на этом все дело и кончится. Тем не менее они свидетельствуют о том, что у вас на острове есть враг. Если вы туда поедете, вы тем самым спровоцируете нежелательную реакцию.

— Я полностью отдаю себе в этом отчет. И если этот человек надеется, что меня можно запугать...

— А вдруг этот человек выполнит свою угрозу? Ведь это, как вы понимаете, не исключено.

— Потому я и обратилась за советом к вам. Мне кажется, я должна предпринять какие-то шаги, чтобы оградить себя от подобного. Но какие? С оружием я обращаться не умею, да и на него требуется разрешение. Вероятно, существуют какие-то другие меры предосторожности. Например: ходить только посередине тротуара, не показываться на улице с наступлением темноты, не назначать встреч в малолюдных местах.

Аллейн внимательно смотрел на свою престарелую наставницу. Не таилась ли смешинка в ее бесстрастном взгляде?

— По-моему, вы просто меня дурачите,— сказал он, вставая.— Так вот, как офицер полиции считаю своим долгом довести до вашего сведения, что вашу затею ехать в Порткарроу я считаю очень неумной. Как ваш бывший ученик заявляю, что очень рассержусь на вас, если вы проявите упрямство и настоите на своем.

— Я все равно поеду. Но я чрезвычайно благодарна вам, Родерик.— Она встала и перешла на французский, показывая тем самым, что аудиенция окончена.— Передайте, пожалуйста, мои самые нежные приветы вашей жене и сыну. Кстати, когда у вас отпуск?

— Надеюсь, в самое ближайшее время.— Аллейн вдруг уловил искорку лукавства во взгляде мисс Эмили.— Прошу вас не ездить туда,— сказал он.

Она подала ему руку для поцелуя:

— До свидания. И тысячу благодарностей.

— Мое почтение, мадам,— сердито буркнул в ответ Аллейн.

Он уходил от мисс Эмили с неспокойной душой.

2

В девять вечера лондонский поезд прибыл на станцию Данлоумен, откуда в Порткарроу курсировал автобус. Выйдя на перрон, Дженни сразу же увидела афиши, изображающие таинственную Зеленую Даму, на фоне которой было написано: «Фестиваль родника». Она еще не вполне оправилась от потрясения, как ее ждало новое в лице Патрика Феррера.

— Дженни! — крикнул он, пробираясь сквозь густую толпу.— Привет. Я приехал встретить тебя.— Он схватил ее чемоданы.— Как здорово, что ты приехала. Я так рад.

У таблички «автобус на Порткарроу» собралась толпа. Ожидая, пока Патрик подгонит машину, Дженни разглядывала людей. Это было очень пестрое сборище, но всех их роднило одно — нездешние. Подошел автобус, и они начали садиться в него: девочка со стальной скобкой на ноге, мужчина с изможденным лицом и выпученными глазами, некрасивый грузный юноша с перевязанным ухом и женщина, кото-

рая без конца смеялась. Пожилая дама, державшая ее под руку, все время смотрела прямо перед собой.

Патрик засунул чемоданы Дженни в багажник своего двухместного автомобиля, и они покатили по шоссе.

— Как чудно, что ты приехал, Патрик,— сказала Дженни.— Какая у тебя машина!

— Ради такого случая. Да, а знаешь, мне не пришлось переключаться на расчески.

— Поздравляю.

— Ты, наверно, изменишь свой тон, когда поймешь, какой ценой все это достигнуто. Твои самые дикие предположения кажутся наивными по сравнению с тем, что теперь творится на острове.

— Я читала в Париже английские газеты, да и твои письма были достаточно подробны.

— А знаешь, я очень колебался, стоит ли тебя к нам приглашать.

— Это было так любезно со стороны твоей мамы, я счастлива, что приехала.

— Ты приехала перед самым кризисом.

— Каким кризисом?

— Который надвигается в лице старой-старой рассерженной дамы по имени мисс Эмили Прайд, унаследовавшей этот остров от своей сестры, покойной Уинтерботтом. Она полностью разделяет твои взгляды на эксплуатацию родника. Вы прекрасно поладите.

— И что она собирается предпринять?

— Закрыть «Лавку чудес» мисс Кост, если только ее не остановят объединенные усилия заинтересованных сторон. Все сидят и трясутся. Она приедет в понедельник и сразу же натолкнется на крепкую стену сопротивления.

— Тебе приходилось видеть мисс Эмили Прайд?

— Примерно год назад она была здесь вместе с сестрой и уехала злая, как фурия.

— Так значит надвигаются действительно серьезные перемены? — помолчав, спросила Дженни.

— Да, черт побери,— с неожиданной резкостью ответил он.

Дженни спросила об Уолли Триэрне и узнала, что в его поведении произошли устрашающие сдвиги.

— Мальчишка уразумел одно: он гвоздь программы,— сказал Патрик.— Люди совершают паломничества к его коттеджу, который бог знает во что превратили. Почти у самой двери воткнули водоросли, развесили по забору сети. Миссис Триэрн совсем не изменилась — все так же потягивает джин, а вот Триэрн стал другим человеком. Он разыгрывает из себя святошу и за деньги показывает паломникам Уолли.

— Ты меня пугаешь.

— Думаю, ты должна знать самое худшее. Более того, в следующую субботу состоятся юбилейные торжества, которые организовала мисс Кост. Процессия с хором к роднику, а Уолли, одетый рыбаком, будет читать какие-то вирши, если он, бедняга, их запомнит.

— Ну, а... что случается с теми, кто сюда приезжает?

Патрик ответил не сразу.

— Обычное явление. Провал следует за провалом, пока человек не поймет, что все это ужасное мошенничество, и тут его охватывает жуткий стыд от того, что он на это клюнул. Потом кто-то, делавший все то же самое, что и остальные, вдруг ни с того ни с сего излечивается от бородавок, мигрени, астмы или хронического поноса. Он с благодарностью рассказывает об этом каждому встречному. И начинается новая волна самообмана. И снова шумиха, растут мои доходы, вот даже машину приобрел. Процветает «Лавка чудес» мисс Кост. Она ведь продала старый магазин и открыла на острове новый. Торгует пластмассовыми фигурками Зеленой Дамы и стихами, которые сочиняет сама, а еще жилетами ручной вязки и прочими новинками — мне их даже стыдно перечислять. Ты жалеешь, что приехала к нам?

— Не думаю. А твоя мама? Она-то как к этому относится?

— Ее трудно понять. У мамы дар скрывать свои чувства.

— А доктор Мэйн?

Патрик оставил ее вопрос без ответа. Они поднялись на возвышенность, окаймлявшую береговую линию, свернули на крутую дорогу и вдруг очутились среди скал, под которыми был Порткарроу.

Первое, что бросилось в глаза Дженни, это неоновая вывеска «Мальчик и омар», сиявшая в сумерках. Прилив почти достиг своего апогея, и цветные буквы, отражаясь, преломлялись в темной воде пролива. Потом она заметила, что остров с деревней соединила целая аллея разноцветных огней, а сама деревня разрослась, приблизившись к морю. Фонари и светящиеся окна домов, опоясавших залив, казались ожерельем, небрежно брошенным на темно-синий бархат. Это было даже по-своему красиво. Вдоль скал стояли машины, в которых люди любили друг друга или просто глядели на море. Сбоку дороги вырос огромный складной навес для автомобилей. При нем было кафе.

— Ну, видишь? — спросил Патрик.— А теперь можно нырнуть вниз.

По узкой обрывистой дороге они «нырнули» в деревню, которая на первый взгляд будто не изменилась. Все та же почта, за ней герб Порткарроу, правда заново выкрашенный.

— Теперь это называется старым городом,— пояснил Патрик.— Здесь кругом сплошные ночлежки и лавки. Кстати, Триэрн так и остался паромщиком. Я тебя высажу на молу с чемоданами, вытяну его из кабака и поставлю машину. Идет?

На молу не было ни души. Волны мерно ударялись о сваи и с шипением накатывались на песчаный берег. Запах воды казался приятным и знакомым.

Скоро вернулся Патрик в сопровождении Триэрна. Тот был сама любезность. На его кепке красовалась надпись «Мальчик и омар».

— Здесь есть моторный катер, но мы поедем на веслах, ладно? — сказал Патрик. Он повел Дженни на конец мола, где была привязана шлюпка, с неизбежной надписью на борту: «Фея».

Журчание воды и мерное поскрипывание весел в уключинах напомнили Дженни о тех днях, когда они с Патриком плавали в свой маленький залив. Она почувствовала уместным спросить Триэрна об Уолли.

— Он очень в порядке, мисс, спасибо вам. Увидите, мальчонка здорово переменился, ставши непорочным носителем благодати господней, посылаемой уверовавшим.

Дженни только оставалось кивать головой.

— Но не скажу, чтобы он возгордился своим особенным положением,— продолжал Триэрн.— Тише мышонка, а сам изнутри так и светится, наш Уолли.

Патрик ущипнул Дженни, чтобы не рассмеяться.

Они причалили к молу и вышли на берег. Дженни огляделась. В свете фонаря они увидела витрину магазина, переполненную какими-то предметами.

— Ты угадала,— сказал Патрик.— Это «Лавка чудес» мисс Кост. Пошли.

И лишь когда они поднялись по отремонтированной и расширенной лестнице и взору Дженни представилась гостиница, девушка поняла, какие разительные перемены произошли на острове. Старое помещение оставили без изменений, только отремонтировали, зато к нему с двух сторон пристроили большие двухэтажные крылья, отчего старый дом стал казаться совсем крохотным. Появился внушительный холл и «гостиная», в которой было многолюдно.

— Ну, вот мы и дома,— сказал Патрик.

Они уже свернули в коридор, когда в вестибюль вошел какой-то мальчик и робко направился в их сторону. Поверх длинных брюк на нем болталась хламида зеленого цвета, а на макушке была какая-то странная шапочка. Дженни узнала его, лишь когда он вошел в полосу света.

— Костюм из дома моделей Кост,— прокомментировал Патрик.

— Уолли! — воскликнула Дженни.— Так это же Уолли!

Мальчик хитро посмотрел на нее и постучал костяшками пальцев себе по лбу.

— Приветствую, приветствую.— Голос у него все еще был писклявый. Протянул руки.— Я Уолли. Глядите. Все сошли.

— Уолли, ты помнишь меня? Мисс Уильямс? Свою учительницу?

Он ухмыльнулся.

— Одна дама дала мне пять шиллингов,— похвалился он.— Да.

— Нехорошо попрошайничать,— сказал Патрик.

Уолли захихикал.

— Я и не попрошайничаю.— Он посмотрел на Дженни.—Приходите ко мне. В коттедж Уолли.

— Ты еще ходишь в школу?

— В школу... Я играю в фестияле.— Он снова показал ей руки, вскрикнул совсем как раньше и убежал.

Они открыли старую дверь с табличкой «служебное», и за ней все оказалось знакомым.

— Дженни! — радостно воскликнула появившаяся неизвестно откуда миссис Барримор.— Как чудесно! — Она была одета гораздо лучше прежнего и показалась Дженни ослепительно красивой. Женщины нежно расцеловались.— Я так рада,— твердила миссис Барримор.— Ужасно рада.

Ее руки, обнимавшие Дженни, дрожали, в глазах стояли слезы. Девушка была потрясена.

— Патрик покажет тебе твою комнату. Ужин в прежней столовой. А я... я тороплюсь. Там у нас вроде собрания.

Надеюсь, это ненадолго. Ты даже не представляешь, как мы тебе рады.

— Она понятия не имеет,— подхватил Патрик.— Да, Дженни, я совсем забыл об этом чрезвычайном совете. На нем обсуждается стратегия и тактика по отношению к мисс Прайд. Как там дела, мама?

— Не знаю. Не блестяще. Не знаю.

Она мешкала, как и прежде сплетая и расплетая пальцы. Патрик поцеловал ее.— Не волнуйся из-за этого,— сказал он.— Как говорят в полушарии Дженни: все образуется, да? Все образуется, мама, не бойся.

Но когда миссис Барримор ушла, Дженни подумала, что Патрик тоже волнуется.

3

Майор Барримор с письмом в руке стоял на коврике возле камина в старом баре-гостиной и обозревал собравшихся. Это были священник, доктор Мэйн, мисс Кост и Айз Нэнкивелл, новоиспеченный мэр Порткарроу, а также его главный поставщик мяса. На физиономии этого коротышки застыло выражение вечного изумления.

— Я никому, кроме вас, об этом не рассказывал, — говорил майор.— Чем меньше людей об этом знает, тем лучше. Думаю, тут вы со мной согласны.

— Судя по тону ее письма, через неделю об этом будет знать вся деревня,— предположил доктор Мэйн.

— Мерзавка! — срывающимся голосом воскликнула мисс Кост.— Мерзавка или психопатка. Может, и то и другое.

Мужчины в смущении потупили взгляды.

— Разрешите поинтересоваться, майор, что вы ей ответили? — спросил мэр.

— Я раздумывал над ответом несколько дней, потом послал следующую телеграмму: «Номер забронирован. Будем рады обсудить проблемы, затронутые в вашем письме».

— Весьма правильно, — одобрил мэр.

— Как я уже говорил вам, она в своем письме выражает желание встретиться со всеми нами. Так что наша задача состоит в том, чтобы прийти к общему согласию.

— А разве между нами существует согласие? — подал голос священник.— Мне кажется, вам всем известны мои взгляды. Я их не пытался скрывать. Ни на кафедре, ни в миру.

— Но ведь вы не отрицаете, что были случаи исцеления, или, быть может, отрицаете? — поинтересовалась мисс Кост. Она одна из всех присутствующих слышала проповеди священника.

— Нет,— поспешил заверить тот.— Я благодарю за них господа, но осуждаю... излишнюю шумиху.

— Ну, ну, ну,— горячо вступился мэр.— Мы должны придерживаться более широких взглядов. По-моему, замечательные свойства нашего родника принесли Порткарроу только пользу, и ничего, кроме пользы, поэтому общественность в массе своей должна отдавать себе отчет в том, что она имеет от этого одну выгоду. Должна, говорю я, что она делает и впредь будет делать.

— Браво, мистер мэр! — воскликнул Барримор.

— Браво! — поддержала мисс Кост.

— Итак, господа,— продолжал мэр,— я говорю неофициально. Так сказать, лично... На тот случай, если она соберется продавать... Одним словом, этим могут заинтересоваться жители, видя в этом выгодную...— Он оборвал себя на полуслове и покосился на священника.— Видя в этом свой гражданский долг.

Мистер Нэнкивелл загадочно улыбнулся.

— Она, вероятно, и не догадывается об истинной цене,— предположил он.

В этот момент в гостиную вернулась миссис Барримор.

— Продолжайте,— сказала она и присела на стул у двери.— Может, я уже и не нужна...

— Послушай, Маргарет, тебе это тоже полезно,— сказал майор, окинув жену тревожным взглядом.— Ведь она может и с тобой заговорить.

— Конечно же! — воскликнул мэр.— Дамы понимают друг друга каким-то непостижимым образом. Не так ли, мисс Кост?

— Чего не знаю, того не знаю,— ответила та и пристально посмотрела на мисисс Барримор.

— Однако мы отвлекаемся от нашей темы,— напомнил доктор Мэйн.

Мэр откашлялся и предложил каждому по очереди высказать свое мнение по поводу того, как отразить атаку мисс Прайд. Начиная со священника. Тот повторил, что им всем известны его взгляды и он не намерен их изменять.

— Не означает ли это, что в случае если она решится на публичное разоблачение нашего родника, захочет снять загородку и запретить фестиваль, то вы будете на ее стороне?

— Я не стану предпринимать попыток ее разубедить.

Майор издал негодующий вопль.

— Простите меня за откровенность, мистер Кастерс, но я буду вам весьма признателен, если вы скажете собравшимся, что, по вашему мнению, стало бы с реставрационным фондом храма, не имей Порткарроу доходов от родника? Откуда бы вы взяли деньги на починку колокольни? Да вам бы никто и пенни не дал!

Обычно бледное лицо священника покрылось лихорадочным румянцем.

— Конечно, у нас бы не было этих денег,— согласился он.

— Вот видите! — воскликнула мисс Кост.

— Поставим вопрос иначе. Собираетесь ли вы, сэр, поддерживать эту женщину в ее глупых намерениях?

— Нет. Это дело ее совести.

Мэр, Барримор, мисс Кост в один голос выразили свое возмущение.

— Мне кажется, эту тему продолжать бессмысленно,— с едва скрываемым раздражением заметил доктор Мэйн.

— Абсолютно с вами согласна,— неожиданно подала голос миссис Барримор.

Мисс Кост с ехидной улыбочкой перевела взгляд с нее на доктора Мэйна, потом уставилась на майора.

— Согласен с вами, доктор,— сказал мистер Нэнкивелл.— А каковы ваши предложения?

— Как ни парадоксально, но мои взгляды кое в чем совпадают со взглядами мистера Кастерса,— сказал доктор.— Я тоже никогда их не скрывал. У меня нет своего мнения относительно целебных свойств родника. И своих пациентов я не убеждаю прибегнуть к его помощи, но и не отговариваю. Я остаюсь нейтральным.

— И занимая эту неуязвимую позицию, вы пристроили к своей чертовой лечебнице еще дюжину палат! — взорвался майор Барримор.— Прошу меня извинить, святой отец.

— Кейт!

Майор повернулся к жене:

— Чем ты недовольна, Маргарет?

Мисс Кост хрипло расхохоталась.

Доктор Мэйн, не дав миссис Барримор ответить, продолжал:

— Я, как и все мы, нажился на этом. Однако что касается моей практики, мне кажется, деятельность мисс Прайд на ней в общем не отразится. Как и на популярности родника. Больные, уверовавшие в его целебную силу, никого не станут слушать.

— Все это прекрасно, но жителей острова это не устраивает,— сердито возразил Барримор.— Ну, как начнут разбегаться туристы, а газеты подымут нас на смех.— Он опустошил свой стакан с виски, который стоял на каминной полке.

— А фестиваль! — взвыла мисс Кост.— А наши старания! Разочарования! Унижение! — Она всплеснула руками.— А Уолли! Ведь он уже, можно сказать, все выучил. И хор уже спелся!

— Они состоятся, эти торжества! — с пылом заверил ее мистер Нэнкивелл.— Однако мы все ждем, что нам скажет доктор. Итак, мистер Мэйн, что вы скажете этой даме?

— То же самое, что сказал две минуты тому назад вам. Я могу сказать ей, что все это будет продолжаться до поры до времени.

— Я своих выражений смягчать не буду,— с жаром заявила мисс Кост.— Я скажу этой... Нет,— вдруг осеклась она.— Я стану ее умолять. Я буду взывать к ее благородству. Будем надеяться, что оно у нее есть.

— Поддерживаю как председатель,— отозвался мэр.— Майор?

— Я попытаюсь вразумить ее. Расскажу ей обо всех случаях исцеления. И если наш ученый муж,— майор метнул свирепый взгляд в сторону доктора Мэйна,— спустится со своей высокой колокольни и поддержит меня, я заставлю ее ко мне прислушаться.— Он провел ладонью по своим гладко зачесанным волосам. — Еще хочу выпить. Кто-нибудь присоединится?

В дверь заглянул Патрик.

— Прошу прощения за вторжение,— сказал он, обращаясь к матери.— Прибыл автобус с людьми.

Миссис Барримор поспешно встала.

— Извините, но я должна идти.

— Черт бы их побрал! — воскликнул майор.— Я сейчас,— бросил он собравшимся.— Пат, пожалуйста, угощай гостей.

Вскоре из коридора донесся его зычный голос:

— Добрый вечер! Добрый вечер! Пожалуйста, сюда. Вы, должно быть, устали. Очень рад вас видеть...

— Кстати, мы так и не выяснили, что думает по этому поводу дама,— вспомнил мэр.

Почему-то все потупили взоры.
Мисс Кост хрипло расхохоталась.

4

«...я расценю как одолжение, — диктовал Аллейн, — если вы сможете выделить человека для наблюдения за островом, когда туда прибудет мисс Прайд. Весьма вероятно, что эти угрозы так и останутся на бумаге, однако, как все мы знаем, они могут привести и к беде. Как только ваш человек что-нибудь заметит, прошу поставить в известность меня. Если позволит служба, хватаю завтра свой просроченный отпуск и отбываю по адресу, сообщенному выше.

Еще раз прошу простить за беспокойство.

Искренне ваш...»

— Все. Старшему инспектору А. Ф. Кумбу, полицейский участок Порткарроу. Пожалуйста, отправьте прямо сейчас.

Он взглянул на свои часы. Уже перевалило за полночь. Перевернул листок календаря. «Я должен был написать туда раньше, — подумал он.— Письмо придет в один день с миссис Эмили».

Уже спускаясь по набережной в своей машине, он думал: «Будь я проклят, если не позвоню этому инспектору утром».

Угрозы

1

Мисс Эмили приехала в понедельник днем. Она провела ночь в Дорсете и после путешествия в нанятом автомобиле была свежа как огурчик.

У мола ее уже поджидали несколько зевак. От них отделился красивый молодой человек и направился ей навстречу.

— Мисс Прайд? Я Патрик Феррер. Надеюсь, вы доехали благополучно.

Мисс Эмили благоволила к молодежи и имела все основания считать себя компетентным знатоком молодых людей. Она окинула Патрика оценивающим взглядом и осталась им довольна.

Он представил ей высокую яркую девушку, которая, слегка смущаясь, подошла и пожала ей руку. Мисс Эмили в девушках разбиралась меньше, но Дженни ей тоже понравилась.

Патрик с шофером подхватили мисс Прайд под руки и помогли спуститься по лестнице. Триэрн погрузил ее багаж на катер и несколько раз приложил к козырьку руку. Катер отчалил от мола, провожаемый любопытными взглядами зевак, среди которых выделялась фигура сержанта полиции.

Путешествие было до смешного коротким. Мисс Эмили, гордо восседавшая на корме, придавала ему оттенок торжественной церемонии. Она, как выразился Патрик, напоминала богиню из бирманской мифологии. «Нам надо было перенести ее на остров на своих плечах»,— шутил он после.

У мола их ожидал майор Барримор в сопровождении лакея.

Дженни с Патриком следили за ним с опаской.

— Доброе утро! — воскликнул майор и, когда катер причалил, поклонился.

Мисс Эмили лишь слегка приподняла и опустила свой зонт.

— Доброе утро, майор Барримор,— сказала мисс Эмили.— Благодарю вас. Я сама.— Она задержала взгляд на физиономии Триэрна, игнорируя его протянутую руку.— Так это вы отец?

Триэрн снял кепку и улыбнулся изо всех сил.

— Это я, мэм. И до смерти горжусь, что Уолли мой сын.

— Я бы хотела повидаться с вами. Попозже.

Они обменялись рукопожатиями с майором.

В вестибюле их ждала Маргарет Барримор. С присущей ей сдержанностью она приветствовала мисс Эмили:

— Надеюсь, вы добрались хорошо. Может, ленч подать наверх? Мы приготовили вам небольшую гостиную. Столовая вот здесь.

Мисс Эмили сказала, что спустится в столовую, и в сопровождении миссис Барримор поднялась в свои апартаменты. Майор, Патрик и Дженни остались внизу. Майор все еще продолжал машинально кланяться. Увидев, что на него смотрит пасынок, он выругался и направился к стойке.

После ленча мисс Эмили по обыкновению прилегла отдохнуть. На глаза ей попалось несколько иллюстрированных брошюр, и она взяла одну наугад. В брошюре содержались подробное описание первого случая исцеления; причудливые изображения Зеленой Дамы, фотографии родника, Уолли Триэрна и еще каких-то людей, проходящих через турникет. В следующей перечислялись все остальные случаи исцеления, указывались фамилии и даже цитировались высказывания исцелившихся. Мисс Эмили подсчитала. Если верить брошюре, за эти два года девять человек избавились от бородавок, пять от астмы (включая мисс Кост), три от артрита, двое от мигрени и двое от хронического поноса (фамилии последних не указывались). «А также многие и многие другие, которые почувствовали облегчение и улучшение»,— говорилось в брошюре. Складной буклет рекламировал предстоящий фестиваль и магазин сувениров мисс Кост. Здесь же была затейливая карта острова с изображением лодок, рыбацких сетей, фей и, конечно же, Зеленой Дамы.

Мисс Эмили изучила карту и определила, что от гостиницы к роднику проложен специальный маршрут.

В пять мисс Эмили попросила, чтоб ей принесли чай. Через полчаса одетая и с зонтиком в руке спустилась в вестибюль.

Портье, увидев ее, нажал на своем столе кнопку и встал, услужливо улыбаясь:

— Могу вам чем-нибудь помочь, мадам?

— Думаю, что да,— ответила мисс Эмили.— Я намереваюсь побывать за заграждением. Но туда, насколько мне известно, можно пройти лишь с помощью какого-то жетона.

Портье достал из ящика металлический диск.

— Мне нужно семь штук,— сказала мисс Эмили и положила на стол две монеты по полкроны и флорин.

— Нет! Нет! — раздался голос майора, появившегося из внутреннего коридора.— Мы этого не допустим. Какая чушь! Прикажите, чтоб мисс Прайд отнесли наверх дюжину этих жетонов.— Он галантно поклонился гостье.— Мне так неловко! Какая глупость!

— Очень любезно с вашей стороны, но я предпочитаю расплатиться.— Она открыла свой ридикюль, положила туда жетоны и, громко щелкнув замком, направилась к выходу.

— Я протестую! — не унимался майор.— Я... Позвольте мне... показать вам самый удобный путь...

— Мне кажется, он мне известен благодаря соответствующей литературе, поэтому нет нужды злоупотреблять вашим временем, майор Барримор. Я очень вам признательна. Что касается моего письма,— продолжала мисс Эмили, глядя в упор на майора,— то я предпочитаю отложить дебаты до тех пор, пока полностью не ознакомлюсь с положением дел в моих владениях.

Мисс Эмили вышла.

Тропинка шла по склону холма. Она была широкая и ровная, и, как прочитала в брошюре мисс Эмили, по ней можно было провезти кресло-качалку. В воздухе пахло морем и папоротниками. Высоко в небе пел жаворонок. В такой же день два года назад к роднику, спотыкаясь, прибрел Уолли. Тогда он шел, не разбирая дороги, теперь же по его маршруту проложили асфальтированную дорожку. У турникета она сливалась с тропинкой, по которой теперь бодро шагала мисс Прайд.

Сам родник вместе с небольшой заводью, крохотным водопадом и верхним склоном, усыпанным галькой, был обнесен высокой проволочной сеткой. Снаружи стояли простые скамейки. Когда в автомат опускали жетон, высокие решетчатые крылья шлагбаума распахивались на две стороны, образуя проход.

Мисс Эмили постояла снаружи. За оградой были изможденный мужчина и молодая женщина с ребенком на руках. Мужчина стоял на коленях перед водопадом, склонив на грудь голову. Наконец он встал и, ни на кого не глядя, прошел к выходу. Встретившись взглядом с мисс Эмили, мужчина робко улыбнулся. Она наклонила голову в знак приветствия.

— Я питаю огромные надежды,— совсем тихо сказал он, приподнял шляпу и пошел прочь.

На колени перед водопадом опустилась женщина. Она обнажила головку ребенка и, сложив ладони лодочкой, подставила их под струю. Мисс Эмили села на скамейку и закрыла глаза.

Когда она их открыла, женщина с ребенком стояла возле нее.

— Прошло? — спросила женщина.— Может, вам помочь? Хотите туда войти?

— Я здорова,— сказала мисс Эмили.— Спасибо вам, дорогая. А ваш ребенок... он...

— Да. У него какая-то недостаточность. Он почти не растет. А тут такие обнадеживающие отзывы. Я возлагаю огромные надежды.

Она еще минуту помедлила, потом с улыбкой кивнула и ушла.

— Огромные надежды! — пробормотала мисс Эмили.— О боже мой! Огромные надежды!

Она взяла себя в руки, достала из сумки жетон, прошла через турникет и

огляделась. Родничок с бульканьем вливался в заводь и вытекал из нее с другой стороны. Журчал водопад. Зайдя за выступ, возвышающийся над родником, мисс Эмили обнаружила плоский камень и села на него. Сзади начиналась насыпь, залежи гальки и заросли папоротников, откуда, как полагали, вышла к Уолли Зеленая Дама. Мисс Эмили раскрыла над головой зонт и собралась с мыслями.

Она являла собой странное зрелище — фигура в черном, неподвижно застывшая под куполом зонта. За время ее дежурства родник посетили семь человек. Присутствие мисс Эмили привело их всех в замешательство.

Она просидела на своем насесте до заката, потом спустилась к заливу, а оттуда прошла к магазину мисс Кост. По дороге она нагнала сержанта местной полиции, который, как ей показалось, изнывал от безделья. Мисс Эмили с ним поздоровалась.

2

Без четверти семь мисс Эмили вошла в магазин. Пользуясь случаем, что здесь нет ни души, она стала разглядывать товар: пластмассовые изображения родника, водопада, «коттеджа Уолли», буклеты, календари и почтовые открытки все на ту же тему. Среди всего этого хлама главное место принадлежало Зеленой Даме — она была воплощена и в красках, и в пластмассе, и в форме силуэта, и в облике куколки. Все то же одеяние ядовито зеленого цвета, длинные золотистые волосы, воздетые к небу руки и звезда во лбу. Одним словом, навязчивая идея, упорно повторяемая во всех видах. Мисс Эмили передернуло.

Открылась внутренняя дверь, и мисс Кост, одетая в жилетку собственного изготовления, вошла в магазин, наполнив его запахом картофельной запеканки.

— Мне показалось...— начала было она и осеклась, увидев мисс Эмили.— Ого! Добрый вечер!

— Насколько я понимаю, вы мисс Кост. Мне, пожалуйста, дюжину марок по три пенса.

Положив марки в свой ридикюль, мисс Эмили сказала:

— Вероятно, мне нет нужды представляться. Моя фамилия Прайд. Я ваша хозяйка.

— Я так и поняла,— ответила мисс Кост.

— Несомненно, вам известна цель моего визита на остров, тем не менее я должна разъяснить вам свою позицию.

Что она и сделала.

Мисс Кост, уставившись в одну точку, судорожно улыбалась. Она заверила, что каждый предмет продажи был задуман как дань почтения.

С этим мисс Эмили не спорила. Однако торговля, заметила она, является предприятием коммерческим, не так ли?

Мисс Кост выразила надежду, что мисс Прайд не берет под сомнение целебные свойства родника.

— Если и беру, то сейчас это к делу не относится,— сказала мисс Эмили.— Нас беспокоит эксплуатация родника в коммерческих целях. Этого я не потерплю.— Она секунду или две молча смотрела на мисс Кост, потом слегка смягчила тон.— Я не спрашиваю, верите ли вы в целительную силу воды. Поверьте, мне и в голову не приходило, чтобы вы могли сознательно и цинично наживаться на доверии людей.

— Да разве это возможно! — воскликнула мисс Кост.— Ведь я... моя астма... Да ведь я сама живое подтверждение...

— Я так и предполагала. Более того, когда остров будет возвращен в свое прежнее состояние, я не стану препятствовать доступу к роднику. Напротив, он станет свободным.

— И его затопчут! Ведь люди вандалы! Даже сейчас, несмотря на все меры предосторожности... Осквернение! Поругание!

— Это можно будет предотвратить.

— Волшебная земля — это священная земля,— провозгласила мисс Кост.

— Никак не могу понять, какой веры придерживаетесь вы сами — языческой или же христианской.— Мисс Эмили указала на стишок, листок с которым был приколот к веревке над прилавком.

Во время оно нашу Землю
населяли феи,
(Вода, железо, камень, земля)
Колдуньи, нимфы, эльфы,
чародеи.
Их волшебство не ведало
предела,—
Знакомы были им все тайные
затеи.
О, погрузи свои персты
в сверкающие воды
(Вода, железо, камень, земля)
И сбрось с себя все хвори и
невзгоды.
Пусть телеса твои нальются новой
силой
И мудростью вечных времен.

— Кто автор этих виршей? — спросила мисс Эмили, в упор глядя на мисс Кост.

— Он неизвестен,— громко ответила та.— Эти старые строки...

— Это фальшивка. Мисс Кост, это стихотворение выражает ваши собственные взгляды?

— Да, — ответила мисс Кост и закрыла глаза.— Выражает. Тысячу раз да.

— Так я и думала. Ну что ж, свои взгляды я тоже выразила. У вас есть время для размышлений. Последний вопрос.— Пальцем, обтянутым черной перчаткой, мисс Эмили указала на афишу, рекламирующую фестиваль.— Насчет этого.

И тут мисс Кост прорвало.

— Вам не удастся нам помешать,— взвизгнула она, уставившись в одну точку на уровне левого плеча мисс Прайд.— Не удастся! Вы не помешаете людям подняться на гору! Не заткнете им рты! Я спрашивала у осведомленных людей. У нас есть разрешение мэра. Спросите у него!

Она задохнулась и схватилась руками за грудь.

В наступившей тишине раздался едва слышный писк, мерный и жуткий, исходящий из груди мисс Кост.

Мисс Эмили все стало ясно.

— Мне очень жаль,— участливо сказала она.— Я не стану мешать вашему празднику. Пусть только он будет последним.

Она направилась к двери. Мисс Кост, задыхаясь, крикнула ей вслед:

— Мерзавка! Это все ты виновата! — Она ударила себя в грудь.— Ты за это ответишь. Отольются тебе мои слезы!

Мисс Эмили обернулась. Она увидела, как мисс Кост опустилась на стул за прилавком, судорожно глотая ртом воздух.

— Могу я вам чем-либо помочь? — спросила мисс Эмили.— У вас приступ...

— Нет! Н е т! Убирайся! Мерзавка! Убирайся!

Мисс Эмили вышла из магазина в великом беспокойстве. Когда она поднималась вверх от мола, откуда-то выскочил мальчишка, посмотрел на нее пристально и, издав пронзительный вопль, взбежал по ступенькам вверх. Это был Уолли Триэрн.

Стычка с мисс Кост утомила старуху. Она расстроилась. День был таким длинным, а еще предстояло одолеть эти ступеньки. Где-то на полпути была скамейка, и она решила передохнуть. Какое счастье посидеть просто так, ни о чем не думая, и посмотреть, что делается на берегу, в деревне, на молу.

На дальнем конце мола группкой стояли несколько рыбаков. К ним приблизился полицейский. Мисс Эмили казалось, что они смотрят на нее.

Вечер постепенно переходил в ночь. Здесь, под прикрытием горы, было тепло и тихо, с моря уже потягивало прохладой. Мисс Эмили засобиралась.

Вдруг что-то больно ударило между лопаток, по шее и по руке. К ногам с шумом посыпались камни. Сверху донесся смех и удаляющийся топот.

Она встала точно во сне и увидела, что к ней огромными шагами бежит полицейский.

— Держитесь, мэм! — крикнул он.— Вы ранены?

— Нет. Это камни. Сверху. Взгляните вон туда...

Мисс Эмили откинулась на спинку. Сняла перчатку и дрожащей рукой коснулась шеи. Там было мокро.

Неожиданно у скамейки появились два рыбака и высокая загорелая девушка.

— Мисс Прайд, вы ранены,— сказала девушка.— Она встала на колени у скамейки и взяла руки мисс Эмили в свои.

Мужчины возбужденно переговаривались между собой. Появился сержант. Он тяжело дышал и ругался.

— Слишком поздно,— сказал он.— Уже успел смыться.

Сознание мисс Эмили постепенно прояснялось.

— Я чувствую себя прекрасно. Все в порядке,— сказала она по-французски.

— Вас ранили! Ваша шея! — воскликнула Дженни тоже по-французски.— Дайте мне взглянуть.

Послышался скрип ботинок, и к ним по лестнице спустился Триэрн.

— Ты откуда, Джим? — спросил сержант Триэрна.

— Из таверны, как обычно, Джордж Пендер. Откуда же еще? — Из его кармана торчал красноречивый сверток.— Что, она упала? Для дряхлых дамочек эти ступеньки ужас какие опасные.

— Я не падала,— громко заявила мисс Эмили. Она встала и вплотную приблизилась к Триэрну.— На меня напали.

— Господи помилуй, мэм! Да кому взбредет в голову такая дурь?

— По-моему, мисс Прайд нужно уве-

сти домой,— сказала Дженни сержанту Пендеру.

Войдя в вестибюль гостиницы, мисс Эмили устремилась к лестнице. Ее сумка была выпачкана в крови, и это не осталось незамеченным. Дженни пошла за ключом.

Она догнала мисс Эмили возле самой лестницы. Старуха вся тряслась и покорно оперлась на ее руку. Войдя в свою комнату, она села на кровать и с торжеством в голосе заявила:

— Я ничуть не удивлена. Этого, моя дорогая, и следовало ожидать.— И потеряла сознание.

3

— Ну что ж, рана не слишком глубока,— с улыбкой сказал доктор Мэйн, склонившись над мисс Эмили.— Мне кажется, все будет в порядке.

— Уже и так все в порядке.

— Осмелюсь предположить, так оно и есть, но все-таки рекомендую вам пару дней поберечься. У вас был небольшой шок. Сколько вам лет?

— Восемьдесят три и четыре месяца.

— Не может быть!

— У нас, доктор Мэйн, все в роду отличаются крепким здоровьем. Моя сестра, Фанни Уинтерботтом, с которой вам, осмелюсь предположить, доводилось встречаться, была бы жива и по сей день, не взбреди ей в голову прокатиться на быстроходном катере.

— И он опрокинулся? — испуганно спросила Дженни.

— Вовсе нет. Она не выдержала возбуждения. Ее смерть была чистой случайностью,— она-то и послужила косвенной причиной моих сегодняшних злоключений.

— Вот как,— удивился доктор Мэйн. — Ну, что ж, я полагаю, на сегодня достаточно разговоров. Стакан горячего молока с виски или бренди, если пожелаете, и пару таблеток аспирина. Я зайду завтра.

— Вы, как я вижу, не собираетесь порекомендовать мне промыть раны родниковой водой.

— Нет,— ответил он, и они обменялись улыбками.

— Я намеревалась зайти к вам завтра относительно моих предложений. Вам они известны?

— Да. Но я не собираюсь обсуждать их с вами сегодня.

— У вас есть возражения?

— Нет. Спокойной ночи, мисс Прайд. Прошу вас не вставать с постели до моего прихода.

В этот момент раздался стук и вошла миссис Барримор.

— Мисс Прайд, я только сейчас об этом узнала,— сказала она.— Пришла спросить, не нужно ли...— Она взглянула на доктора Мэйна.

— С мисс Прайд все в порядке. С ней останется Дженни. По-моему, мы должны поручить ей присматривать за больной, не так ли?

— Боб, в чем дело? — спросила миссис Барримор доктора Мэйна, когда они шли по коридору.— На нее напали?

— Очевидно, кто-то из деревенских кретинов.

— А, может быть...

— Нет.— Он пристально посмотрел на нее.— Спокойней, Маргарет.

— Ничего не могу с собой поделать. А где Кейт?

— Он сегодня перебрал. Завалился в старом баре. Я отведу его в постель.

— Но ведь всего час назад он был в полном порядке. Ужас что вытворял. Он... он говорил... такие вещи. Что он с ней сделал? С мисс Прайд?

— Моя дорогая, он к тому времени уже набрался. Выкиньте из головы дурные мысли. Ну? Обещаете?

— Хорошо. Обещаю.

— Спокойной ночи, — сказал доктор Мэйн, оставляя ее в полном замешательстве.

4

Весь следующий день, то есть вторник, мисс Эмили не выходила из своей комнаты, где ее по очереди навестили мистер Нэнкивелл, доктор Мэйн, преподобный мистер Кастерс. В среду она посетила коттедж Уолли. В четверг снова побывала возле родника. Закрывшись зонтом, она долго просидела на своем наблюдательном пункте, находясь все это время под неусыпным оком сержанта Пендера, который пришелся ей по душе, а также замеченная многочисленными посетителями и кое-кем из местных, в том числе мисс Кост, Уолли Триэрном и его отцом.

В пятницу мисс Эмили направилась по тому же маршруту, лишь чудом не угодив в проволочную ловушку, которую Пендер успел снять буквально за две минуты до ее появления.

Об этом было немедленно доложено старшему инспектору Альфреду Кумбу, и тот уже через час разговаривал по телефону с Родериком Аллейном.

5

Аллейн косил теннисный корт, когда с террасы ему помахала жена. Он выключил косилку.

— Тебя к телефону. Междугородняя.

— Проклятие! — воскликнул он, направляясь к дому.

Он взял трубку и, выслушав рассказ Кумба о нападении на мисс Эмили, спросил:

— Вы разговаривали с самой мисс Прайд?

— Да, и просил ее информировать меня о том, что она собирается предпринять в течение дня. Но она оказалась несговорчивой дамой. Весь вторник по настоянию доктора она провела в постели, потом, к несчастью, встала, и тут снова началось. Повадилась сидеть над родником на выступе скалы и разглядывать тех, кто туда ходит. Кое-кому это не по душе.

— Охотно верю. И больше вы мне ничего не скажете?

— Затем и звоню. Мой парень, Пендер, обнаружил ловушку, приспособленную в том самом месте, откуда она залезает на свой трон над родником. Мастерская работа. Пара железных кольев и кусок бельевой проволоки. Могло кончиться плохо. Лететь бы ей вниз целых пять футов. На камни.

— Вы сказали ей об этом?

— Да. Она говорит, что и сама бы заметила проволоку.

— Когда это было обнаружено?

— Сегодня утром. С час тому назад.

— Она кого-нибудь подозревает?

— Да. Думает, это дело рук одной дамы.

— Вы случайно не мисс Кост имели в виду?

— Именно.

— Я позвоню мисс Прайд. Пожалуйста, держите меня в известности. Всего доброго.

— О, Рори! — воскликнула Трой, когда он положил трубку.— Только не это. Наш отпуск так чудесно начался.

— Я сам с ней поговорю.— Он обнял жену. Его соединили с комнатой мисс Эмили, и Трой отчетливо слышала каждое ее слово, хотя и не все понимала, поскольку мисс Эмили говорила по-французски.

— Как дела, мисс Эмили?

— Прекрасно, Родерик, благодарю вас.

— Были какие-нибудь неприятности?

— Ничего особенного. Только не расстраивайте из-за меня своих планов.

— Вас ранили.

— Пустяки.

— И снова могут ранить.

— Думаю, что нет.

— Мисс Эмили, прошу вас, уезжайте с острова.

— Итак, вы беседовали с нашим дорогим старшим инспектором Кумбом. Очень любезно с его стороны, но вовсе не обязательно. Я никуда не уеду.

— Вы причиняете массу волнений и хлопот другим людям. Если вы будете упорствовать на своем, придется в это дело вмешаться мне.

— Вы хотите сказать, мой друг, что вам придется посадить меня под арест?

— Это было бы здорово. Хорошо бы приставить к вам охрану.

— У меня и так уже есть охрана в лице офицера местной полиции, кстати, человека смышленого. Его фамилия Пендер.

— Мисс Эмили. Дайте мне честное слово, что не будете выходить из отеля в одиночестве. Иначе мне придется тащиться на ваш проклятый остров.

— Прошу вас не делать подобных глупостей. Могу вас заверить...— Она вдруг замолкла. Как будто их внезапно разъединили, хотя он слышал, как она судорожно глотнула воздух. Что-то упало.

— Мисс Эмили! Алло! Алло! Мисс Эмили!

— Все в порядке,— услышал он ее голос.— Я вас превосходно слышу.

— Что случилось?

— Меня отвлекли.

— У вас что-то стряслось? Что?

— Нет, нет, ничего. Я свалила книгу. Родерик, прошу вас, не прерывайте своего отпуска. Это меня очень огорчит. Уверяю вас, я буду вести себя разумно. До свидания, мой дорогой мальчик.

И она положила трубку.

Аллейн так и остался сидеть в кресле, обнимая за плечи Трой.

— Там что-то стряслось, — сказал он. — У нее был испуганный голос. Черт бы побрал это проклятое старческое упрямство! И какого дьявола соваться во все дырки!

Тем временем мисс Эмили, приложив к груди руки, смотрела на предмет, который очутился перед ней, когда она нечаянно свалила телефонный справочник.

Это была грубая пластмассовая фигурка Зеленой Дамы. К ее голове была прикреплена полоса разлинованной бумаги, на которую приклеили единственное слово, вырезанное из газеты: «СМЕРТЬ».

Перевела с английского Н. КАЛИНИНА

Продолжение следует

А. БЕЛЕЦКАЯ,
кандидат
исторических наук

Фото ВИА — ТАСС.

Десятки вузов и специальных средних учебных заведений СРВ выпускают воспитанных в духе марксистско-ленинского мировоззрения молодых специалистов — строителей социализма.

На снимке: студентки техникума в провинции Зялай-Контум.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Пять лет прошло с тех пор, как Вьетнам, фактически расчлененный с 1954 года, объединен на социалистических началах. Со дня освобождения юга страны началась напряженная работа. На севере требовалось восстановить разрушенное войной народное хозяйство, на юге — наряду с выполнением еще незавершенных задач народно-демократической революции — приступить к проведению социалистических преобразований.

IV съезд Коммунистической партии Вьетнама (декабрь 1976 г.) нацелил народ на осуществление трех революций: в производственных отношениях, в сфере научно-технической, в идеологической и культурной областях. Эти революции, говорится в документах съезда, должны осуществляться одновременно, быть тесно взаимосвязаны и воздействовать друг на друга.

Реализация поставленных перед молодой республикой задач, подчеркивается в документах съезда, требует формирования нового человека — активного строителя социалистического общества, проникнутого чувствами социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма. А для этого необходимо всемерно развивать просвещение и культуру, осуществлять реформу образования, усиливать подготовку специалистов и рабочих, покончить с социальными последствиями войны и неоколониализма.

Еще в 1945 году, сразу же после победы Августовской революции, в Демократической Республике Вьетнам (ДРВ) началось наступление на неграмотность. Курсы и кружки ликбеза действовали не только в освобожденных районах и на партизанских базах, но и в глубоком тылу противника. При этом осуществлялся переход всех учебных заведений на преподавание на родном, вьетнамском, языке вместо насаждавшегося колонизаторами французского, пересматривались старые программы и учебники, составлялись новые.

Реформа школьного образования, начало которой было положено этими мероприятиями, завершилась в 1950 году, в самый разгар войны с французскими колонизаторами (1946—1954 гг.). В результате уже тогда во всех освобожденных районах была введена единая система девятилетнего среднего образования, открылись первые педагогические и профессионально-технические училища, а также специальные курсы по фундаментальным и прикладным наукам — прообразы будущих вузов. Тогда же появились первые дошкольные учреждения. Активную помощь в пропаганде передовых знаний и привлечении широких кругов населения к учебе оказывали органам просвещения ассоциации учителей и учащихся, возникшие в тот период. Таким образом, уже в конце 40-х — начале 50-х годов в ДРВ была не только успешно ликвидирована неграмотность, но и заложены основы новой, демократической системы народного просвещения и высшего образования.

В 1956—1960 годах в горных районах страны, где проживают национальные меньшинства, была создана или усовершенствована письменность народностей тай, нунг, тхай, мео. Здесь было создано много школ-интернатов. Одной из распространенных форм обучения стали самообеспечивающиеся трудовые школы, в которые принимались подростки от 15 лет. Занятия в них сочетались с производительным трудом.

К началу первой пятилетки (1961 г.) в республике была ликвидирована неграмотность и сложилась новая трехступенчатая система десятилетнего общего среднего образования. К этому времени в стране уже действовала и широкая сеть средних специальных учебных заведений. Президент Хо Ши Мин провозгласил лозунг «Два хорошо» — «учить хорошо, учиться хорошо». С 1961 года было введено всеобщее подготовительное обучение дошкольников. А к концу пятилетки (1965 г.) в равнинных районах ДРВ уже существовало всеобщее начальное обучение. Значительное число школ здесь, особенно в сельской местности, сначала создавалось и содержалось на средства населения, а затем переводилось на государственный бюджет.

Рождение системы высшего образования ДРВ было связано с открытием в январе 1955 года Ханойского государственного университета, вслед за которым начали функционировать и другие вузы. В подготовке национальных кадров специалистов

большую помощь Вьетнаму оказали Советский Союз и другие социалистические страны.

Американская агрессия (1965—1973 гг.) стала и для системы народного образования ДРВ серьезным испытанием. Школы, как и другие гражданские объекты, подвергались варварским бомбардировкам — необходимо было их рассредоточить, эвакуировать из городов. Однако учебный процесс в стране не прекращался. Так, с 1965 по 1973 год число учащихся общеобразовательных школ возросло более чем в два раза, причем рост наблюдался и в местах массированных бомбардировок.

В освобожденных районах юга страны в период агрессии США также бесперебойно действовала сеть общеобразовательных школ. Преподавание в них велось по единой программе и учебникам, напечатанным типографией «Освобождение». Старшие школьники там не только учились, но и работали, и сражались за свободу. В каждом освобожденном районе действовали педагогические училища. Существовали на юге и курсы повышения культурного уровня для бойцов Национального фронта освобождения.

Что касается зоны, контролировавшейся сайгонским марионеточным режимом, то даже западные авторы вынуждены констатировать: здесь не было ничего похожего на те усилия, которые предпринимались в ДРВ для распространения образования.

Наряду с военной и экономической агрессией, американские империалисты активно вторгались и в область культуры и образования страны, стремясь завоевать «сердца и умы» масс, особенно молодежи, сделать ее опорой своей политики. В области просвещения, например, проводилась политика «американизации школы», чтобы превратить ее в бастион против коммунизма и революционной борьбы. При этом агрессоров и сайгонскую клику вполне устраивало то, что в Южном Вьетнаме насчитывалось около 4 миллионов неграмотных, а четверть всех школ принадлежала различным религиозным организациям.

Да и часть высшего образования здесь также находилась в руках клерикалов. Католическому епископату, например, принадлежал университет в г. Далат с четырьмя факультетами: педагогическим, политической экономии, культуры и науки. Многие его выпускники становились священниками, главным образом военными (капелланами). Еще один католический университет, Миньдык, был создан в 1971 году и имел пять факультетов: медицинский, торговли, техники земледелия, практических занятий и философии. Буддистский университет Ванхань (дословный перевод — молитва нищенствующего монаха), который объединенная буддистская церковь Южного Вьетнама основала в 1964 году, имел факультеты: общеобразовательный, общественных наук, буддизма, культуры, цивилизации, филологии.

Кроме католических и буддистских колледжей, в Южном Вьетнаме существовали вузы, находившиеся в ведении политико-религиозных сект. Одна из них — Хоахао, например, основала в 1971 году университет с четырьмя факультетами: педагогическим и культуры, управления и международных отношений, торговли и банков, сельского хозяйства. А в 1972 году аналогичный колледж создала и секта Каодай *.

Характерно при этом, что только десятая часть вузовских учебников, изданных в Южном Вьетнаме, была на родном языке, а остальные 90 процентов — на английском.

После своего освобождения в 1975 году юг страны прошел три этапа социальных преобразований. На первом из них устанавливалась, организовывалась и укреплялась народная власть, велась борьба с голодом, эпидемиями, трудоустраивались безработные, налаживался общественный порядок. На втором — начиная с 1976 года — была экспроприирована компрадорская буржуазия, национализированы крупные промышленные предприятия, банки, оптовые торговые фирмы. С конца 1977 — начала 1978 года наступил третий, основной, этап перестройки — социалистические преобразования.

При этом мелкие предприятия, остававшиеся еще в капиталистическом секторе, переводились либо в разряд государственно-частных, либо оставались в частном владении, однако государство осуществляет контроль за их деятельностью. Многие мелкие торговцы переводились в сферу производства, создавалась сеть государственных магазинов и закупочно-сбытовых кооперативов.

Большие перемены осуществлены уже и в образовании. Преподавание на юге теперь ведется, как правило, на родном языке, причем по новым программам и учебникам. Особое внимание отводится сочетанию учебы с трудовым воспитанием и общественной деятельностью. Уже к началу 1977 года почти 800 тысяч человек на юге страны покончили с неграмотностью, а около 600 тысяч обучались в группах повышения культурного уровня. К

* Об этих сектах см. статью А. Велецкой в № 5 нашего журнала за 1979 г. (п р и м. р е д.).

Это одна из 735 школ, разрушенных в феврале прошлого года китайскими милитаристами во время их нападения на пограничные районы Вьетнама. Поэтому многим детям здесь все еще приходится заниматься в таких условиях.

Студенты-химики Ханойского политехнического института.

этому времени педагогические институты и училища юга подготовили 11 тысяч учителей и 2 тысячи воспитательниц детских садов. Распахнули свои двери общеобразовательные школы, специализированные училища и вузы.

Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ) ставит задачу повысить культурный уровень национальных меньшинств, подготовить из их среды кадры специалистов. В 1977 году, например, открыт университет в г. Банметхуот, в районе плато Тэйнгуен, готовящий агрономов, животноводов, ветеринаров, лесоводов, учителей. Здесь учатся представители национальностей бана, седанг, эде, зярай.

По данным журнала «Конг шан» («Коммунист», 1979, № 9), в общеобразовательных школах СРВ сегодня обучаются 11 миллионов детей и подростков, более 1 миллиона трудящихся посещают курсы повышения культурного уровня, 145 тысяч учатся в вузах, 110 тысяч — в средних специальных учебных заведениях, а 400 тысяч юношей и девушек занимаются в профессиональных училищах на предприятиях. Общее число преподавателей в стране достигло 430 тысяч.

Создана комиссия ЦК КПВ и правительства СРВ по подготовке и осуществлению реформы народного образования во главе с премьер-министром Фам Ван Донгом. Основной принцип этой реформы, говорится в журнале «Конг шан», — тесная связь обучения с производством, школы — с обществом. Новая система образования должна охватывать все виды обучения — дошкольное, всеобщее начальное, 12-летнее среднее, специальное и высшее образование.

Формирование кадров социалистической интеллигенции требует нового подхода к созданию вузов. Ставится задача повышения качества подготовки будущих специалистов. Она должна обеспечивать формирование у них марксистско-ленинского мировоззрения, организаторских способностей, умелого сочетания обучения с трудовыми навыками. Большое значение при этом придается развитию таких форм обучения, как группы повышения культурного уровня и учеба без отрыва от производства.

В ходе социалистических преобразований вьетнамскому народу, как известно, пришлось столкнуться не только с внутренними трудностями. После освобождения юга и воссоединения страны, а в особенности начиная с весны 1978 года, пекинские руководители организовали ряд военных, политических и дипломатических провокаций против Социалистической Республики Вьетнам. Отбив вооруженную агрессию Китая, трудящиеся неуклонно претворяют в жизнь решения IV съезда КПВ, в частности большое внимание уделяется формированию нового человека социалистического общества. Успешное решение этой задачи во многом зависит от полной ликвидации культурной отсталости, доставшейся в наследство от колониализма, а на юге страны — и от неоколонизаторов.

В системе народного образования СРВ сочетание социалистического и национального моментов обеспечивается гармоничным соединением умственного развития с идейно-нравственным воспитанием, теории — с практикой, тесной связью школы с жизнью, стремлением усвоить все духовные богатства мировой цивилизации при доскональном знании отечественной культуры и строгом учете вьетнамской действительности.

В опубликованном проекте конституции СРВ закреплено положение, что в стране осуществляется культурно-идеологическая революция, создается новая культура, социалистическая по содержанию, национальная по характеру, проникнутая партийностью и народностью, формируется новый человек. Общее руководство народным образованием осуществляется государством. Господствующая идеология — марксизм-ленинизм. Каждый гражданин имеет право и обязан учиться. При этом государство обеспечивает всеобщее обязательное обучение, бесплатность всех видов образования, предоставляет стипендии и льготы учащимся, создает условия для самообразования работающих.

Согласно декрету о гарантии свободы вероисповедания, подписанному 14 июня 1955 года президентом ДРВ Хо Ши Мином, каждая религия имеет право на открытие учебных заведений для подготовки служителей культа и частных школ, в которых преподавание ведется по программам, утвержденным правительством. Помимо основной программы, по просьбе учащихся могут читаться курсы катехизиса. После воссоединения Вьетнама был рассеян миф о гонениях, которым там якобы подвергаются верующие и священнослужители. Политика революционной власти по отношению к религии и церкви, оформленная упомянутым декретом, была признана даже наиболее консервативно настроенным католическим епископатом юга страны. Издаваемая им газета «Тинь нгиа» («Справедливость»), например, писала, что католическая община во всей стране должна соблюдать законы СРВ. Одним из доказательств лояльности высшего духовенства юга по отношению к народной власти явилась, в частности, добровольная передача им государству 200 церковных средних школ.

В проекте конституции СРВ гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой; оговорено в то же время, что никто не может использовать религию для противозаконной деятельности или в ущерб интересам государства.

В документах IV съезда КПВ проводится мысль о том, что формирование социалистической личности — сложный процесс воспитания соответствующих политических, нравственных, эстетических качеств, овладения трудовыми и профессиональными навыками. Приведение идеологической работы в соответствие с уровнем стоящих ныне перед страной социально-экономических задач, отмечается в решениях съезда, предполагает активную борьбу с пережитками прошлого в сознании людей. Это тем более важно, что на современном этапе империализм, стремясь к реваншу, пытается уменьшить притягательную силу нового общества, оживить национализм.

Воспитание идейно убежденных, социально активных граждан, обладающих высоким чувством ответственности перед обществом, — одно из главных направлений в деятельности КПВ. Путь совершенствования политико-воспитательной деятельности партия видит в ее органическом соединении с задачами, решаемыми сейчас в экономической и социальной сфере, в области культуры и международных отношений.

В ОДНОЙ УПРЯЖКЕ

И. АНИЧАС, доктор исторических наук

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979 г.) подчеркивается: «Империалистическая пропаганда... непрерывно ведет яростное наступление на умы советских людей, стремится с помощью самых изощренных методов и современных технических средств отравить их сознание клеветой на советскую действительность, очернить социализм, приукрасить империализм, его грабительскую, бесчеловечную политику и практику». При этом пускается в ход все — «извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь».

В этой психологической войне против Советского Союза и других социалистических стран международная реакция всегда отводила важную роль католицизму. Долгое время Ватикан, скрывая настоящие экспансионистские цели Запада, утверждал, будто он «всего лишь стремится вернуть Россию в лоно истинной религии». Заметное место в этих планах отводилось католической церкви Литвы.

Убедившись, однако, в бесперспективности попыток прямого усиления своего влияния в социалистических странах под флагом их «евангелизации», Ватикан вынужден был несколько изменить свои методы. Там теперь стало «не модно» говорить об этом вслух. Наиболее реакционные деятели этой церкви сегодня предпочитают вмешиваться во внутренние дела народов Восточной Европы при помощи бежавших оттуда буржуазных националистов и клерикалов.

Литовская часть этой эмиграции, в частности, неустанно твердит, будто католическая церковь Литвы — «последний церковный бастион на севере Европы». А главари литовских эмигрантов в Западной Германии даже опубликовали заявление, в котором говорится, что сегодня это — «единственный народ, стоящий как крепость на защите святых прав католической церкви во всем Советском Союзе». Злобным антисоветским голосам вторит и радио Ватикана на литовском языке.

По существу, эмигрантские клерикалы и их ватиканские и иные покровители настолько утратили чувство реальности, что, так сказать, бредят наяву. Чтобы в этом убедиться, достаточно проследить за некоторыми поворотами их пропагандистской фантазии.

В практике международной реакции уже давно известна тактика разделения народов по религиозным признакам, чтобы легче было управлять ими. Уже не говоря о событиях прошлых лет и веков, достаточно напомнить о кровопролитных социальных конфликтах, разжигаемых империалистами в наши дни хотя бы в той же Северной Ирландии, в Ливане и некоторых других районах мира. Не случайно Международное совещание коммунистических и рабочих партий (Москва, 1969 г.) отметило, что внутренняя реакция в государствах, вставших на капиталистический путь развития при поддержке империализма, «разжигает конфликты между национальными, этническими, религиозными, племенными и лингвистическими группами, ставя тем самым под угрозу независимость, обретенную этими странами» [1].

Строя «прожекты» использования католицизма для «освобождения» Литвы, клерикалы пытаются в этих своих идеологических диверсиях опереться на своеобразную специфику нашего края, на такую его историческую особенность, как моноконфессиональность верующего населения, в основном католиков. Именно в расчете на это реакционные эмигрантские круги постоянно пытаются пропагандировать демагогическую националистическую концепцию о мнимой органической взаимосвязи между любовью к своему народу и католицизмом. Вот почему эта ложная концепция пронизывает все зарубежные идеологические диверсии против Советской Литвы, причем в самом реакционном варианте (союз национализма и католического клерикализма). О практическом использовании этого симбиоза в подрывной деятельности против нашей страны, кстати, шла речь и на IX конгрессе атейтининков (ультраправая клерикально-националистическая организация литовских эмигрантов) в Кливленде (США, 1977 г.).

Таким образом клерикальные идеологи литовской эмиграции, пытаясь отравить сознание верующих в нашей республике ядом буржуазного национализма, рассчитывают, что это будет способствовать превращению литовской католической церкви в антигосударственную и антиобщественную организацию. Им невдомек, что в обществе зрелого социализма союз национализма и клерикализма не может иметь шансов на успех, так как здесь уничтожены классовые, политические и идеологические корни этих явлений.

Разумеется, это не значит, что рецидивы клерикального национализма, о которых мечтают эмигрантские «освободители» и их покровители в Ватикане, уже не встречаются среди отдельных экстремистски настроенных служителей культа или временно подпавших под их влияние верующих. Но им никогда не столкнуть основную массу верующих в нашей республике с правильных политических позиций. И тем не менее антикоммунистическая и антисоветская пропаганда, нацеленная на Советскую Литву, не прекращает своих попыток в этом направлении.

С этой целью она, например, постоянно распространяет ложные и провокационные выдумки об опасности, якобы угрожающей литовской национальной культуре. При этом весь социальный прогресс, который принесла нашему народу Советская власть, — создание современной промышленности и крупного коллективного сельского хозяйства, развитие науки и народного образования, расцвет литературы и искусства, всестороннее братское сотрудничество с другими союзными республиками — все это консервативные идеологи буржуазной эмиграции трактуют как уничтожение национальной культуры. И здесь же присовокупляют, что церковь-де — ее единственная хранительница, а католичество — главный атрибут этой культуры.

Клерикальные антикоммунисты пытаются также изобразить естественный процесс секуляризации нашего общества как преследование церкви и верующих. При этом они, разумеется, опять-таки замалчивают тот факт, что повсюду в СССР последовательно соблюдается известное положение статьи 34 нашей Конституции: «Граждане СССР равны перед Законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств».

В идеологических диверсиях совре-

[1] «Документы Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, стр. 29.

менного клерикального антикоммунизма широко используется и миф о «церкви в катакомбах» или о «церкви молчания», призванный подкрепить провокационные измышления о преследовании верующих в странах социализма. Эту версию интенсивно распространяют все буржуазные радиостанции, в том числе и радио Ватикана. Так, в передаче, приуроченной к рождеству, утверждалось, будто в Литве в день этого общехристианского праздника католики делят «тайно испеченный божий пирог». На самом же деле его свободно пекут в каждом костеле и, между прочим, далеко не дешево продают верующим. Кстати, миф о «церкви молчания» интенсивно распространяют и прочие центры клерикального антикоммунизма, например издающийся во Франции межконфессиональный ежемесячник «Катакомб», напичканный инсинуациями о гонениях, которым якобы подвергаются религиозные организации в странах социализма, в особенности в Советском Союзе и, в частности, в нашей республике.

Однако, хотят они того или нет, клерикальные «освободители» вынуждены признать, что коммунистическое мировоззрение глубоко укоренилось в литовском народе и его возвращение в лоно католицизма немыслимо без «новой евангелизации», о чем, кстати, применительно ко всей Восточной Европе давно печется и Ватикан. Саму же эту «евангелизацию» клерикалы понимают как проникновение религии во все области общественной жизни «освобожденной» Литвы.

При этом они выражают озабоченность тем, что пастырская деятельность в республике якобы пришла в упадок, а посему, мол, «некому будет (после «освобождения». — **И. А.**) и не с чего начать восстановление католической жизни». В связи с этим выдвигается задача вырастить и подготовить какого-то «нового священника», который был бы способен «воскресить христианство в Литве». А для ускорения этого процесса намечается не только «увеличить количество костелов», но и в каждой деревне «основать часовню».

Большинство своих прожектов клерикальные «освободители» строят в расчете на молодое поколение «будущей Литвы». Очень уж им не терпится «перевоспитать часть молодых соотечественников, вытеснив из их сознания концепции материалистического коммунизма». Разумеется, при этом клерикалов не может не тревожить то обстоятельство, что у советской молодежи формируется научное, материалистическое мировоззрение. Вот они и ломают голову над тем, как подчинить религиозному обскурантизму новое поколение, выросшее в социалистическом обществе и усвоившее научное мировоззрение.

Некоторые из них, настроенные более реалистически и сознающие, что в век научно-технической революции не так уже легко распространять влияние религии, планируют — опять же «после освобождения» — создать сеть «двойственных школ», то есть с обучением закону божьему и без оного. Впрочем, двойственность эта весьма условная. Оказывается, «в такой... школе не смогут работать учителя, которые в процессе преподавания истории, естествознания или литературы разрушали бы то, что заложено учителем религии».

Как видим, «аппетиты» у клерикальных «освободителей» весьма большие. Однако некоторые из них, более внимательно следящие за советской действительностью, иногда трезво признают: даже если их мифическое «освобождение» когда-нибудь и свершится, то все равно им уже «не найти Литву такой, какой ее оставили. Далеко не по всем вопросам сможем договориться с оставшимися на родине соотечественниками».

Что же делать клерикалам и другого рода «освободителям» ввиду этой неприятной для них реальности? Как заставить население Советской Литвы «договориться с ними по всем вопросам», то есть не сопротивляться восстановлению буржуазно-клерикального режима? На сей счет строятся разные планы, среди которых упомянем лишь самые «смелые». Вот, например, организатор гитлеровской «пятой колонны» в Советской Литве в 1940—1941 годах полковник бывшей буржуазной армии К. Шкирпа думает, что с этой целью в эмиграции надо создать «вооруженную силу», которая, разумеется «в случае необходимости», будет переброшена в «будущую Литву».

Его единомышленник Ю. Александравичус (он же Ю. Айстис, умер в 1971 г.) эту мысль высказал значительно более прозаично. По его словам, в Литве надо будет «...за один зуб все зубы выбить. Кто будет бежать, пусть бежит, но оставшихся... нет смысла и цели жалеть, их необходимо уничтожать тут же, как клопов и тараканов. Не когда-нибудь, но в ту же минуту и на том же месте... а потом на хорошо умытой кровью землице учреждать новые епархии».

Таковы «освободительные» планы клерикалов. Ну а какова их тактика в ожидании «освобождения»? Действовать так, чтобы католическая церковь в Литве стала силой, способной помешать формированию коммунистического сознания литовского народа, чтобы она стала фактором, раскалывающим социалистическое общество по религиозному принципу. Вот, например, как известный идеолог клерикально-националистической эмиграции А. Мацейна ставит этот вопрос: «Нет ли основания для опасений, что литовский народ, если и останется литовским, однако станет коммунистическим? Нет ли основания для беспокойства, что влияние религии в Литве слабеет, а вместе с ним и единственный фактор, способный помешать усилению влияния коммунизма?..»

Таким образом, по мысли пропагандистов литовской буржуазной эмиграции, католическая церковь в Литве должна из института, призванного удовлетворять потребности верующих, стать политической силой, подрывающей единство социалистического общества. И наши «освободители» тщатся столкнуть ее с лояльных по отношению к советскому строю позиций. Именно с этой целью они распространяют клеветнические провокационные измышления о положении духовенства и верующих, фальсифицируют политику Коммунистической партии и Советского государства по отношению к религии и церкви, оказывают постоянное психологическое давление и на служителей культа, и на их паству.

Не удивительно, что консервативные слои литовской эмиграции приветствовали политику ярого антикоммунизма, проводившуюся папой Пием XII (1939—1958 гг.). Ведь тот во время своего понтификата, по подсчету журналистов, примерно 150 раз публично проклял коммунизм. И хотя его преемники в целом и отошли от откровенно антикоммунистического курса, однако и в период «аджорнаменто» на Ватиканском холме все же не было недостатка в словах, а главное — в делах, которые продолжали питать реставраторские надежды эмигрантских «освободителей», изрядно павших духом во времена разрядки. Кардинал А. Саморе, например, который опекает католическую церковь Литвы, в своей проповеди на состоявшемся 4 апреля 1976 г. в папской коллегии святого Казимира богослужении, посвященном 50-летию литовской церковной провинции, грубо исказил положение церкви в нашей республике.

Сразу же после избрания на папский престол под именем Иоанна-Павла II польского кардинала К. Войтылы его поздравил телеграммой провокационного содержания никого не представляющий так называемый «Верховный комитет освобождения Литвы» (ВКОЛ). Изображая в ней Советскую Литву «непоколебимо связанной с католической

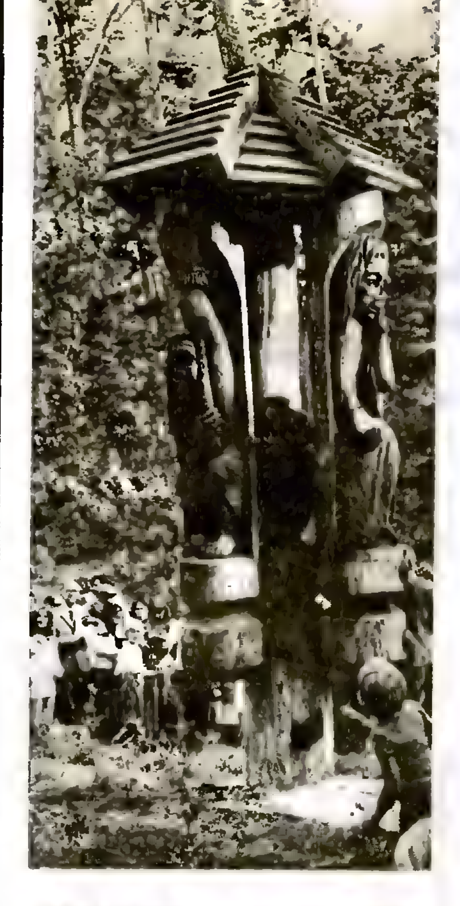
церковью» и якобы за это «жестоко преследуемой», реакционеры выражали надежду, что новый папа окажет активную поддержку «освободительным» иллюзиям буржуазных националистов. Клерикальные газеты литовской эмиграции («Драугас», «Дарбининкас», «Тевишкес жибуряй», «Эйропос лиетувис» и др.) прямо подчеркивали, что К. Войтыла был избран только потому, что «большинство кардиналов были недовольны восточной политикой папы Павла VI», то есть его шагами по нормализации государственных отношений Ватикана с социалистическими странами. Но раз «святой престол» занял человек с «опытом жизни в коммунистическом государстве», то уж он-то, мол, не только «знает, как говорить и действовать, чтобы добиться большей свободы для католиков в сфере советского влияния, но и сумеет найти язык и с красным правительством Италии, если таковое в будущем придет к власти».

После опубликования в марте прошлого года первой энциклики нового папы «Редемптор гоминис» («Искупитель человека») реакционные деятели литовской клерикальной эмиграции сразу же присоединили свои голоса к хору тех ультраправых церковников, которые ухватились за те места этого документа, которые имеют антикоммунистический подтекст. И это не удивительно. Тем более что энциклике действительно свойственны негативное отношение к социальному прогрессу, пессимистический взгляд на будущее человечества [2].

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» говорится, что «одна из важнейших задач идейно-воспитательной и информационной работы — помогать советским людям распознавать всю фальшь... клеветнической пропаганды, в ясной, конкретной и убедительной форме разоблачать ее коварные методы, нести людям... правду о первой в мире стране победившего социализма». При решении этой задачи немаловажная роль принадлежит оперативному и аргументированному разоблачению антисоветской пропаганды. Это в полной мере относится и к распространяемым ею провокационным измышлениям о положении католической церкви в Литве, где, как и повсюду в СССР, трудящиеся, независимо от их отношения к религии, отдают все силы строительству нового общества, свободного от любых форм социального и духовного гнета.

г. Вильнюс

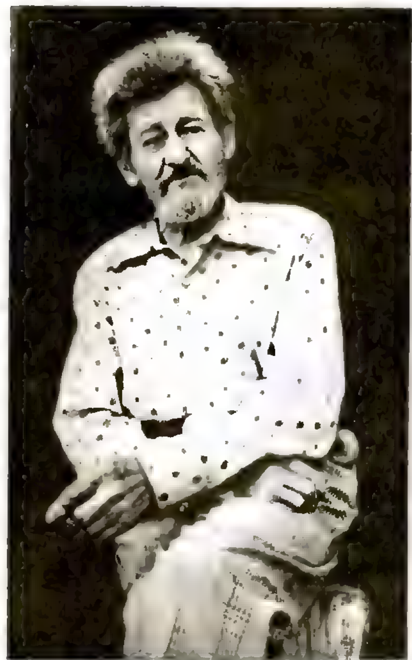
[2] Более подробно об этой энциклике см. в статье И. Вамоша. «Наука и религия», 1980, № 1.

МУЗЕЙ В ЛЕСУ

Буржуазные идеологи всячески клевещут на социалистическую Литву, а ее народ живет спокойной, счастливой жизнью, строит вместе со всей Советской страной коммунизм, развивает свою национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру. Публикуемый здесь небольшой фотоочерк показывает один из современных литовских праздников. Две недели лучшие резчики республики «колдовали» на горе Ведьм, в одном из живописных уголков Куршской косы. В итоге здесь «выросли» десятки деревянных скульптур ведьм, леших, драконов, сов и других традиционных персонажей старинных сказок, народных преданий. Вместе они составляют музей под открытым небом.

Старейший резчик Литвы Станислав Ряуба.

Народная художница Александра Домаркане.

Сотни людей собрались на необычный праздник.

Фотохроника ТАСС.

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
член-корреспондент
АН СССР

БУДУЩЕЕ ДАСТ ОТВЕТ

Аугусто-Сесар Сандино.

Поэт священник, один из руководителей Фронта национального освобождения имени Сандино, а ныне министр культуры правительства Национального возрождения Никарагуа Эрнесто Карденаль.

Никарагуа — одно из шести государств Центральной Америки. С севера оно граничит с Гондурасом, с юга — с Коста-Рикой, с запада — омывается Тихим океаном, а с востока — Атлантическим. Население страны — около 2 миллионов — в основном потомки испанских колонистов, индейцев и негров. Это типичная «банановая республика», где издавна властвовали «Юнайтед фрут» и другие североамериканские компании.

Во времена испанского владычества территория Никарагуа была частью гватемальского генерал-капитанства. Самостоятельность этого государства была провозглашена только в 1838 году. Еще в XIX веке Никарагуа стала привлекать особое внимание Англии и США, которые собрались прорыть на ее территории межокеанский канал. Соперничая друг с другом, вмешиваясь в ее внутренние дела, эти державы пытались подчинить страну своему влиянию. В 1912 году войска янки высадились на никарагуанской земле. Так началась американская оккупация страны, длившаяся свыше 20 лет. В 20-х годах сопротивление захватчикам возглавил замечательный патриот Аугусто-Сесар Сандино. Его бойцы успешно сражались с морской пехотой США. В 1933 году янки и их местные ставленники во главе с Анастасио Сомосой заманили в ловушку Сандино и двух его ближайших помощников и убили их.

Вскоре после этого власть в Никарагуа захватил Анастасио Сомоса — «Каин Америки», как его прозвали в народе. «Сомоса, — говорил о нем президент США Франклин Д. Рузвельт, — конечно, сукин сын. Но все же это наш сукин сын». Эта своеобразная характеристика дает достаточно ясное представление о взаимоотношениях между правительством США и никарагуанским диктатором. Он превратил страну в свою вотчину, широко распахнул двери американскому капиталу. В 1954 году Сомоса помогал американским наемникам свергнуть прогрессивное правительство Арбенса в Гватемале. В 1956 году Сомосу убил патриот Ригоберто Лопес, но власть так и осталась в руках этого семейства. Вскоре в президентском дворце обосновался сын убийцы Сандино — Анастасио Сомоса Дебайле. Он охотно предоставил территорию страны для подготовки американских наемников, высадившихся в апреле 1961 года в заливе Кочинос на Кубе, чтобы задушить революцию на острове Свободы. На сей раз, однако, хозяева Сомосы просчитались: как известно, этот десант был наголову разгромлен, а в самой Никарагуа возникло народное антиимпериалистическое движение, поднявшее знамя Сандино и свергнувшее в июле 1979 года после многих лет упорной и героической борьбы ненавистную диктатуру клана Сомосы.

Как же на фоне этих событий развивались здесь отношения между церковью и государством?

Католическая иерархия не возражала против американской оккупации Никарагуа и поддерживала многолетнее господство семьи Сомосы, хотя последняя, желая услужить своим покровителям, широко открыла двери страны протестантским проповедникам из США. Диктатура благоволила и к иезуитам, которым разрешила открыть в столице Манагуа Центральноамериканский университет. Правда, конституция 1950 года, принятая под диктовку Сомосы, подтвердила принцип отделения церкви от государства, провозглашенный в конституции 1911 года, однако начиналась она обращением к богу, гарантировала церкви право владения недвижимостью, разрешала деятельность монашеских орденов.

Что касается Ватикана, то он всегда поддерживал самые тесные отношения с режимом Сомосы. Даже тогда, когда на борьбу с диктатором поднялся весь народ, а церковная иерархия и значительная часть духовенства осудили его преступления, римская курия пыталась помешать сближению клира с сандинистами. Папский нунций в Манагуа Габриэль Монтардо продолжал оказывать Сомосе благосклонное внимание, встречался с ним на банкетах и произносил в честь его тосты, за что после свержения тирании был объявлен «персоной нон грата» и выслан из страны.

Американский конгрессмен Эдвард И. Кох характеризовал в 1977 году никарагуанскую церковную иерархию как самую консервативную в Латинской Америке. И все же под влиянием растущего народного сопротивления против диктатуры и варварских репрессий, которым подвергались широкие слои населения, в том числе служители культа, заподозренные в антисомосистской деятельности, даже церковная иерархия Никарагуа стала выступать с осуждением преступлений диктатуры.

Начиная с 1971 года епископат во главе с назначенным тогда архиепископом Манагуа Мигелем Обандо Браво сперва весьма нерешительно, а потом все настойчивее стал требовать прекращения репрессий и улучшения социального положения народных масс. В 1972 году с такими требованиями на открытии сессии конгресса, большинство депутатов которого были сторонниками Сомосы, выступил даже сам архиепископ. Эти оппозиционные заявления прозвучали в условиях ожесточенной борьбы народа против диктатуры, развития партизанского движения, забастовок и других актов сопротивления режиму Сомосы.

Опасаясь радикализации антисомосистского движения, никарагуанская буржуазия, представленная в Институте развития и в Верховном совете частного предпринимательства, предложила архиепископу Обандо Браво выступить посредником в национальном диалоге с целью изыскания путей решения политического кризиса, охватившего всю страну.

Архиепископ согласился. Он вступил в переговоры с оппозицией, сопровождая их публичными заявлениями, в которых настаивал на решении кризиса мирными, ненасильственными средствами. В своем рождественском послании 1977 года, например, он писал, что «христиане действуют путем активного ненасилия, ибо активное ненасилие является той практикой, которая позволяет быть революционером, не отрекаясь от Евангелия и оставаясь преданным Христу. Идя таким путем, не предавая революции, можно будет построить справедливое политическое общество... основанное на мистическом теле Христа».

Однако Сомоса, которого поддерживали и вооружали Соединенные Штаты, считавшие его режим единственно надежной преградой коммунизму, который якобы угрожал «поработить» Никарагуа, и не помышлял уступать комулибо власть. Тем временем его противники, лишенные возможности выражать в печати свои взгляды, все чаще стали использовать церкви для разоблачения преступлений диктатуры. В частности, противники режима проводили в храмах массовые голодовки, митинги протеста, демонстрации. Полицейские власти, известная своими зверствами национальная гвардия диктатора врывались в церкви, арестовывали прихожан и священников, бросали их в тюрьмы.

И хотя епископат, протестуя против такого рода репрессий, осудил в феврале 1978 года использование храмов противниками Сомосы, многие священники втягивались в активную борьбу против диктатуры, становились жертвами преследований и нападок со стороны властей. Под конец дело дошло до того, что кое-где национальная гвардия стала расправляться со всеми духовными лицами без разбора. Во время боев за город Эстели в сентябре 1978 года, например, каратели подвергли избиениям и пыткам семерых испанских монахов. Да и сам Сомоса неоднократно заявлял, что считает служителей культа «союзниками коммунистов».

Во второй половине 1978 года, когда положение в стране резко обострилось, сандинистские силы перешли в наступление и борьба против диктатуры повсеместно разгорелась с новой силой. В этих условиях архиепископ Обандо Браво потребовал отставки Сомосы и предложил образовать правительство Национального единства. Когда диктатор отверг это предложение, архиепископ покинул Никарагуа и укрылся в соседней Коста-Рике. Оттуда он вновь обратился к Сомосе, предлагая провести новые переговоры с участием правительств стран Латинской Америки для урегулирования политического положения в Никарагуа. Некоторое время спустя специальная сессия Организации американских государств, которую пытались использовать в своих интересах США, приняла такое же решение. На сей раз Сомоса согласился на переговоры в надежде, что США не допустят его падения.

Ведя переговоры с посредниками, диктатор продолжал использовать национальную гвардию для подавления народного движения, возглавляемого сандинистами. Среди жертв сомосистского террора были и духовные лица. Так, каратели учинили погром в католической общине Солентинаме, во главе которой стояли падре — поэт Эрнесто Карденаль и его брат иезуит Фернандо, вынудив их уйти в подполье.

В 1978 году Эрнесто Карденаль побывал в Москве. В интервью журналу «Латинская Америка» он рассказал, как стал борцом против диктатуры и как оценивает позицию церкви в своей стране и за ее пределами [1].

«— Как вы пришли в литературу? — спросил его корреспондент журнала.

— ...Воспитывался я в католическом колледже, — ответил отец Эрнесто. — ...Закончив колледж, поступил в университет в Мехико, где проучился четыре года. В 1947 году я был принят в аспирантуру Колумбийского университета в США, где изучал американскую литературу. Разумеется, меня особенно интересовала поэзия.

Вернувшись в 1949 году на родину, я занялся политической деятельностью, всецело посвятив себя борьбе против диктатуры Сомосы. Политика, вернее революция, и раньше была моей страстью. Я примкнул к группе заговорщиков против диктатуры, но наш заговор провалился. В Никарагуа он получил большой резонанс и был известен как «Апрельский заговор»... Но в 1956 году произошли события, которые полностью изменили мою жизнь, и я обратился к богу. Я ушел в монастырь... Впоследствии ...создал общину на одном из островов архипелага Солентинаме (озеро Никарагуа). Там я прожил 12 лет, вплоть до октября 1977 года, когда наша община была разгромлена солдатами национальной гвардии.

— Как это случилось?

— Члены общины наладили связь с окрестным населением, с крестьянами-бедняками, и это радикализировало нас самих. Мы поняли, что наш прямой долг — борьба на стороне угнетенных. Этому содействовала и моя поездка на Кубу в 1970 году. Мы... все больше сближались с партизанами, с Фронтом национального освобождения имени Сандино. Все это помогло нам... понять... что мир разделен на эксплуататоров и эксплуатируемых, что угнетенные возьмут верх над своими угнетателями и тогда воцарится на земле справедливое общество. Таким образом, мы всецело посвятили себя борьбе за освобождение Никарагуа и влились в партизанское движение.

В 1977 году Фронт имени Сандино начал наступление по всей стране, в том числе и в районе, где находилась наша община... Молодых общинников попросили помочь повстанцам, на что они отозвались с большой готовностью. Уже давно они мечтали стать в ряды партизан, и теперь им довелось принять участие в важной акции: нападении на казарму в Сан-Карлосе. Нам удалось уничтожить отряд национальной гвардии, а наши потери были минимальны. Однако... 13 октября 1977 года регулярные части, прибывшие из Манагуа в сопровождении авиации и вертолетного десанта, начали наступление.

Руководство Фронта имени Сандино настояло на том, чтобы я оставил общину. Она была полностью разрушена. С тех пор я нахожусь в изгнании. Как вдохновитель нападения на казарму в Сан-Карлосе я заочно приговорен к 18 годам тюремного заключения. А молодежь из нашей общины, насколько мне известно, участвует в новых боях в составе Фронта имени Сандино...

— Многие ли священники принимают участие в движении за освобождение Никарагуа?

— Да, например, мой брат, тоже священнослужитель. Он входит в группу, известную в Никарагуа под названием «Группа 12-ти», которая также поддерживает сандинистов. Среди партизан есть два священника, взявших в руки оружие.

— Как смотрит на это официальная церковь?

— Епископы не высказывались ни «за», ни «против». Это дело личных политических убеждений священнослужителей. Тем более что и сами епископы — противники диктатуры, разумеется, в более робкой форме. Но они сторонники демократии, поэтому мы не считаем их врагами, хотя мы боремся за подлинную демократию, за подлинную революцию.

— Что привело вас в революцию: религиозные убеждения или внешние факторы?

— И то и другое. И религиозные убеждения, и, в частности, опыт кубинской революции. Впервые я побывал на Кубе в 1970 году и там понял, что единственный путь для наших народов — это социализм. В те же годы в Латинской Америке возникло религиозное движение... получившее название «теология освобождения». Я и мои соратники по общине в Солентинаме пришли к убеждению, что между Евангелием и марксизмом нет антагонизма...

— Какова роль католической церкви в современном мире?

— У Роберто Фернандеса Ретамара есть книга, в которой он очень точно объясняет, что не одна страна угнетает другую, а один класс угнетает другой. Так и церковь: есть церковь, которая находится на стороне угнетателей, а есть церковь, которая стоит на стороне угнетенных, одна церковь — за богатых, другая — за бедных.

— Значит ли это, что имеется официальная церковь и есть, скажем, «народная церковь»?

— Да, конечно, в церкви тоже разделение по принципу классовой борьбы. Но я как христианин считаю, что «народная церковь» — это и есть истинная церковь. Потому что церковь, поддерживающая эксплуататоров, предала Евангелие... Мне кажется, что... предназначение христианства: установить на земле справедливое общество. И находясь сейчас в рядах революции, я считаю, что выполняю свой христианский долг.

— Как вы представляете себе роль церкви в свободной Никарагуа?

— Я думаю, что, когда у нас в стране будет построен социализм, реакционная церковь исчезнет. Под реакционной я подразумеваю такую церковь, которая продолжает отстаивать устаревшую политическую систему. Этого нельзя допустить, и мы, христиане, борющиеся в рядах бойцов за освобождение, этого не допустим. Мало того, мы считаем, что церковь не только не должна сопротивляться изменениям в общественной жизни, но и обязана участвовать в них. И такая церковь у нас также есть. И пусть сейчас мы в меньшинстве... но именно нам предстоит взять верх...

— Вы говорите об этом в своих проповедях?

— Когда я выступаю с проповедью в самых различных храмах, в самых разных странах, я высказываю свои взгляды, пользуясь революционной терминологией. Например, в Соединенных Штатах я видел, как некоторые прихожане, пришедшие послушать мою проповедь, вставали и уходили из церкви. Разумеется, это были реакционно настроенные люди, они утверждали, что я проповедую коммунизм. Не знаю, может быть, это действительно так и было. Конечно, большинство все же согласны со мной, но некоторым мои проповеди мешают жить спокойно. Я выступал не только в католических храмах, однажды меня принимали в университетской церкви. Совсем недавно я был в Праге на V Всехристианском мирном конгрессе. Там я изложил позиции христиан - революционеров Латинской Америки, утверждая, что на континенте есть еще такие христиа-

---

[1] «Латинская Америка», 1979, № 2, стр. 139—146. Перепечатываем с сокращениями.

С победой революции в индейский поселок Монимбо на окраине города Масая пришла новая жизнь. В частности, здесь открылись дневная и вечерняя школы, детский сад. На снимке: школьники с учительницей.

Фото АДН—ТАСС.

не, которые не понимают, что должно быть не просто мирное сосуществование между христианством и революцией, но что верующие должны участвовать в революции.

Среди верующих в Никарагуа многие стремятся сотрудничать с нами. Другие считают, что в марксизме есть совпадающие с христианством позиции и цели. А есть и совершенно близкие нам и нашей позиции люди, которые считают, что революция должна быть только социалистической, что христиане должны быть с революцией и не могут стоять на стороне реакции. И не только в Никарагуа мы встречаемся с этим. Пример тому — чилийские священники, сторонники Народного единства, которых насчитывалось около 300 человек...»

Весьма примечателен также жизненный путь другого активного участника сандинистского движения — падре Мигеля Д'Эското Брекмана. Сын зажиточных родителей, он получил высшее богословское образование в США, затем семь лет прослужил в католической миссии в Чили, проповедуя в рабочих кварталах Сантьяго, Вальпараисо и Темуко. Возвратясь в Никарагуа, руководил католическим издательством и одноименным журналом «Орбис». С 1974 года активно выступал против диктатуры Сомосы, будучи связан с Фронтом национального освобождения имени Сандино. В 1978 году вместе с Эрнесто Карденалем вошел в «Группу 12-ти», требовавшую ухода Сомосы.

В сентябре 1978 года духовенство Манагуа и Национальная конференция монахов Никарагуа обратились с открытым письмом к президенту Картеру, в котором описали вопиющие нарушения прав человека, совершаемые режимом Сомосы под ложным предлогом борьбы с коммунизмом. Никарагуанские священнослужители потребовали от США прекратить поддержку диктатора и не вмешиваться во внутренние дела других стран. Но этот призыв никарагуанского епископата оказался тщетным: именно тогда США прилагали все усилия, чтобы сохранить Сомосу у власти. Однако теперь мы знаем, что эти маневры не увенчались успехом. Ценой огромных человеческих жертв и разрушений народ сверг сомосистскую тиранию и образовал правительство Национального возрождения, в которое, кстати, вошли и два уже знакомых нам священника — Мигель Д'Эското Брекман, ставший министром иностранных дел, и Эрнесто Карденаль, получивший портфель министра культуры.

В октябре 1979 года были нормализованы дипломатические отношения между СССР и Никарагуа. Выступая на церемонии подписания совместного заявления в Манагуа, Мигель Д'Эското Брекман отметил, что народ Никарагуа всегда всем сердцем был с советскими людьми, всегда восхищался Страной Советов. «Вот почему от имени всего никарагуанского народа я заявляю, — сказал министр иностранных дел, — что этот день является историческим для всех нас. Мы глубоко убеждены в том, что нормализация отношений между нашими странами — это лишь начало процесса углубления и сближения, который, несомненно, будет успешно развиваться и послужит на благо народов Никарагуа и Советского Союза»[2].

Новое правительство Никарагуа, в котором представлены все организации, принимавшие участие в свержении Сомосы, стремится сотрудничать с духовенством в деле национального возрождения. В частности, оно поручило группе иезуитов разработать план экономического развития страны, а группе монахов-доминиканцев подготовить проект аграрной реформы.

Разумеется, трудно предсказать, как здесь дальше будут развиваться взаимоотношения между церковью и революционным государством. Несомненно, однако, что оно никак не заинтересовано в возникновении конфликтных ситуаций на этой почве и, более того, стремится сотрудничать с теми служителями культа, которые искренне желают не только на словах, но и на деле освободить страну от империалистической зависимости и вековой отсталости. Но захочет ли пойти по этому пути никарагуанский епископат? Будущие события дадут ответ на этот вопрос.

[2] «Известия», 20 октября 1979 г.

Мозамбик обвиняет

С СУРОВЫМ осуждением деятельности реакционного католического духовенства выступил президент Народной Республики Мозамбик, председатель партии ФРЕЛИМО Самора Машел. Католическая церковь — соучастник множества преступлений против мозамбикского народа, заявил он.

Блокируясь с португальским колониальным режимом, священники всегда выступали против освободительного движения, подчеркнул президент. Церковь освящала бомбы и напалм, военные казармы и публичные дома. С ее благословения поработители жестоко эксплуатировали коренное население, пытали и расстреливали патриотов, грабили и убивали, сжигали целые деревни. Реакционное духовенство не только не протестовало против зверских расправ над африканцами, отметил С. Машел, но, напротив, содействовало созданию португальскими колонизаторами на территории Мозамбика концентрационных лагерей.

Впервые португальцы ступили на мозамбикскую землю в 1498 году. Вслед за мореплавателями и купцами в страну устремились католические миссионеры. В течение почти пяти веков церковь исправно служила колонизаторам. Проповедники призывали африканское население к покорности и почитанию белых хозяев. Когда в начале 60-х годов мозамбикский народ поднялся на освободительную борьбу, католическое духовенство колонии встало на защиту старых колониальных порядков. Оно объявило партизан «исчадием ада».

Церковь оказалась в лагере реакции и после провозглашения в 1975 году независимости Мозамбика. Ей явно пришлись не по душе избранный народом курс на построение в стране социалистического общества, глубокие социально-экономические преобразования, проводимые правительством и партией ФРЕЛИМО. Хотя с тех пор, по словам президента С. Машела, молодая республика добилась большего прогресса, чем за столетия португальского владычества, святые отцы и сегодня берутся утверждать, будто «колониализм коечто сделал для Мозамбика». Подвергая яростным нападкам завоевания мозамбикской революции, они прямо поддерживают ее врагов и оказываются, таким образом, в одной упряжке с империалистами Запада и расистами ЮАР.

Когда же эти происки католической церкви встретили решительный отпор со стороны народа, реакционное духовенство выступило с лживыми заявлениями, будто «в новом Мозамбике нет свободы». Клевету охотно подхватили империалисты, ныне рядящиеся в тогу защитников прав человека, а буржуазные средства массовой информации стали сокрушаться по поводу якобы бедственного положения верующих в Мозамбике, которым, мол, правительство «объявило войну».

Ответ на эти клеветнические измышления содержится в речи президента С. Машела. Верующие, сказал он, вовсе не враги нашей независимости, а граждане, которым дороги интересы своего народа.

А. ПРОСВЕТОВ

ПОЕЗДКА В БАМИАН

Ю. ИОНОВ

Я — врач, в течение трех лет работал по специальности в Афганистане. Мне и моим коллегам удалось увидеть эту интересную страну, познакомиться с ее трудолюбивым народом, узнать его историю, полюбить культуру, ее исторические и природные достопримечательности. Однажды мы отправились в Бамиан, древний город, который называют «мертвым».

Долгая и тяжелая дорога привела нас к цели. На возвышении — современный отель «Бамиан», а рядом — юрты для туристов — любителей экзотики. Мы тоже решили испытать хоть на несколько часов быт кочевников. Юрта оказалась удобным и уютным жильем: снаружи — войлок, натянутый на хитро переплетающиеся жерди, пол устлан толстым ковром с ярким замысловатым рисунком. Здесь прохладно днем, тепло ночью, и, главное, верблюжий войлок отпугивает скорпионов и каракуртов.

Поразительно красивая панорама открывается с веранды отеля. К югу — снежные вершины хребта Кохи-Баба, к северу — Бамианская долина с золотистыми заплатками пшеничных полей на изумрудном фоне тополевых насаждений. А среди пшеничного поля, как вечный страж долины, стоит древняя крепость с высокими восьмигранными башнями.

Отсюда хорошо виден Большой Будда (IV в.). В нескольких сотнях метров от нас высится Малый Будда (II в.). Вся скала на 10—15 метров изрыта многочисленными пещерами, которые в прежние времена служили кельями для монахов-буддистов и своеобразной обителью для паломников.

Грозные крепостные стены смотрят вдаль темными глазами бойниц. С севера, защищая долину от ветров, вздымаются к небу морщинистые высокие скалы.

Мы подъехали к Большому Будде (высота его 52 метра, для сравнения — высота знаменитого сфинкса в Египте 20 метров). Эта мощная, непропорционально сложенная фигура со срезанной верхней частью лица и растянутыми в загадочной полуулыбке губами вызывает изумление перед искусством древних художников, производит огромное впечатление.

Туристам разрешают взобраться на голову Большого Будды. По каменной тропе мы подошли к железной двери, ведущей в пещеру. Служитель, гремя связкой ключей, отворил дверь, и мы оказались в коридоре. Поднявшись по сырым, скользким ступеням, пройдя низкий тоннель, настолько темный, что приходилось ориентироваться на белевшую впереди чалму проводника, мы свернули круто в сторону.

Вдруг всех ослепил яркий свет. Лишь через несколько мгновений мы увидели, что очутились у узкого проема в стене, а впереди — плоская круглая площадка, истоптанная тысячами туристов. Это и была голова Будды, на которую нам предстояло взойти.

С некоторым страхом мы перепрыгнули промежуток, отделяющий голову статуи от скалы. Никакой ограды, под ногами — зыбкая основа пятачка. Но панорама, открывающаяся на изумрудную долину Бамиана, на снежные пики Гиндукуша, заставляет забыть об опасности.

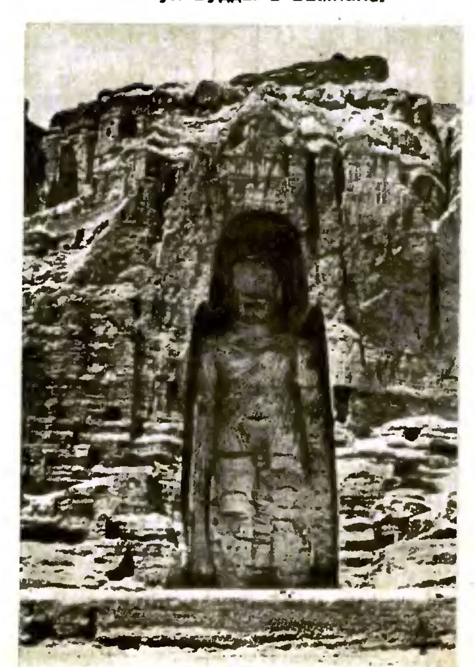
Прямо над головой Будды — арка с остатками великолепных старинных фресок. В былые времена «золото, золото сверкало повсюду», как писал о величии Бамиана китайский путешественник Сюань Цзан, видевший эти статуи в 630 году нашей эры. Он насчитал в Бамианской долине более 10 монастырей, где «проживали бритоголовые монахи в оранжевых одеяниях». Глядя на сонный городишко, трудно себе представить, что здесь когда-то был большой, шумный город, полный паломников и монахов. Тут шла бойкая торговля, создавались шедевры искусства. По преданиям, город был «настолько большим, что ребенка, потерявшегося на улицах, находили уже 75-летним стариком».

Особенно интересен Бамиан тем, что с ним связано возникновение и развитие древних религий. Город лежал на великом караванном пути в Китай. Утомленному путешественнику после длительного пути по суровым и опасным тропам Гиндукуша вдруг открывалась цветущая мирная долина. И первое, что он видел,— это сверкающие золотом статуи-колоссы Будды. Путешественники падали ниц, пораженные невиданным чудом.

И для сегодняшних туристов поездку в Бамиан можно сравнить с путешествием в глубь тысячелетий, ко временам великого Канишки — правителя древнего Кушанского царства, во многом еще загадочного для ученых.

Вокруг — сотни пещер, мертвый пещерный город. Правда, не совсем мертвый: в некоторых и сейчас живут люди. Мы подошли к такой пещере. Пожилая женщина без чадры длинной палкой взбивала коричневую глину. Рядом грязные, оборванные дети играли с черной лохматой собакой. Загорелый морщинистый старик колдовал у крутящегося гончарного круга, на котором рождался узкогорлый кувшин. Вереницей выстроились готовые изделия. Афганистан — страна гончаров. Для местных жителей глина — не только материал для домашней утвари, но и целая своеобразная философия. Здесь считают, что все живое уходит, превращаясь в комья золотистой глины. Невольно вспомнился Омар Хайям: «Дивлюсь тебе, гончар, что ты имеешь дух мять глину, бить, давать ей сотни оплеух, ведь этот влажный прах трепещущий был плотью, покуда жизненный огонь в нем не потух...»

Статуя Будды в Бамиане.

Мы подошли поближе. В полумраке пещеры видна яма для провизии, вкопанный в земляной пол сосуд с водой, в центре — кованый котел, в котором варят пищу. На стенах поистине вековой слой копоти. Дым из очага уходит через специальное отверстие. В соседней пещере несколько худых коз, охапка соломы.

В городе внимание мое привлек один из павильонов, где я увидел молодого человека в белоснежной чалме с развевающимся концом — признак глубоких познаний и религиозности. Это народный лекарь. Мы познакомились. Саиду 21 год. После окончания лицея он прошел обучение у местного старика лекаря и теперь первый год с успехом занимается самостоятельной практикой. Узнав, что мы врачи, Саид с удовольствием согласился продемонстрировать нам свое искусство. Он подсел к пациенту, который страдал грыжей брюшной стенки, долго массировал живот, пошлепывал его ладонями. Затем в ход пошла шершавая пятка «доктора». Ловко перевернув больного на живот, он взял его правую руку и левую ногу и начал сводить их за спиной больного. Больной кряхтел, лицо его побагровело от напряжения.

Мы наблюдали, по существу, лечебную гимнастику, правда по-восточному своеобразную, с оттенком некоторой театральности, необходимой, очевидно, и для психотерапии, и для рекламы врачевательного искусства, поскольку оно проводится публично. Чем искусней проводится такой сеанс — тем больше пациентов. Я встречал разных знахарей — и с элементами образования, и просто шарлатанов. Однако в стране, где ощущается острая нехватка врачей, такие лекари, как Саид, несут в народ пусть примитивное, но доступное и недорогое лечение.

Когда процедура лечения окончилась, пациент отдышался, привел себя в порядок, мы поинтересовались, как он себя чувствует.

— Я принимаю уже третий сеанс лечения, и с каждым разом мне становится все лучше. Образованные доктора из госпиталя предлагали операцию, но думаю, что с помощью нашего доктора, да продлит Аллах его годы, я обойдусь без нее.— Присутствующие согласно закивали головами.

Мы заторопились — пора было уезжать. Прощай, Бамиан!

г. Краснодар

Ганс Адамо. ХДС/ХСС. СУЩНОСТЬ И ПОЛИТИКА. Пер. с нем. М., Политиздат, 1979. 368 стр., 32 000 экз., 90 коп.

В книге западногерманского коммуниста анализируется деятельность буржуазных клерикальных партий Федеративной Республики Германии — христианско-демократический союз и христианско-социальный союз. Автор излагает историю возникновения этих партий, всесторонне рассматривает их политику в различных областях, отвечающую интересам крупного капитала, аргументированно критикует используемые блоком ХДС/ХСС средства и методы, на конкретном материале показывает тенденции его дальнейшего развития.

А. И. Барменков. СВОБОДА СОВЕСТИ В СССР. М., «Мысль», 1979, 223 стр., 10 000 экз., 90 коп.

Автор излагает основы политики КПСС и Советского государства в отношении религии и церкви, подчеркивает выдающуюся роль В. И. Ленина в разработке политики партии в религиозном вопросе. Большое внимание уделено анализу ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», отмечается его историческое значение для осуществления демократического принципа свободы совести. На большом фактическом материале показан подлинный демократизм советского социалистического строя, который гарантирует всем гражданам право не только свободы удовлетворения религиозных потребностей, но и свободы атеистической пропаганды.

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». вып. 24. М., «Мысль», 1979, 287 стр., 21 500 экз., 1 руб. 10 коп.

Очередной выпуск сборника, издаваемого Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, посвящен анализу особенностей и новых тенденций эволюции современного религиозного сектантства в СССР. На большом фактическом материале показаны кризисные явления, переживаемые христианским сектантством, изменения в идеологии и деятельности различных сект. Специальный раздел посвящен освещению опыта атеистической воспитательной работы среди последователей христианских сект.

В сборнике публикуются также новые материалы об отлучении Л. Н. Толстого от православной церкви и формировании атеистических воззрений Н. Г. Чернышевского.

И. А. Крывелев. КРИТИКА РЕЛИГИОЗНОГО УЧЕНИЯ О БЕССМЕРТИИ. М., «Наука», 1979, 176 стр. с илл., 50 000 экз., 30 коп.

Вера в бессмертие человеческой души и в ее загробную жизнь занимает важное место в учении большинства религий. Автор книги критически рассматривает религиозную веру в загробную жизнь, вскрывает ее социальную подоплеку, противопоставляет ей материалистический взгляд на проблемы жизни и смерти.

П. К. Курочкин. НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 1), 1980, 64 стр., 45 500 экз., 11 коп.

В брошюре автор анализирует объективные и субъективные факторы развития атеизма и преодоления религиозности, показывает, что научно-атеистическое воспитание органически входит в систему идейно-воспитательной работы партии, направленной на формирование нового человека, что в условиях развитого социализма атеистическое, трудовое и нравственное воспитание тесно взаимосвязаны, раскрывает формы и средства научно-атеистической пропаганды.

В. Сычевский. ВЕРНИСЬ, РУЖЕНА!.. Повесть. М., «Детская литература», 1979, 271 стр. с илл., 50 000 экз., 60 коп.

Повесть о судьбе человека, который в юности в силу ряда обстоятельств тесно связал свою жизнь с религией, став священником униатской греко-католической церкви, о его трагической любви и разрыве с церковью и религией.

З. А. Тажуризина. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ АТЕИЗМА. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979, 208 стр., 5 470 экз., 65 коп.

В книге анализируется процесс освобождения сознания людей от религии в ходе развития духовной жизни общества, рассматриваются такие формы свободомыслия, как антирелигиозный скептицизм, религиозный нигилизм и индифферентизм, антиклерикализм. Дана характеристика атеизма как философско-материалистического знания о религии и методологии ее преодоления, прослежены закономерности развития атеизма.

●

Н. М. Закович. СОВЕТСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА. Киев, «Наукова думка», 1980, 221 стр., 3 450 экз., 1 руб. 50 коп.

«Сионизм — правда и вымысел». Сборник статей. Вып. 2. М., «Прогресс», 1980, 223 стр., 40 000 экз., 70 коп.

«ИЗ ИСТОРИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УРАЛА». Свердловск, Уральский университет, 1979, 136 стр., 600 экз., 1 руб. 20 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Хуберт Мор. Галилей реабилитирован, но дух инквизиции еще жив. «За рубежом», 1980, № 6, стр. 23.

«Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня». Рига, 1979. Из содержания: «Проблемы религии и церкви», стр. 150—186.

В. Ф. Тендряков. Божеское и человеческое Льва Толстого. В кн.: «Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль». Л., 1979, стр. 272—291.

Х. Умаров. Ответственность коммунистов в борьбе с религиозными предрассудками. «Партийная жизнь», 1979, № 23, стр. 59—64.

А. И. Уткин. Свобода совести и социалистический гуманизм. «Вопросы общественных наук», вып. 40. Киев, 1979, стр. 128—134.

Д. Е. Фурман. Трагедия Джонстауна и американские секты. «США — экономика, политика, идеология», 1979, № 6, стр. 26—37.

А. З. Чернышева. Персонал хеттского храма (по данным «Инструкции храмовым людям»). В кн.: «Проблемы истории античности и средних веков». М., 1979, стр. 3—13.

М. Ф. Чигринский. Из истории религии аборигенов Тайваня (по свидетельствам миссионеров). В кн.: «Страны и народы Востока». М., 1979, вып. 20. «Страны и народы бассейна Тихого океана», кн. 4, стр. 209—219.

А. Шамаро. Действие происходит в Москве. М., 1979. Из содержания: «Виновник, оставшийся в тени», стр. 156—162.

И. А. Шудрик. Влияние научно-технической революции на преодоление религиозности в условиях развитого социализма. «Вестник Харьковского политехнического института», 1979, № 149. Философия, вып. 6, стр. 45—49.

● Был ли распят Христос — еще вопрос. А именем его распяты тысячи и тысячи.

● Прикуривать от кадила — еще не значит быть атеистом.

● Сатаной прожил, а пенсия архиерейская.

Николай ПОЛОТАЙ
г. Ялта

● Если любить каждого ближнего, хватит ли любви для себя?

● Если пребываешь у бога за пазухой, не сетуй на неудобства.

● Единственное, что завещал наследникам, — искупить свои грехи.

● Не отрицал существования ангелов: относил себя и их числу.

Игорь СЛЕСАРЕНКО
г. Киев

● И бог и дьявол созданы по образу и подобию человека.

● Грешил чрезмерной святостью.

● По сравнению с грехами богов люди выглядят святыми.

Аркадий ДАВИДОВИЧ
г. Воронеж

Сдано в набор 17. 3. 80.
Подписано к печати 24. 04. 80.
А 02372.
Формат издания 60х90 1/8.
Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов 12,86.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 01517.

Адрес редакции:
109004. Москва, Ж-4, Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-98.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Украïна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Читайте
в номере:
Ю. Холопов
«Тимоня»

33-13

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

РАБОТА ВАЖНАЯ, НЕОБХОДИМАЯ

Духовному обновлению края посвятила свое выступление Р. КАСЫМОВА, секретарь Ферганского обкома КП Узбекистана.

КАК УСТОЯЛА РУСЬ

Как русские воины сумели одолеть сильного и коварного врага на поле Куликовом, пишет А. ШАМАРО.

Поиски личного счастья; любовь и преданность; нравственный облик современника — темы очерков, помещенных в нашем традиционном разделе ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА.

ССЫЛАЯСЬ НА БИБЛИЮ

На чем основаны пророчества современных баптистских проповедников о близком конце света? На этот вопрос отвечает в своей статье кандидат философских наук Б. ГАЛЬПЕРИН.

РИТМЫ ЖИЗНИ

Природу замечательного искусства — тамильского народного танца, его развитие в условиях независимой Индии исследует в очерке В. ФУРНИКА.

ПРАВДА О «ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ»

Писатель Цезарь СОЛОДАРЬ рассказывает о встречах с бывшими советскими людьми, поддавшимися на пропаганду сионистов.

ГОРЬКИЕ И СЛАДКИЕ ПЛОДЫ «НЕФТЯНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В очерке журналиста А. ОСТАЛЬСКОГО говорится о волнениях в священном городе мусульман Мекке (Саудовская Аравия), происшедших осенью прошлого года.